

Наталья Любимова

Наследство старого аптекаря

Книга вторая

Наталья Викторовна Любимова

Наследство старого аптекаря

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53836882

SelfPub; 2020

Аннотация

У влиятельного бизнесмена пропадает дочь, и капитану полиции Рябину по поручению раскрыть это дело. Но в городе пропала не только дочь бизнесмена, а еще несколько девушек. Кто за этим стоит? Маньяк-серийник или...? Чтобы найти убийцу, Рябину предстоит побывать в прошлом и разгадать страшную многовековую тайну. Ведь такие преступления уже были... На помощь ему как всегда придут его верные друзья – Хранитель Антонов и Защитник Тихомиров. Вместе им предстоит распутать сложное дело.

Пролог

Юрка Кондратьев плыл по коридору, залитому светом. На стенах которого висело множество живописных картин. Здесь были полотна Шишкина и Перова, Левитана и Серова. Только как бы чуть-чуть искаженные. Юрка знал, что это всего лишь его воспоминания о них. На картине Шишкина «Утро в сосновом лесу» его взгляд задержался.

Он не мог вспомнить сколько на ней было медвежат. «Три или четыре?» На картине тоже их количество постоянно менялось. «Все-таки четыре», – окончательно решил Юрка. Медведи приняли свои законные места, и картина замерла. «Гарри Потер, блин», – усмехнулся он сам себе.

Почему-то, Юрка, когда перемещался по коридорам всегда представлял себя на художественной выставке. А Картины всегда были из учебников по литературе, русскому языку или истории. И только на выставку Рериха, он ходил с мамой в настоящую галерею. Там тоже были залы, залитые светом и яркие картины. Особенно его впечатлила картина «Споручница грешных». Женщина, стоящая рядом, тогда глядя в лицо маленького Юрки, пояснила: «Это Пресвятая Богородица, мать Сына Божьего Иисуса Христа. Помогает грешникам попасть в рай. Она очень добрая, любит всех людей и постоянно молит сына своего и Господа Бога нашего за каждого из нас. Даже, если Бог отвернулся от этого человека, она просит о его прощении, протягивает ему свою нить помощи, по-

крывало. И если человек осознает свои ошибки и искренне раскаивается, она с помощью этой нити помогает человеку не заблудиться и попасть в рай».

Юрка усмехнулся своим детским воспоминаниям: «Мне до рая еще ой как далеко». Недавно он снова видел, как приближается темнота. И как она может разрушить хрупкий мир в одночасье. Как начнется на земле хаос, и тысячи смертей, невинных загубленных душ людей, не познавших радости и счастья, не умеющих отличать добро от зла, устремятся в бездну на этап осознания или отчуждения. А сколько душ распадется на радость тьме, уплотняя ее, и делая сильнее.

Юрка вспомнил, как в первый раз он оказался на этапе отчуждения, когда его вернули на землю в качестве тени. Как пробирался он в темноте на ощупь, сквозь чужие страдания. Как ощущал смрад и вонь от распавшихся и неприкаянных. Вспомнил голос Григория, который отправил его тогда обратно по воле Всевышнего. По земным меркам, наверное, это было давно, а здесь ощущение времени отсутствовало. Помниться все до мелочей, и возвращается еще и еще, если не обратил на что-то внимание.

Одно радовало его, прибавляло сил и уверенности, что на земле есть Избранные, такие как Ромка Антонов и его верные друзья Андрей Тихомиров и Егор Рябинин, которые спасут мир, чего бы им это не стоило. А его Юрки, нелегкая задача направить их туда, где они нужнее всего.

«Слава», – мысленно позвал он своего помощника. По-

следнее время он уже научился говорить с ним телепатически, и не удивляться, когда появляется то, о чем он только что подумал.

«Я видел темные образы, мне нужна твоя помощь», – передал он свои мысли пареньку.

«Русско-японская война?» – слегка удивился Слава, но тут же пожав плечами так же мысленно ответил: – «надо, так надо!».

Ему не всегда были понятны образы нового Исправителя, а логики у того не было вообще, но со своими задачами он как-то справлялся. Поэтому Слава верил ему на слово. И выполнял, что ему говорили. Во всяком случае, с момента прихода этого Юрки Кондратьева, на место Исправителя ошибок, он не разу не впадал в уныние, и не боялся распасться от скуки.

Глава 1

«Призраки»

Ромка Антонов вышел на станции Латурина и направился в привокзальное кафе с громким названием «Престиж». Интерьер кафе видимо не менялся еще с советских времен. Массивные деревянные двустворчатые двери, с медными витыми ручками, посередине натертыми до блеска и матовыми черно-зелеными по краям. Тяжелые зеленые бархатные шторы с желтой бахромой на облупившихся больших окнах. Такими же бархатными скатертями были покры-

ты столы. На столах стояли стеклянные вазы с искусственными цветами и пластиковые стаканчики с бумажными салфетками, разрезанными на четыре части.

К Антонову подплыла ярко покрашенная официантка сильно раскачивая бедрами. На ней были надеты: кружевной белый передник и накрахмаленная «корона». Почему-то Антонову захотелось назвать этот чепец именно «коронай», уж очень с большим достоинством она восседала на объемной прическе дамы бальзаковского возраста. Дама ему напоминала старинную каравеллу, плывущую по волнам в тихую безветренную погоду.

– Корі Luwak¹, – произнес Антонов, наблюдая за реакцией официантки. Уж очень ему захотелось подшутить над ней.

– Чо-о-о? – прищурилась дама в короне.

– The Fortress Stilt Fisherman Indulgence², – улыбнулся он краешками губ.

– Чо-о-о? – стали напрягаться черты ее разукрашенного лица. – Ты чо, иностранец что-ли?

– Waguу Meat Pie³ – продолжал издеваться Антонов.

Голова с боевым раскрасом резко дернулась вперед, нижняя челюсть выдвинулась как ящик тумбочки, корона накренилась на правый бок.

– *Переводчиков тута нету, или говори по-русски чо приперся, или проваливай отседова!* – захлопнулась челюсть.

– Кофе, яичница с беконом, хлеб с маслом, самый дорогой

шоколад, – перестал придушиваться Антонов.

– *То-то,* – просияла официантка, поправила «корону» и качая бедрами стала удаляться. – *Бекона ему еще подавай, салом обойдешься.*

– *Обойдусь!* – в голос засмеялся Антонов.

Минут через двадцать каравелла с короной вернулась с жестяным круглым подносом. И перед Романом выстроились заказанные им блюда.

– *Приятного аппетита!* – ехидно проговорила она, и рисовано улыбнулась часто-часто моргая.

Позавтракав, Антонов оставил щедрые чаевые и плитку шоколада, а рядом записку на салфетке: «Самой очаровательной и веселой. Спасибо за подаренное хорошее настроение».

– *Извращенец!* – с мягкостью в голосе вздохнула официантка, смотря в окно на удаляющегося парня. Она аккуратно сложила записку и чаевые в карман передника, а шоколадку швырнула буфетчице. – *Не ем я шоколад, так в двери еле прохожу.*

– *Ну так Светке заведи, порадуй дитя,* – кивнула в сторону шоколада буфетчица.

– *Еще чего! Чтоб она такая же как я была? Нынче фигуристые в моде. Переживет без сладкого, стройнее будет,* – возразила официантка, и ушла в подсобное помещение.

Через полчаса в кафе ворвался Губкин, местный главврач амбулатории.

– Лида! – крикнул он в сторону подсобки.

– *Иду!* – выплыла на его зов официантка. – *Сто грамм и соленый огурец?* – окинула оценивающим взглядом главврача женщина.

Губкин кивнул.

Когда официантка вернулась, Губкин все так же стоял с растерянным видом.

– *Ты чо, приведение своего умершего пациента увидал?* – хихикнула она и переглянулась с буфетчицей.

Губкин снова кивнул.

– *А может это белочка была? С пушистым хвостиком, рыженькая такая?* – отпускала язвительные шутки официантка.

Губкин отрицательно замотал головой.

– *Может ты уже сядешь? Или у тебя столбняк, доктор?* – стала выставлять на стол рюмку водки и порезанный на кружочки огурец женщина.

Губкин сел. Взял трясущейся рукой рюмку и опрокинул её в рот. Занюхал рукавом и опять замер.

– *Не отпустило?* – уже озабоченно посмотрела на старого доктора официантка, по истечению нескольких минут, – *может еще одну?*

Губкин порывлся в карманах, заглянул в потрёпанное портмоне и отрицательно замотал головой.

– *За мой счет,* – понимающе улыбнулась официантка. И принесла маленький графинчик.

Губкин опрокинул еще одну рюмку и закусил хрустящим кружком огурца.

– Хорошая ты баба, Лидка, – стал приходить в себя главврач. – Да все равно тебе меня не понять, не для твоего это умишка философия.

– *Посмотри-ка на него Настасья*, – обратилась та к буфетчице, – *о философии сразу заговорил. А пять минут тому назад мекнуть даже не мог. Стоял как с креста снятый без лица и имени.* Она поймала на графине жадный взгляд Губкина и налила ему еще полрюмки водки.

– *Закусывай!* – приказа она Губкину. Потом повернулась в сторону подсобки и крикнула: – *Кирилловна, колбасы ему хоть порежь и хлеба. А то до своей пятизвездочной клиники не дойдет.*

– *Ну, что там у тебя приключилось, рассказывай*, – уже более мягко проговорила она и свесила свое круглое щекастое лицо на пухлые руки.

– Так вот значит, – похрустел главврач очередным зеленым кружком. Были у меня позапрошлым летом или поза-позапрошлым? – осекся Губкин, – что-то я запомнил. Ну, впрочем, не важно. Короче как-то были у меня студенты на практике...

– *Это мы уже слышали сто пятьдесят пять раз*, – перебила его официантка. – *И про Антонова который пропал, и про Белову...*

– Да нет, я не о том, – передернул плечом главврач. – Так

вот, иду сегодня утром с дежурства... И вдруг вижу, от станции в сторону остановки направляется... Кто бы вы думали?..

– *Брэд Питт!* – прервала его выжидательную паузу официантка.

– Нет! – коротко ответил тот.

– *Неужели Анжелина Джоли?* – хихикнула буфетчица.

– Дуры! – приструнил их Губкин. – Мой Антонов!

– А – а! – многозначительно воскликнула официантка. – *А мы-то думали...*

Губкин протянул руку к запотевшему графину. Но рука официантки опередила и отодвинула графин на противоположенный конец стола. Тот громко сглотнул слюну и взял последний кружок огурца.

– *Закусывай!* – снова приказала размалеванная Лидка.

Главврач нехотя взял бутерброд, принесенный поварихой и стал усердно его жевать.

– *И что? Нашелся твой Антонов?* – уже более серьезно спросила официантка.

– Да! – Закивал Губкин, – и снова пропал...

– *Как это нашелся и пропал?* – поймала жалобный взгляд врача на графине официантка и налила очередные полрюмки.

– А вот так, – уже более веселее, заплетающимся языком произнес он. – Иду. Вижу идет. Я на перерез. А там автобус. Он бах и пропал.

– *На автобусе уехал?* – не поняла Лидка.

– Нет. Автобус не остановился. Наехал прям на него.

– *Ах!* – Схватилась за сердце официантка. – *Его сбил автобус? Его покалечило? Он умер?* – засыпала она главврача вопросами.

– Нет! – замахал на нее руками Губкин. – Типун тебе на язык! Он исчез!

– *Кто автобус?* – с недоверием посмотрела на раскрасневшегося врача Лидка.

– Автобус ни «кто», а «что», дура! Автобус предмет неодушевленный, – решил поумничать тот. – Антонов исчез. Был и нету. Автобус его сбил, а его нет.

– *Понятно все с тобой, старый пропойца! Это твой дилирий треминц был,* – забрала Лидка со стола запотевший графин и встала.

– *Delirium tremens!*⁴ Безтолковка! – постучал кулаком по своей плешивой голове главврач. Со вздохом проводил удаляющийся графин и вышел из-за стола. – И все-таки я его видел, – погрозил он кому-то пальцем и направился к двери.

Домой Губкину идти не хотелось. Поспать он успел на работе. Амбулатория была практически пустой. В связи с нехваткой узких специалистов, большинство кабинетов было закрыто. Губкин менялся с фельдшером Ольгой Петровной Светояровой, иногда дежурил ее зять, бывший хирург Иван Северский. Сейчас он больше консультировал, из-за отсутствия правой руки. В простых случаях мог наложить

гипс или дать рекомендации что делать или к кому обратиться. А лечиться жители ездили в областной центр, так что бывшая больница-амбулатория стала неким пунктом оказания экстренной помощи. Госпитализацию производили в редких случаях, когда больной не хотел уезжать далеко от дома и ему требовался постоянный уход и контроль.

Каждый раз Губкин вспоминал Тоню Белову, как ему было с ней легко и просто. Как она так легко ставила диагнозы и лечила сложные болезни, хотя училась на фельдшера, и по идее не должна была знать таких тонкостей. Вот ведь где действительно был дар и интуиция, часто сокрушался Губкин. И где теперь эта девочка сирота? Часто спрашивал он у себя. Пропала, растаяла как Снегурочка...

Нет домой он точно не пойдет, там жена, заведет как всегда свою «песню о главном», как ему старому врачу-интеллекту нестыдно быть каждый день пьяным. Какой пример он подает горожанам и тем более больным людям. Как ей стыдно выходить на улицу и смотреть в глаза прохожим.

Как будто он, Губкин, пьет просто так от скуки. Нет он пьет потому что он ничего не может. Не может выбить молодых специалистов, потому что никто не хочет ехать в глушь, где нет клубов, отремонтированных дорог и много другого в чем нуждается современная молодежь. Нет достойных зарплат, нет элементарных удобств в самой сто лет не отремонтированной амбулатории. Где вода только холодная, где туалет на улице, где вся мебель напоминает инвалидов, стоящих

на паперти без ножек, ручек и дверок. Он пьет еще потому, что ничем не может помочь людям. Что для них давно нет доступных и тем более бесплатных лекарств, как было когда-то в его молодости, когда он только что приехал в Латури-нск по распределению института. Помнил, как им восхищались, как его боготворили и благодарили. И как он полон сил энергии и оптимизма брался за любое дело. Как ласково к нему обращались больные и сослуживцы. Как ему сейчас не хватает этих простых слов: «Доктор вы устали, вам надо отдохнуть»; «Доктор вы такой молодец, как это у вас получается?»; «Доктор, большое вам спасибо! Если бы не вы...»

А еще он пил потому, что жизнь пролетела так быстро... Что он уже стар, и очень скучает по своей молодости... Теперь он стал часто задумываться о смерти, и о том, что он оставит после себя.

Детей ему Бог не дал, родители умерли в блокаду Ленинграда, старший брат погиб на фронте. Поэтому в большом городе его ничего не держало, и он с радостью принял распределение в далекий никому неизвестный Латури-нск, который тогда еще был простым поселком.

Так же по распределению в этот поселок попала и его будущая жена Татьяна Федоровна Ларина, учительница русского языка и литературы в третьем поколении. Здесь они встретились, их объединяло то что они оба имели высшее образование, имели представление о культурной жизни крупных городов, могли разговаривать о Пушкине и Лер-

монтове, о Фрейде и Бехтерева, о Склифосовском и Чехове. А еще они были молоды и влюблены.

Губкин и сейчас любил свою жену, хотя ее некогда темно каштановые волосы запорошило сединой, в уголках губ и глаз появились морщинки, она слегка располнела и уже давно перестала ходить в туфлях на каблуках. Последние годы сильно болели ноги и спина. Но все равно она была привлекательна и позитивна. Дома у них всегда царила чистота и уют, а к обеду и ужину вкусная и полезная еда. Умом Губкин понимал, что делает ей больно, и его глубоко в душе грызла совесть, но остановиться не мог. Алкоголь как-то притуплял боль и растерянность перед оставшемся коротким отрезком жизни.

Вот и сегодня он отправился в гости к Северскому. «Вот кто всегда выслушает и поймет, вот с кем можно поговорить, о чем угодно, даже об исчезновении Антонова под рейсовым автобусом. И он не будет над ним смеяться, как эта бестолковая расфуфыренная Лидка», – размышлял главврач, ускоряя шаг.

Северский был дома. На столе стояла запотевшая бутылка водки и закуска: рыбные консервы, отварной картофель, политый маслом и присыпанный зеленью, маринованные грибочки и огурчики. Стол был хорошо сервирован и даже покрыт белоснежной скатертью. При виде такого угощения у Губкина началось обильное слюноотделение, – «как у собаки Павлова», – отметил про себя он.

– Проходите Илья Петрович, вы очень к стати, – пригласил за стол гостя Северский. – У нас с Лиличкой сегодня годовщина. Тридцать лет, – пояснил он. – Я так рад что вы ко мне зашли, и разделите со мной скромный обед. Словно Господь Бог послал вас ко мне в эту минуту, – выказывал свою искреннюю радость хозяин дома.

Сели за стол, выпили, поговорили на отвлеченные темы. Губкин не как не мог сообразить поздравлять Северского с годовщиной или соболезновать. И потому крутился на стуле словно из него торчал острый гвоздь и не давал ему принять удобную позу и расслабиться.

– А, ведь я ее помню, какая красавица была и умница, – начал он издалека прощупывать почву. – Нам врачам огромную конкуренцию составляла, хотя медицинского образования не имела. Вот где Божий дар-то был и интуиция. Пожалуй, только еще раз в жизни я видел нечто подобное, – наконец-то угнездился Губкин на стуле, – работала у меня несколько лет тому назад девушка Антонина Белова. Да вы, наверное, помните Иван Николаевич, тот случай, когда студенты пропали в лесу, а потом через три дня чудесным образом нашлись?

– Да, да, я что-то припоминаю. Молодой человек, Роман Антонов и девушка, – разлил по рюмкам водку Северский. – Очень перспективный молодой человек и такой талантливый. А вот девушку, извините не вспомню. У меня такой трудный период в жизни был... – Замолчал и не чокаясь

опрокинул рюмку в рот Северский.

– Я тогда очень сильно запил, – признался он шёпотом Губкину.

Губкин тоже опрокинул рюмку в свой рот, последовав его примеру.

– Так вот я и говорю, – оживился главврач, – иду значит я сегодня с дежурства... И вдруг вижу, как к автобусной остановке идет тот самый Антонов, я глазам своим не поверил, даже ущипнул себя слегка. Идет живой, улыбается. Я кинулся к нему наперерез, и тут вдруг откуда не возьмись – автобус. И прям на него...

– И что?! – Наполнялись скорбью глаза Северского.

– И все... Выдохнул густым перегаром Губкин.

– Он погиб..? – Опустились плечи Ивана Николаевича.

– Я не знаю, – пожал плечами главврач. – Он исчез...

– Как исчез? – собрались на переносице брови бывшего хирурга.

– Не знаю, ф-с-с-с..., и всё! – попытался изобразить что-то вроде свиста Губкин.

– Ну, за здоровье физическое и психическое! – поднял тост Северский.

– Да! – подытожил главврач.

– Вернемся к теме, – закинул маринованный грибок в рот Губкин. – Тут замешана какая-то мистика. Они все время все пропадают. Сначала Лиля, стал он загибать палец за пальцем, – потом Антонов, потом Белова и этот мили-фи-

ционер, заплетался язык главврача, даже этот мальчик кардиолог, – насупив нос вспоминал он, – Тихомиров! Вот, точно Тихомиров! Правда они потом нашлись. Но это ни о чем не говорит. Пропадали же? – задал он сам себе вопрос и тут же ответил, – Пропадали! Вот я и говорю мистика. Все хорошие врачи всегда пропадают... -всхлипнул он и громко икнул.

– Совершенно с вами согласен, – поддержал разговор Северский. Предлагаю выпить за то, чтобы в жизни была стабильность. Чтоб никто не пропал!

– Солидарен! – поднял свою наполненную рюмку Губкин. К вечеру умиротворенный и вполне довольный собой главврач ковылял в сторону дома. Его слегка пошатывало из стороны в сторону, но чувствовал он себя вполне удовлетворительно. Проходя мимо реки, Губкин на противоположном берегу у плакучей ивы, в сизой дымке заметил знакомую фигуру и черты лица человека идущего в направлении леса.

– Ба, да это же тот самый след-дова-тель, – еле шевеля языком и губами выдавил из себя пьяный доктор.

– Эй! – крикнул он удаляющейся фигуре. – Товарищ-щ... – хотел он обратиться к тому по фамилии, но не мог ее вспомнить. В голове крутились названия разных деревьев: Елкин?... Берёзкин?... Липкин?... Как вдруг подул ветер поднимая с земли опавшие разноцветные листья и человек растворился в тумане. Губкин закрыл приоткрытый рот с застрявшим звуком «щ-щ...», махнул зло рукой и побрел даль-

ше.

– Все пропадают! Говорю же мис-с-с-тика...

Глава 2

«Варяг»

Антонов переходил улицу, когда прямо на него неизвестно откуда выскочил рейсовый автобус. Резкая секундная боль пронзила все тело, ярким пламенем полыхнул голубой огонь, сознание мгновенно покинуло его и наступила темнота...

Через несколько секунд Антонов начал приходить в себя и приподнялся на локтях. Еще несколько минут он сидел ни на что не реагируя. Его тошнило и рвало. В суставах ощущалась неприятная ломота, но острой боли он не испытывал. Только в ушах разносилось гулкое эхо взрывов.

– *Быстрее! Быстрее!* – кто-то схватил его под локоть и поднимая потащил в сторону. – *Капитан приказал срочно всем вернуться к борту,* – как-то издали слышал Антонов незнакомый голос. – *Тебя браток малёхонку контузило, но ничего это пройдет. Японцы, будь они не ладны на наши броненосцы напали. «Паллада» он тоже вишь как полыхает и «Цесаревичу» каюк.*

Антонов медленно повернул голову в указанном человеком направлении и действительно увидел полыхающее судно.

– Где я? – спросил он, и почувствовал во рту неприятный привкус соли и песка.

– В порту, где же ещё. Давай, давай, шевели ногами, чуток осталось.

– А где автобус? – ничего не понимал Антонов.

– Кто такой автобус? – тоже недоумевал человек в старомодной матроской одежде.

– Который меня сбил, – утверждал Антонов, вспоминая последние мгновения перед тем как потерять сознание.

– Эко тебя шандарахнуло, – посочувствовал матрос. – Не бойсь, это легкая контузия, она пройдет. Руки ноги целые, кровь с ушей не идет, так что жить будешь.

– А что это за порт? И почему я здесь очутился? – продолжал задавать вопросы Антонов.

– Так в Порт-Артуре, где же еще? Ты наверное с «Ретвизана», ваш броненосец Японцы первым торпедировали, а я с «Цесаревича». Меня взрывом, как и тебя за борт выкинуло. Оглушило маленько, а так ничего цел. Смотрю и ты всплыл неподалеку, я думал, что ты помер, ан нет жив братка. Я тебя на берег доставил. А тут как «Паллада» рванет. Тебя взрывной волной малость и прихватило.

Снова раздался взрыв на одном из кораблей, который находился ближе всех к Антонову с матросом. Антонов не успел разглядеть что это был за корабль, снова полыхнул голубой огонь, снова Антонов ощутил резкую боль и у него снова потемнело в глазах.

Когда Антонов открыл глаза, перед ним опять стоял все тот же матрос и тряс его за плечи.

– *Эй парень? Да очнись же ты. Оглянись, эка нас долбануло. Вроде море, вроде берег, вроде корабли, а не наши. Где мы паря? Как мы тута очутились?* – Тряс он его с такой силой, что голова Антонова моталась как у тряпичной куклы в разные стороны и хотела оторваться.

– Да не трясги ты меня, – еле выдавил из себя Антонов.

Тряска прекратилась. Но зато, на секунду замершего Антонова обрушился водяной душ.

– Ты что смерти моей хочешь? – повысил голос Антонов. – Я и так замерз, у меня сотрясение мозга, а ты меня добить хочешь. Ты сам кто такой? – принял положение «сидя» Антонов, чтобы ему было легче разглядеть собеседника.

– *Я-то Василий Буров, матрос первой статьи броненосца «Цесаревич»,* – представился он вскочив на ноги и приложив руку к мокрой бескозырке.

– Я Роман Антонов, я не знаю откуда я, – тоже покачиваясь встал Антонов и протянул ему свою руку. Так как прикладывать ее было не к чему.

Постепенно его мозг стал работать более продуктивно. И Антонов стал сопоставлять факты. Он приехал в Латуринск, чтобы навестить Витьку Силиванова, очень уж за него Тоня переживала. Хотел зайти к Ольге Петровне, справиться о ее здоровье, помочь хоть чем-то, затем к Северскому, ну конечно же к Губкину. Но тут словно из неоткуда появился рейсовый автобус и на всем ходу наехал на него. Почему он жив? У него даже нет ни одного перелома, не одной ссади-

ны, «даже сотрясения, по-моему, нет», – сделал вывод Антонов. Так легкая контузия, как говорит его спутник. Кстати о спутнике...

Теперь мозг Антонова стал напрягаться. Сначала были взрывы, он их видел. Матрос сказал, что это горят броненосцы и крейсер «Паллада». Горели они в Порт-Артуре...

«Значит», – мозг Антонова заработал с удвоенной силой, – «я сейчас не в Латуринске. А где? Если и не в Порт-Артуре? Антонов почесал затылок и стал осматриваться.

«Паллада»..? Где я слышал об этом крейсере?». И тут его взгляд упал на ближе всех стоящее судно с французским названием.

– «Паскаль», – прочел он на борту крейсера. Схватил за руку матроса и потащил его в сторону других кораблей.

– Скажи, любезный, – обратился Антонов к матросу, – а какое сегодня число, месяц и год?

– *Тык... двадцать седьмое января одна тысяча девятьсот четвертого года, ваше благородие*, – отрапортовал тот, и снова приставил руку к бескозырке.

– Если здесь стоят английский «Тэлбот» и итальянский крейсер «Эльба», значит где то-то недалеко должен стоять наш «Варяг», и канонерская лодка «Кореец», – все еще старался тащить матроса Антонов.

Голова болела, а в ушах стоял шум, не было сил идти, но Антонов широко переставлял ноги старался не шататься из стороны в сторону.

Когда он увидел название очередного крейсера, то вначале обрадовался, а потом вдруг помрачнел.

– Это «Эльба», – пояснил он матросу, кивнув в сторону золотых букв на борту корабля. – Мое предположение верно. Мы в корейском порту Чемульпо. – Утром японское командование предъявит нашим судам ультиматум, чтобы они до 12 часов покинули нейтральный порт. Нам надо найти «Варяг», – приказал он матросу.

– *Найдем, ваше благородие,* – повеселел Буров. Его радовало, что есть человек чьи приказы он будет выполнять, а то у самого бы уже голова лопнула от дум. Он и так недоумевал, как это так получилось, что они из Порт-Артура оказались в корейской Чемульпе. Ведь туда не менее двенадцати часов ходу. Если только их не проглотила чудо-юдо рыба-кит и теперь не выплюнула на другой берег. «Нет не нужно об этом думать, а то и свихнуться так недолго», – решил про себя Буров и решительно двинулся на поиски «Варяга».

Блуждая между катерами, лодками, и другими морскими судами в темноте несколько часов, наконец-то в первых лучах восходящего солнца отразились до блеска натертые золотые буквы бронепалубного крейсера и Антонов прочел на его борту «ВАРЯГЪ».

На мостике дремал часовой.

– Эй служивый, – обратился к человеку Антонов. – Падай нам трап!

– Стой! Кто идет? – встрепенулся дежурный, и направил

винтовку в сторону непрощенных гостей.

– Передай командиру, что мы из Порт-Артура, принесли срочное донесение, – старался быть похожим на военного Антонов.

Через пять минут Антонов в сопровождении матроса Бурова стояли в кают-компании пред капитаном первого ранга Всеволодом Федоровичем Рудневым. Высокий подтянутый с округлой бородой и слегка лысеющий он напоминал Антонову императора Александра II, которого тот помнил по картинкам из учебников.

– Ну-с, с чем пожаловали? – обратился он к Антонову, очевидно приняв его за старшего.

– Сегодня ночью десять японских миноносцев атаковали русскую эскадру вице-адмирала Старка, стоящую на внешнем рейде Порт-Артура и торпедировали броненосцы «Ретвизан», на котором я Роман Антонов, был судовым врачом и «Цесаревич», на котором служил матросом первой статьи Василий Буров, – кивнул в сторону своего спутника Антонов. Тот в подтверждении его слов часто закивал.

– А также японцы торпедировали крейсер «Палладу». Поврежденные корабли надолго выбыли из строя, тем самым обеспечив Японии ощутимое превосходство. Еще я имею сведения, – продолжал пересказывать учебник истории о русско-японской войне Антонов, – что буквально с минуты на минуту японцы предъявят вам ультиматум, с требованием о том, чтобы крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Ко-

реец» до полудня покинули нейтральный порт. В случае отказа они атакуют наши суда прямо на рейде.

– Откуда такие сведения? – немного подумав и заложив руки за спину спросил капитан.

– Из достоверных источников, – уклонился от прямого ответа Антонов.

– Значит-с, война... – задумчиво закончил Руднев.

– Так точно! – вытянулся в струнку Антонов.

В дверь кают-компания постучали.

– Войдите! – приказал капитан.

– Господин капитан, разрешите обратиться? – вошел офицер отдав честь Рудневу и слегка кивнул головой Антонову.

– Докладывайте! – не поднимая глаз на вошедшего произнес грустным голосом капитан.

– Японская делегация с ультиматумом, Всеволод Федорович, пожаловала, – протянул пакет с сургучными печатями офицер.

Не распечатывая пакета, капитан обратился к доставившему его офицеру:

– Сережа, – обратился он к нему по-отечески, – пошли на «Кореец» восточку. Пусть Григорий Павлович срочно прибудет на наше судно. Незамедлительно! – строго добавил он.

– Есть! – ответил офицер и резко развернувшись на каблуках хромовых сапог направился к выходу.

– И еще, Сережа, кликни там по дороге боцмана ко мне, – добавил капитан.

Буквально через несколько секунд за дверями раздалось многоголосье по цепочке:

– Боцмана к капитану!

– Боцмана к капитану!

– Боцмана... – растворилось где-то на корабле людское эхо.

Через пару минут раздался стук в дверь кают-компании.

– Войдите! – разрешил капитан.

– Вызывали, Всеволод Федорович? – вытянулся в стойку «смирно» запыхавшийся боцман, приводя в норму свое дыхание.

– Да, Владимир Александрович, вызывал. Вот, – он указал кистью руки в сторону стоящего с Антоновым матроса, – матрос первой статьи Василий Буров с крейсера «Цесаревич», – представил он того боцману. – Будь любезен определи его к нашим матросам, прикажи коку чтобы покормил. И пригласи ко мне нашего судового врача. Думаю, в данных условиях помощь ему будет необходима. Но не прям сейчас, а минут через двадцать.

– Есть! – коротко ответил тот, и видя поникшее лицо капитана, с состраданием в голосе спросил, – разрешите выполнять?

– Да, Владимир Александрович, выполняйте, – кивнул тот.

Когда за матросом и боцманом закрылась дубовая дверь, капитан вскрыл доставленный пакет и бегло прочел его.

– Да, вы оказались правы, это ультиматум, – бросил он бумаги на стол и оперся на него костяшками пальцев. – Нужно сообщить нашим союзникам, возможно они окажут нам содействие в противостоянии, как вы считаете? – обратился он к Антонову.

– Нет, не окажут, – выдержал пронзительный взгляд капитана Роман.

– Почему? – скорее из простого человеческого любопытства спросил Руднев. Он и сам знал, что никто не вступиться за русские суда. Но хотел, чтобы еще кто-то аргументировал его догадки.

– Никому из них не нужна сильная Россия. Они видят в нас соперников, а не союзников. Так было и будет всегда, – зачем-то добавил Антонов.

– Вы очень умный молодой человек, – подошел в плотную к Роману капитан и стал смотреть тому прямо в глаза, – и очень проницательный, – добавил он, – к сожалению, не все разделяют нашу с вами точку зрения, – подытожил он и остался доволен тем, что Антонов не отвел взгляд и не опустил глаза.

– Но вы и не моряк, – резко развернулся капитан и пошел к столу. – Кто вы? – строго спросил он своего оппонента.

– С уверенностью я могу сказать только то, что я русский человек, что я патриот своей Родины, что я действительно врач-хирург, и что в моем времени меня зовут Роман Антонов, – прямо ответил парень.

– А-каково ваше время? – поинтересовался Руднев, снова заложив руки за спину.

– Мне не чем вас порадовать, господин капитан, – с сожалением в голосе признался Антонов. – Все также, как и сто лет назад. Ни Франция, ни Италия, ни Англия, ни тем более Америка так и не стали союзниками России, они до сих пор видят в нас сильных соперников.

– Сильных, это хорошо! – улыбнулся в пышную бороду Руднев. – Пусть знают, что Россию сломить нельзя! – стукнул он кулаком по столу, так что письменные принадлежности со звоном подскочили вверх. – Мне не хочется унижаться, но я обязан поставить в известность капитанов международной эскадры, чтобы нас, как обычно, не обвинили во всех смертных грехах.

– Да, время идет, а в мире ничего не меняется, – констатировал Антонов.

– Это хорошо! Я всегда знал и верил, что Россия великая страна. Русский народ достоин такой страны, – погрозил указательным пальцем капитан воображаемым врагам.

В дверь постучали.

– Войдите! – ответил на стук Руднев.

– Вызывали, Всеволод Федорович? – мягким голосом спросил судовой врач.

– Да, Дмитрий Алексеевич. Вот подмога вам пришла в виде врача-хирурга Романа..., – капитан сделал специальную паузу глядя на собеседника.

– Роман Иванович Антонов, – представился тот, и протянул руку для рукопожатия вошедшему.

– Очень рад, – искренне улыбнулся пожилой человек. – Дмитрий Алексеевич Северский, – протянул навстречу свою теплую руку доктор.

– Берите этого молодого специалиста и вводите его в курс дела, – распорядился капитан, – буквально через несколько часов у вас начнется очень жаркая пора. Не теряйте драгоценного времени. Идите...

– Слушаюсь! – выпятил грудь колесом Северский перед капитаном, а Антонову приказал указывая кивком головы в сторону дверей:

– Кругом! За мной!

– Есть! – по-военному ответил Антонов и неуверенной сбивающейся походкой отправился за врачом.

Когда за ними закрылась массивная дверь Северский-старший, так захотелось назвать своего пра-пра-прадеда Антонову, спросил:

– Вы что не военный?

– Нет, -признался тот.

– Оно и видно, что ничего вы про флот, «Ваше благородие» не знаете, – укоризненно посмотрел он на своего будущего пра-пра-правнука.

– Вы правы, ничего, – подтвердил Антонов. А мы сейчас идем в санчасть? – решил он перевести разговор на другую тему.

– Не в санчасть, а в лазарет, – поправил Северский-старший.

Антонов решил молчать, для своей же пользы.

В лазарете все было чисто и до боли примитивно. Ни тебе специальных холодильников, ни стеклянных шкафов, ни другого медицинского оборудования в виде стоек для капельниц, стерилизаторов в виде сухожаровых шкафов, ни дефибриллятора. Даже перевязочного материала было настолько мало, что у Антонова выскользнуло:

– Эта аптечка годна только для того чтобы оказать помощь при порезе пальца.

– А других травм у нас и не бывает, – пожал плечами старший доктор. – Во всех остальных случаях превалирует принцип: «Эвакуация прежде всего».

– И как вы собираетесь эвакуировать человека, например, с проникающим ранением живота? – от чего-то разозлился Антонов.

– В мои обязанности входит лишь доврачебная помощь, – тоже стал раздражаться Северский-старший. – Порезы, царапины, ушибы, даже нарывы мне лечить нечем, кроме как спиртом, – распалялся он.

– Очень прискорбно, – заметил Антонов и решил на этом замять разговор.

Пожилой доктор поняв, что Антонов больше не собирается с ним спорить, присел на краешек кушетки и скрестив руки на коленях, принял выжидательную позу.

– Где у вас находится чистое постельное белье? – спросил Роман.

– Вы хотите отдохнуть? – спохватился Северский-старший.

– Нет, я хочу его порвать, – ответил Антонов.

Врач тяжело вздохнул, пристально вглядываясь в лицо своего нового помощника.

– Вы думаете, что я псих? – перехватил его взгляд Антонов. – Нет я не псих, я намерен спасти хотя-бы часть людей.

– От чего? – не понял доктор. – По-моему они все здоровы, я на днях проводил профилактический осмотр.

– Дмитрий Алексеевич, – взял пожилого человека за руку Антонов, – дело в том, что буквально через несколько часов, японский крейсер «Асана», начнет атаковать «Варяг», а потом к нему примкнут «Тиеда», «Нанива» и другие корабли с эскадры контр-адмирала Сотокити Уриу.

– Это правда? – заглядывал в глаза пра-пра-правнука Северский старший.

– К сожалению, это правда, – тихо похлопал руку пожилого врача Антонов.

– Все погибнут? – совсем упавшим голосом спросил он и отвернулся от Романа.

Антонов почувствовал, как его теплая рука вначале замерла, а потом затряслась, и чтобы успокоить Северского-старшего быстро произнес.

– Нет! Мы с вами не допустим этого! Мы будем спасать

людей. – подбодрил поникшего доктора Антонов.

А про себя добавил: «О «Варяге» будут складывать легенды, песни, снимать фильмы. Он будет символом патриотизма и героизма русского народа. Поэтому он будет бессмертен».

– Так где же взять постельное белье? – вернул в реальность Антонов Северского-старшего.

– Так у баталера, – встрепенулся тот, – только он прижимистый и жадный. Может не дать.

– А вы ему скажите, что капитан приказал, – посоветовал Антонов. – Кстати, сколько сейчас времени? – спросил он уже у стремительно направляющегося к выходу доктора.

Тот остановился, аккуратно достал из бокового кармана пенсне нацепил его на нос, вынул из кармана брюк серебряные часы на цепочке, открыл их. Антонов услышал приятную музыку.

– Десять минут десятого, – ответил Северский-старший, и сложив так же аккуратно все в обратном порядке вновь направился к выходу.

– Спасибо, Дмитрий Алексеевич, – поблагодарил того Антонов. И тут же подумал о том, что читая исторические факты о русско-японской войне крейсеру «Варяг» осталось жить ровно восемь часов. «27 января 1904 года в 18 часов 10 минут «Варяг» ляжет на левый борт и скроется под водой. Согласно официальному документу (санитарному отчету за войну), потери экипажа «Варяг» составили 130 человек – 33

убитых и 97 раненых», утверждали летописи.

Дмитрий Алексеевич совместно с Антоновым наравали импровизированных бинтов, подготовили необходимые инструменты и «дезинфицирующие средства», спирт, отвары трав ромашки, шалфея, зверобоя, которые к счастью нашлись в лазарете и применялись доктором для других разнообразных целей. За подготовкой время пролетело незаметно, но Антонов успел провести небольшой курс полевой хирургии для доктора. Была выработана тактика по спасению раненых, и по мере того как Антонов убедительно доносил знания современной медицины до Северского-старшего, было заметно, как меняется его отношение к молодому хирургу.

Глава 3

«Снова пропавшие»

Только Егор Рябинин приступил к работе, после болезни, как на него навалили целую кучу новых «висяков». А его начальник оперативного и следственного отделов МВД по Калининскому району Еремеев, на планерке устроил разнос всем, включая только что вышедшего Рябинина, обвинив их в том, что у него, то есть у Еремеева, которому должны по выслуге лет повысить звание, – «не отдел, а чёрт знает, что». И надо же было Рябинину вставить свое: – «в таком случае надо пойти к тому самому чёрту и допросить его, о том, что он знает, а оперативники еще нет». Начальник вначале побелел, потом покрылся красными пятнами, его пух-

лые губы как у сома, беззвучно похлопали, словно закачивая в его большое тело побольше воздуха, а потом обрушили на Рябинина цунами состоящее из слюней, нецензурных слов и невыполнимых заданий, типа: – «чтобы он, то есть Рябинин пошел к тому самому черту и его сожителям, и принес ему, то есть начальнику Еремееву, «волшебную палочку», пару «автомобилей скороходов» для нищего отдела, и положительные отзывы к предстоящей прокурорской проверке». На что Рябинин посетовал, – «первые два задания для него совсем пустяшные, а вот с третьим он навряд ли справится». На этом аудиенция для всех была закончена и под истошные вопли начальника, сотрудники, как мыши бросились в рассыпную, выполнять указания.

– Вот! – плюхнулись на стол Рябинина пухлые пыльные папки, – развлекайся и веселись! Завтра доложишь по всей форме. Можешь задействовать своего приятеля с хвостом и рогами, – развернулся и зашагал к выходу Еремеев.

– Есть, задействовать и доложить! – вытянулся по стойке «смирно» Рябинин.

Еремеев приостановился, видимо хотел что-то добавить, но резко передумал, зло помахав в воздухе своим толстым пальцем-сарделькой, и быстрее зашагал к выходу.

– Отлично! Значит дополнительных заданий не будет! – сел за стол оперативник и сдув пыль с первой папки развязал ее.

– На, – принес новую, еще чистую папку Серега Кузне-

цов, друг Рябинина и по совместительству криминалист, – в начале с этим разберись, а потом уже те «копать» будешь. Приходи ко мне в отдел на обед, жена котлеты положила с молодой картошечкой.

– Замечательно, а то я сегодня не завтракал, Алина уехала в Москву на конференцию, а дочка у тещи. Так что всю неделю я свободен, холост и голоден, – открыл принесенную другом папку Рябинин.

Папка была тощая и не вдохновляла оперативника на подвиги. Особенно когда он прочел заявление матери пропавшей девушки.

– Только не это! – взмолился он.

Опять умница, красавица, студентка вышла вечером погулять и пропала. Как будто пропавшего студента ему мало было. Ох не зря ему снился на днях сон, что Антонов прислал ему телеграмму. «*Жду тебя там же...*», было напечатано на старой печатной машинке. Рябинин держал в своем сне желтый листок телеграммы и думал, о том, что Антонов имеет в виду? «Я что должен пойти в лес, чтобы снова спасти мир? Только зализал раны, только все наладилось в семье, и что, снова – здорово!» Слава Богу, что прозвенел будильник и надо было собираться на работу, а то у него бы от таких дум взорвался мозг.

– Эти студенты явно сведут меня в могилу, – закончил свой философский опус Рябинин.

Кстати надо будет позвонить Антонову, решил про себя

Рябинин, и принялся досконально изучать лежащее перед ним дело.

Вечером вернувшись домой и выпив чашку крепкого кофе он разработал план поиска девушки. После этого он еще долго не мог уснуть и крутился расфасовывая разнообразные версии по «полочкам и ящичкам» своего мозга.

«Вероника Кузьмина 19 лет. Студентка педагогического университета. Отличница. Спортсменка. Красавица. Жила с матерью в отдельной трехкомнатной квартире. В подозрительных компаниях замечена не была. По ночным клубам не ходила. Наркотики и алкоголь не употребляла. Парень у нее имелся, но на данный момент находился в армии на другом конце страны. Девушка по словам матери его ждала и с другими парнями «шуры-муры» не заводила, хотя поклонники были».

Рябинин почесал переносицу и продолжил размышлять.

«Влюбилась в другого и убежала с ним? – Не похоже. Мать была в курсе всего происходящего с дочерью. Та позже девяти никогда не возвращалась. Что подтверждают и соседи. Подруга у нее была одна. Но в тот злополучный день, та заболела и с Вероникой не встречалась. По словам матери и подруги, Вероника никогда гулять одна не ходила. С кем она тогда пошла? Почему ни мать, ни подруга не были в курсе? Надо в университет съездить, однокурсниц расспросить», – пришел к выводу Рябинин, а сон к нему нет.

«Хорошо, что Серега в обед накормил меня котлетами.

Есть практически не хочется. Но чаю я, пожалуй, выпью», – решил Рябинин. Он снова встал, набрал в чайник воды, поставил его на газовую плиту и пошел в комнату, чтобы зарядить телефон. Там он сел на диван, зевнул, потом улегся на него и закрыл глаза. Едва голова коснулась подушки, как по комнате разлилось сначала ровное сопение, потом негромкое похрюкивание, а затем молодецкий храп.

Ему снилось темное низкое небо, которое давило на него, снились всполохи каких-то отдаленных взрывов и картины с черными елками. У елок были открыты рты они, то звали Рябинина, то в страхе кричали ему что-то. Лес был живой и страшный.

– Пора работу менять! – проснулся и произнес вслух Рябинин, услышав свист закипевшего чайника. Пришлось встать и выключить газ. Чаю уже не хотелось.

Потом он долго крутился и думал о пропавшей девушке, пока новый сон не сморил его. И опять ему снился страшный лес с орущими елками.

Спустя сутки в десять утра Рябинин был в университете где училась пропавшая девушка. Ничего нового и интересного он так и не узнал. Вероника Кузьмина была девушкой малообщительной, после занятий сразу шла домой, всю учебную неделю она жила с престарелой бабушкой, а на выходные уезжала домой. О себе практически ничего не рассказывала. Ухажеров быстро «отшивала», говорила, что у

нее есть парень, что он служит в армии, и скоро должен прийти. Бабушка тоже ситуации не прояснила. Утром внучка уходила на занятия, в шестнадцать часов уже была дома, учила уроки, спала, иногда ходила в магазин или аптеку по просьбе все той же бабушки.

Рябинин позвонил в часть где служил Виталий Корейкин, парень девушки. Тот поникшим голосом сказал ему, что сам не может понять, что случилось с Вероникой. Нет они не ссорились, и буквально на днях говорили о предстоящей свадьбе. Даже с днем уже определились. Нет они планировали ее не сразу, как только Виталий придет из армии, а летом в день семьи любви и верности.

– Ника, мне говорила, что присмотрела витые колечки нам на свадьбу. Мне просто витое, а ей витое с маленьким голубым топазом... – Закончил юноша разговор, и Рябинин услышал, как задрожал его голос.

Оперативник ехал домой осознавая, что у него нет ни одной зацепки, ни одного намека, ни одной ниточки. Что делать он не знал, и потому решил пока переключиться на другие дела. «Может сама явится», мелькнула злая мысль и он прибавил газу.

– Может несчастный случай, – объяснял он Еремееву по телефону, о своей бесполезной поездке. – Лежит где-нибудь в больнице с сотрясением мозга и не может вспомнить кто она.

– Работай! – рявкнула и отключилась трубка.

– Работаю! – ответил сам себе Рябинин.

«Морги я уже все обзвонил, больницы тоже. Ни живых ни мертвых девушек за последние несколько дней в них не поступало. Если ее убили, а труп выбросили в лесу или закопали, то найдется она только весной, когда снег растает, или никогда не найдется». Размышлял Рябинин глядя на то, как крупные капли дождя превращались в кружевные снежинки на лобовом стекле его старых «Жигулей».

Машина подпрыгнула на кочке и увязла колесом в глубокой яме.

– Опять начинается! – выругался оперативник приоткрыв дверь и заглянув в наполненную мутной водой лужу. – Ну, и где ты? – обратился он к кому-то невидимому оглянувшись на заднее сидение.

Но ему никто не ответил.

– Очень жаль, что меня хорошо вылечили. Ни тебе ни Недоль, ни тебе домовых, луговых, лесовых, ни тебе леших с кикиморами. Скукота. Ску-ка-ти-ща! – громче добавил он в надежде услышать старческое – «кхе-кхе...».

Но ничего не услышал.

Тяжело вздохнув он вышел из машины под холодный мокрый дождь вперемешку со снегом. Убедившись, что без посторонней помощи ему не справиться стал голосовать.

Через минут сорок старая «Газель» вытянула его «жигуленок» из дорожного капкана и Рябинин промокший насквозь вернулся поздно вечером домой.

Очень хотелось есть, но холодильник был пустым. Егор выпил горячий кофе и съел кусок черствого хлеба с растаявшим маслом. Этот бутерброд был недоеден им больше суток назад, и теперь очень пригодился.

Приняв горячую ванну и наконец-то нагревшись Рябинин включил телевизор и уснул под «Ментовкие войны»⁵.

Рябинин шел по узкой тропинке за околицу, он был тут в «прошлой жизни», и знал куда она ведет. Торопился, очень боялся не успеть...

Резко зазвонил телефон, и тот от неожиданности подпрыгнул на диване.

– Что опять там? Кому не спиться? – еще не нажав на кнопки телефона, стал задавать он себе вопросы.

– Рябинин! Пулей в отдел! – не дожидаясь сонного «алло», – приказала трубка голосом Еремеева.

– Е-сть! – еле разлепляя глаза нехотя ответил оперативник.

В кабинете начальника сидел дежурный следователь и высокий худощавый мужчина лет сорока пяти.

– Разрешите войти?! – обратился по форме Рябинин.

– Входи! – резко махнул рукой в сторону стула Еремеев.

– Вот Михаил Юрьевич, это наш лучший оперативник Рябинин Егор Александрович, – официально представил он его мужчине в штатском.

– Вчера вы были другого мнения обо мне, и премию мне

не дали, товарищ майор, – съязвил Рябинин.

– Закрой рот и сядь! – сквозь зубы шепотом процедил Еремеев, чтобы никто кроме Рябинина его не услышал.

– Не обращайтесь внимание на него Михаил Юрьевич, он у нас любит пошутить, – повернулся Еремеев, как избушка на курьих ножках – к Рябинину задом, к гостю передом. И за его широкой спиной оперативник увидел сжатый увесистый кулак.

Рябинин понял по этому общепринятому жесту, что в полемику лучше не вступать, и что человек в штатском большая «шишка». И что ему Рябинину сейчас поручат какое-то «очень важное или деликатное дело», и возьмут на «особый контроль». А это, Рябин знал по своему опыту, очень плохо для него.

– Егор Александрович, – без всяких предисловий и не обращая внимание на набравшего полную грудь воздуха Еремеева, приготовившегося вставить свою напутственную речь оперативнику, – начал мужчина, – дело в том, что у меня пропала дочь, – сложив пальцы рук домиком стал ходить по кабинету мужчина.

Еремеев со вздохом, как воздушный шарик, выпустил набранный в легкие воздух и как обиженный ребенок плюхнулся на стул. Сделал заинтересованное лицо и стал в такт рассказчику кивать головой соглашаясь и одобряя каждое его слово.

– Сегодня утром, – взглянул на часы мужчина (было два

часа ночи) – извиняюсь, уже вчера, – одернул он рукав пиджака, – она ушла из дома на учебу и до сих пор не вернулась. На телефонные звонки не отвечала. Я пробил по биллингу местонахождение телефона, но он оказался дома на тихом режиме. То есть она не взяла его специально, она которая не расставалась с ним ни на минуту. Вы же знаете современную молодежь?

Еремеев кивнул, а мужчина продолжил.

– Я обзвонил всех учителей, репетиторов, тренеров, никто ничего не знает. Лиза ушла после второго урока, сказав учительнице, что у нее болит голова и она просила меня ее забрать. Но она мне не звонила, и забирать я ее не собирался. У меня нет от дочери ни пропущенных, ни непринятых звонков.

Еремеев вновь сочувственно кивнул.

– Она не звонила и моему водителю, иногда, когда я занят, он забирает ее из школы, – продолжал убитый горем отец. – Она не звонила жене, ни нашей домработнице. Никому... Понимаете? Никому!

Еремеев понимающе кивнул.

– Никогда такого не было. У нас все строго: школа, репетиторы, кружки, дом. А тут такое. Ума не приложу куда она могла пойти не предупредив?

Еремеев в недоумении замотал головой, и развел в стороны свои пухлые руки, как будто это у него сейчас спрашивал отец девушки, хотя тот даже не смотрел в его сторону.

«Сбежала в самоволку!» – про себя вставил Рябинин. А вслух спросил:

– Сколько лет вашей дочери? И какие кружки она посещает?

– Лизе 17 лет. Она учится в одиннадцатом классе. В понедельник после занятий у нее уроки по вокалу, а вечером репетитор по химии, – стал перечислять Михаил Юрьевич, – во вторник – гимнастика и художественная школа. В среду – репетитор по биологии, а вечером танцы. В четверг – репетитор по русскому языку и математике. В пятницу – гимнастика и вокал. В субботу – художественная школа и танцы.

«Я бы тоже сбежал», – записывая на бумаге расписание девушки подумал Рябинин.

– Вы не подумайте, она сама этого хотела, ей нравится петь, рисовать и заниматься спортом, – словно прочитав мысли Рябинина, стал оправдываться отец пропавшей девушки. – И на репетиторах она сама настояла, хочет пойти в медицинский. А теперь же нужно сдавать это пресловутое ЕГЭ.

Еремеев снова кивнул и махнул понимающе рукой, словно сам сдавал его когда-то.

– Запишите мне пожалуйста адреса и телефоны репетиторов и преподавателей кружков где занимается ваша дочь, – протянул Рябинин лист бумаги и ручку встревоженному отцу. – Кстати, как фамилия девочки и в какой школе она учится?

– Самохина Елизавета Михайловна, – стал записывать тот на предложенном Рябининым листе бумаги. – Гимназия № 127, 11 «А» класс.

– А, молодой человек у нее был? – спросил оперативник Самохина старшего.

– Нет! Что вы! Ей об этом еще рано думать, – замотал головой отец.

– А, по-моему, в самый раз, – без капли смущения повел плечами Рябинин.

Еремеев нервно закашлял и свел свои и без того сросшиеся густые брови на лбу, уставившись на оперативника злым пронизывающим взглядом.

– Ну, хорошо, – нехотя согласился оперативник. – Парня у нее нет. А друзья? Подруги?

Отец отложил в сторону лист бумаги и задумался. Потом постучал колпачком от ручки по столу и пожал плечами.

– Нет. Думаю, что нет. Во всяком случае домой она никого не приводила, и сама ни к кому не ходила.

– Ну, может рассказывала о ком-то? Она же не одна занимается в кружках и учится в школе? – не отставал от отца Рябинин.

– Нет конечно, вы правы, – согласился Михаил Юрьевич, – но мне во всяком случае, ничего об этом неизвестно. Она всегда была занята. Думаю, что ей было не до подруг. Репетиции, уроки, а в воскресенье она ездила за город на этюды.

– Странно, вы не находите? – обратился оперативник к отцу девушки. – Молодая, наверное, красивая девушка, – стал развивать свою мысль Рябинин, сделав акцент на слове «наверное».

– Ах, да! – спохватился родитель, и вынул из нагрудного кармана фотографию девушки, и протянул ее оперативнику.

С фотографии на Рябинина смотрела милая девчушка, обыкновенной внешности, которая выглядела максимум лет на пятнадцать. Худенькие узкие плечи, большие обрамленные пушистыми ресницами голубые глаза, светлые вьющиеся волосы, розовые пухлые губки и чуть вздернутый кверху носик, на щеках бледный румянец.

– Так вот, – стал дальше рассуждать вслух Рябинин, – молодая, милая девушка, у которой времени нет ни на что, даже на себя, не то что на парней и подруг, вдруг демонстративно уходит с занятий в школе, преднамеренно не берет с собой телефон, никому не звонит, никого не предупреждает. Что это значит? – обратился он к отцу с вопросительным выражением лица.

Тот пожал плечами и посмотрел в сторону Еремеева, тот тоже в знак солидарности поднял плечи вверх и развел руки в стороны.

– А причин, может быть, как минимум три, если не брать во внимание какой-нибудь несчастный случай – стал объяснять оперативник, поднявшись из-за стола и расхаживая по кабинету Еремеева туда-сюда.

– Первая – девочка устала, и ей все надоело. Признаться, в этом, вам родителям, она боится, поэтому ушла из дома, чтобы вы осознали свою вину, понервничали, а потом простили и отстали от нее со всеми вашими кружками и репетиторами. Вторая – она влюбилась! Да, да! Не надо смотреть на меня такими глазами, – предупредил возражения со стороны сидевших мужчин Рябинин. – В ее возрасте как раз таки и влюбляются. А так как вы категорически были против этого, и всячески подчеркивали, что ей о мальчиках думать еще рано, она не стала ждать пенсии, когда будет можно и выбрала любовь. И третья версия, самая страшная, – оперся пальцами рук на край стола оперативник и наклонился ниже чтобы видеть глаза отца, – похищение.

Михаил Юрьевич вздрогнул, громко глотнул слюну, застрявшую в горле, и тихо произнес:

– Я об этом не думал. Вернее, я боялся об этом думать...

– А зря, на вашем месте я бы думал об этом в первую очередь, – оторвался от стола Рябинин, и опять стал ходить взад-вперед. – Похищают, кстати, тоже по разным причинам, – стал читать лекцию «студентам-переросткам» оперативник: Первая – любовь, – стал загибать он пальцы. – Юноша может быть не из вашей среды, без достатка, без родословной, а посему вам явно неуютен. Поэтому и нашел выход украсть невесту, заметьте она наверняка с ним в стоворе. Вторая – выкуп. Здесь все не так романтично, а скорее наоборот. Ваша семья не из бедных, очень значима, а потому кто-то хочет

урвать кусок вашего пирога. Третья – шантаж. Ты – мне свое, я – тебе твое. Четвертая – шпионаж. Тут все еще прозаичнее, разработка новых лекарств, технологий и другая лабуда. Очень доходный бизнес, между прочим, – остановился Рябинин напротив отца пропавшей.

– Тем более насколько я знаю у вас ведь сеть аптек «Чародейка», несколько химических лабораторий, несколько предприятий по производству лекарственных и косметических средств, косметические салоны, салоны красоты, магазины косметики, склады, оборудование и другое, – сложил руки на груди Рябинин и немного наклонив в бок голову стал смотреть в глаза Самохину старшему.

Еремеев поперхнулся и закашлял. Его глаза чуть не просверлили затылок оперативника. Он опять набрал полную грудь воздуха и хотел остановить Рябинина, но не успел.

– А потом, вы депутат законодательного собрания, меценат нашего города, почетный член какой-то там ассамблеи... – стал дальше перечислять его регалии Рябинин.

– Достаточно! – прервал его Самохин. – Я не знал, что вы на столько осведомлены о моей персоне. Но, с другой стороны я рад, что вы человек знающий.

Еремеев одобрительно затряс головой и облегченно выдохнув вставил:

– Я же сказал, что это мой лучший специалист.

– Кстати откуда вы это знаете? В прессе этого не было, – тоже стал пристально рассматривать оперативника Самохин.

– Работа такая, – ответил тот. – Но если вам это интересно я могу пояснить.

– Да, мне интересно, – настоял Михаил Юрьевич.

– Хорошо. – пожал плечами Рябинин. – Раньше я занимался делом пропавшего студента Романа Антонова. Он учился в медицинском институте вместе с вашим племянником Максимом Самохиным. Они вместе были на практике в Латуринске. Поэтому я наводил справки о нем, но и соответственно о его семье. Тогда правда был еще жив его дедушка, ваш отец. Теперь после его, – Рябинин специально выделил особой интонацией слова, – *скоропостижной смерти*, его наследство поделено в *разных пропорциях*. Вам старшему сыну досталось практически все, вы теперь как Мистер Твистер, «...делец, банкир, владелец заводов, газет пароходов...», – процитировал он Маршака. – А ваш брат по сути просто работает на вас. Да вы ему хорошо платите, но в бизнес не пускаете. А вот племянник у вас пользуется гораздо большим авторитетом, чем брат. У вас нет сыновей. Ваша старшая дочь больна и в бизнесе вам не помощник. Младшая еще не имеет ни знаний, ни опыта, да и вообще еще неизвестно захочет ли она заниматься семейным бизнесом. А вот Максим, – парень не промах. Умен, хваток, предприимчив, думаю у него большое будущее, – с каким-то грустным сарказмом закончил свое повествование Рябинин.

– Найдите мою дочь! – Как приказ изложил свою просьбу оперативнику Самохин. – С моей стороны – любые деньги,

любая помощь...

– Я работаю за идею, а не за деньги, – произнес Рябинин и чуть было не был испепелен взглядом Еремеева. – Мне зарплату государство платит, но вы можете оказать помощь нашему отделу, – поймал он взгляд начальника, – в виде автомобилей или «волшебных палочек» для товарища майора, но только после того, как мы найдем вашу дочь.

Еремеев снова зло взглянул на своего подчиненного, но вслух сказал, протягивая руку для рукопожатия:

– Всегда рады помочь! Очень будем стараться! Обязательно найдем! – тряс он руку Самохина, как будто бы волшебная палочка у него уже была в кармане, и ему осталось ею взмахнуть, чтобы дочь олигарха-миллиардера оказалась у него в кабинете жива и здорова.

Когда были выполнены все формальности и заданы все вопросы, и Самойлов наконец-то уехал. За окном было уже светло и народ собирался на работу. Еремеев потянулся, позевал, сообщил Рябинину, что ему срочно нужно в Главное управление и тут же испарился. При этом строго-настрого наказав тому искать и к вечеру доложить о проведенных мероприятиях по поиску «золотой девочки», остальные дела отложить на потом.

– Ищи Рябинин, ищи! Найди мне эту девчонку! Хоть из-под земли достань! Если ты ее найдешь, мы процент раскрываемости поднимем, нас по телевизору покажут, Самойлов машины новые купит, а мне звание повысят.

– А, мне что с того? – съехидничал оперативник.

– Ты же идейный. Тебе либо премия, либо нагоняй. Иди работай! И смотри у меня! – погрозил он своим толстым как сарделька пальцем. – Не умничай!

– Как же я тогда искать буду? Если не умничать? – усмехнулся Рябинин.

– А ты, приятеля своего кликни на подмогу, – пошевелил он пальцами-сардельками, приставив их к своей голове в виде рогов.

«Спать сволочь поехал. А я работай, а потом все лавры ему», – шел по коридору в свой кабинет и мысленно возмущался Рябинин.

К полудню он был в гимназии где училась Лиза Самойлова. Классный руководитель в виде женщины средних лет, приятной внешности и такими же манерами рассказала, что девочка старалась, но ставили ей пятерки скорее не за знания, а за то, что ее отец материально помогал гимназии в виде ремонта, стройматериалов и другой спонсорской помощи. Сама девочка была стеснительной и замкнутой, ни с кем не дружила, после занятий ее всегда ждал автомобиль с шофером. Ее никогда не задерживали и не вовлекали в школьные мероприятия, так как она и так была загружена кружками и репетиторами.

К вечеру картина не прояснилась. Рябинин ни на шаг не продвинулся в своем расследовании. Все репетиторы и тренеры девочки говорили одно и то же. Девочка не была не вы-

дающей­ся танцовщицей, не певицей, не гимнасткой, рисо­вала неплохо, но и не блистала. Учеба тоже да­валась тяжело, особенно химия и математика. Но все знали ее папу, и по­этому не скупились на похвалу.

Единственной зацепкой, был мальчик по имени Гриша, со смешной фамилией Зайчик. Преподаватель художественной школы сообщила, что когда они ездили на этюды, то Лиза с Гришей ставили свои мольберты рядышком и тихо перешеп­тывались. Иногда Гриша угощал девушку конфетами, помо­гал нести этюдник или смешивал ей краски.

– Лиза всегда сильно смущалась и краснела до кончиков ушей, но ее глаза светились счастьем, – улыбнулась препода­вательница, подкатив глаза и на ее щеках образовались ми­лые ямочки. Она подмигнула бровями Рябинину и стала на­кручивать свои и без того выющиеся волосы на указательный пальчик.

– А как мне найти этого Зайчика? – вернул ее с романти­ческих небес на реалистичную землю Рябинин.

– Он мой сосед. Мы живем на одной лестничной площад­ке, – не сдавалась напористая Алла Семеновна. Так она пред­ставилась при встрече Рябинину.

– А может у вас есть его телефончик? – стал подыгрывать ей оперативник.

– Нет. Телефончика у меня нет. Могу вам показать где он живет, если вы проводите меня домой, – откинула прядь волос за спину художница.

– Конечно провожу, и даже подвезу. Я на машине, – вживался в роль Рябинин.

– Замечательно! – томно произнесла та, и подхватив оперативника под ручку направилась к выходу.

На улице около художественной школы стояло много дорогих иномарок. Рядом была парковка банка. И по выражению лица Аллы Семеновны, Рябинин догадался, что она ищет глазами его машину в дорогом ряду. Его позабавила ситуация, когда тот увел художницу за угол минуя дорогие иномарки и предложил свою скромную «шестерку». Она надув губки села в его авто, но спустя минуту уже щебетала обо всем на свете, забыв, что выглядит не очень респектабельно. От этой бесконечной болтовни у Рябинина раскалывалась голова, но он не подавал вида, что Алла Семеновна ему уже порядком поднадоела.

Вошли в обшарпанный подъезд, поднялись на 4 этаж многоэтажки.

– Вот здесь я живу, – показала на деревянную дверь, обитую дерматином художница.

– А где живет Зайчик? – мило улыбнулся оперативник.

– Вы не можете просто так взять и уйти. Вы обязаны выпить со мной чашечку кофе, – прислонилась кокетливо к двери Алла Семеновна и невзначай повела плечом, так что ее шарфик упал на пыльный коврик.

Рябинин быстро поднял его и так же кокетливо произнес:

– Если я сейчас зайду и выпью с вами чашечку кофе, то

как честный человек и честный сотрудник правоохранительных органов я должен буду на вас жениться, а я этого сделать не могу. Потому что я уже женат и у меня трое детей, – соврал он. – А за нарушение облика доблестного полицейского меня выгонят с работы. Жена подаст на элементы. Нам не на что будет жить. Я начну пить и ругаться матом, вина во всем тебя дорогая. Прогоню твою маму, потому что она будет жалеть тебя и винить меня в твоей загубленной жизни и ... – не успел договорить Рябинин, как перед его носом закрылась дверь и уже по другую сторону ему сообщили раздраженным визгливым голосом:

– Следующий подъезд 6 этаж 60 квартира.

– Благодарю вас Аллочка! – улыбнулся Рябинин, и побежал вниз по ступенькам.

– Как пропала? – Неподдельно удивился Зайчик. – Она всегда была под присмотром преподавателей, личного водителя. Она не могла самовольно взять и уйти, – отвечал он пространно на вопрос оперативника.

– Ну, а ты с ней, о чем говорил? Может что-то обсуждал? И вообще какие у вас с ней были отношения?

– Да никаких у нас с ней отношений не было, – заверил Рябинина юноша. – Лиза хорошая девчонка. Но ее держат в такой строгости, что она даже по телефону боится лишний раз кому-то позвонить. Тотальный контроль повсюду. Я ее видел-то только на этюдах, да пару раз в художественной шко-

ле. Я архитектуру люблю, а она пейзажи. Мы у разных преподавателей занимаемся. Даже на этюдах я пишу церковь, мост через реку, а она – парк, лужайку, реку с утками и лебедями.

– А преподаватель, Алла Семеновна говорит, что ты ей знаки внимания оказывал? – переключил разговор в другое русло Рябинин.

– Эта полоумная нимфоманка? Ну угостил девчонку конфетами, ну помог пару раз мольберт к машине донести. Ну поговорил пару раз ни о чем. О погоде, о том какая музыка нравится и все. И вообще зачем мне лишние проблемы. Я, если честно, этих – показал он пальцами знаки кавычек, – «элитных» на дух не выношу. Они словно не от мира сего. Не посмеяться, не поприкалываться. Она даже нашу современную попсу не знает. Зато все знает о Бахе, Чайковском, Вагнере. Ведет себя словно она на международном рауте, кроме светских бесед об искусстве, литературе и папиных достижениях в фармакологии с ней не о чем разговаривать. Я ее просто пожалел. Смотрю всегда одна в сторонке, вся жизнь по расписанию, как в армии. Подъем – упал – отжался – отбой, шаг в лево – шаг вправо – расстрел, прыжок на месте – провокация.

– А еще с кем-нибудь она общалась? – скорее просто так, для очистки совести спросил Рябинин.

– Нет, ни с кем, кроме Аллы Семеновны. Я во всяком случае не замечал, – ответил Зайчик.

Приближался вечер, а Рябинин ни отгадал ни одной загадки, не решил не одного ребуса. Только он подумал о том, что ему сказать Еремееву, как зазвонил телефон.

– Ну, что сыщик? Нашел девчонку? – прохрипела трубка недовольным голосом начальника.

– Нет! – коротко ответил тот и отключился, чтобы не слышать стенания Еремеева.

– Словно сквозь землю провалилась, – уже сам себе ответил он и поехал в роскошный загородный дом Самойловых. «Нужно поговорить с матерью и домработницей, а еще повидать Максима Самойлова, может там какая-нибудь ниточка отыщется» – рассуждал оперативник.

Особняк Самойловых утопал в буйстве красок и напоминал палитру художника. Все было ухоженно и необычайно красиво: дорожки, выложенные булыжником, клумбы, зоны отдыха с витыми скамеечками, альпийскими горками и фонтанчиками, бассейном в виде большой капли и прудиком с кувшинками под плакучей ивой. Чувствовалась рука дорого дизайнера-профессионала.

Разговор с матерью пропавшей девушки кроме слез истерик и не внятного бормотания ни к чему не привел. Домработница тоже пожимала плечами и повторяла как попугай одно и то же: «Не знаю, просто ума не приложу».

«Чего его прикладывать, если его нет» – сделал вывод Рябинин, и попросил разрешения осмотреть комнату девушки.

Комната была с розовыми обоями, розовыми шторами с

рюшами, кровать покрыта розовым покрывалом, в розовой вазе стояли розовые искусственные цветы. На кровати сидел розовый плюшевый мишка.

«Комната Барби», – мысленно обозвал ее Рябинин.

«Алые паруса» Грина, Сборники стихов Пушкина, Лермонтова, поэтов Серебряного века, и другие авторы со своими произведениями из школьной программы стояли ровными рядами на розовых полочках, вперемешку с куклами и мягкими игрушками. В белых шкафчиках был идеальный порядок, не пылинки, не соринки. Единственным, что по мнению оперативника отмечало, то что здесь жила живая девочка были книги о Гарри Поттере.

«Как в музее», – отметил про себя Рябинин.

В письменном столе лежали в пеналах: ручки, карандаши, кисти, ластик. За гардеробом, аккуратно сложенным стоял мольберт и картины. Оперативник стал их разглядывать. На переднем плане всюду были пейзажи: прудики с лебедями и утками, лужайки с тропинками и кустарниками, цветочные клумбы, заснеженные деревья со снежирями. Но вдали практически на всех картинах были изображены романтические сцены: целующиеся влюбленные; молодой человек с букетом цветов, ждущий встречи с девушкой; прогуливающаяся по осенней аллее парочка; за окном кафе, держащиеся за руки парень с девушкой.

– Скажите, Лиза была влюблена? – обратился он к матери девушки присевшей на край стула и нервно наблюдавшей за

тем, как посторонний мужчина копается в вещах ее дочери.

– Нет! – замотала она головой. – Не знаю... – подумав, пожалала она потом плечами.

– Вы вообще разговаривали со своей дочерью? Она делилась с вами своими переживаниями, проблемами, женскими секретами в конце концов? – почему-то стал раздражаться Рябинин.

– У нее не было проблем! Откуда у нее проблемы? У нее все есть: наряды – пожалуйста, лучшие репетиторы – пожалуйста, вкусная еда – пожалуйста, отдых за границей – пожалуйста. Какие проблемы? Какие переживания? Она занимается чем хочет, в силу своей занятости она редко днем бывает дома, а вечером она рисует, читает или учит уроки. Ей некогда думать о мальчиках. Да и рано еще, она же ребенок, – недоумевала мать. – У нее есть все, о чем только можем мечтать любой человек.

– Да, – согласился оперативник и добавил. – Все, кроме любящих родителей.

Тут он подошел к кровати, заглянул под подушку, потом под матрас, но ничего не нашел. Тогда его взгляд упал на плюшевого мишку, он поднял его стал разглядывать со всех сторон, и на спине увидел потайной карман. В нем лежал розовый блокнот.

– Обычно девочки, которым не с кем поговорить ведут дневники, – потряс перед носом матери блокнотом Рябинин.

В блокноте были выведены аккуратным почерком наив-

ные стихи о любви и страданиях. Имя Гриша было обведено жирным шрифтом и заключено в витиеватую рамочку. Вокруг были изображены сердечки, цветочки и прочие знаки обожания.

Приклеенные фантики от конфет, а ниже сочинение на тему: «Как бы я провела лето...»

«Сегодня Гриша был очень любезен, помог мне с оттенком аквамарина, а потом угостил конфетами. Что за божественный вкус был у этих леденцов. Они напомнил мне лето в Венеции. Солнце, вода, гондольеры с длинными шестами-веслами. Покрытые зеленой тиной фундаменты домов и сваи мостов. Как бы мне хотелось побывать с Гришей в Венеции. Мы сидели бы в яркой гондоле. Я – в длинном красном сарафане и соломенной шляпе на голове с большими полями. Он в потертых джинсах с голым загорелым торсом, улыбающийся, приветливый, красивый... С непокрытой головой и бликами золотого солнца в светлых кудрях. Даже мечтать об этом – уже счастье...»

Рябинин перелистал несколько исписанных страниц о мечтах «бедной Лизы» и увидел засушенный букетик из фиалок.

«Вот и пришла весна. Гриша сегодня в парке нашел первые фиалки и подарил мне. Как тоскливо и горячо застучало мое сердце. Мне стало немножко страшно, от того что вдруг он услышит его стук и поймет, как я его люблю. Как я жду воскресенья, и как быстро летят воскресные часы. И как

долго тянуться остальные дни недели...»

Рябинин подумал о своей дочери, а ведь и он тоже ничего не знает о ней. Ему вечно некогда. Он утешает себя тем, что для девочки важнее мать. Что она еще маленькая. Что своими мечтами и переживаниями она, наверное, должна делиться с женщиной, которая поймет ее лучше.

Тут его живое воображение нарисовало картину, как он приходит домой уставший, идет на кухню, ест суп уставившись в тарелку, а его дочь начинает щебетать о том, как мальчик Вася подарил ей три хилые фиалки, которые нашел на площадке детского сада...

Как какой-то Коля Перепелкин, в первом классе дернул ее за косичку, и показал язык, а она думала, что она ему нравится...

Как Дима из параллельного 7 «Б» нес ей портфель...

Как в девятом классе она впервые поцеловалась с Женькой Ивановым...

Рябинин передернул плечами и перестал фантазировать о том, что может быть с его пятилетней дочерью дальше. А представил, как он сам сидит, молча кивает слушая ее в полуха, и приклеивает дурацкие ярлыки этим мальчишкам: «Вася, да ты глупец, девочкам нужно дарить розы».

«Перепелкин – я чувствую, что детская колония по тебе уже плачет»

«Дима – спортом надо занимается, а то современная молодежь тяжелее ложки и портфеля ничего поднять не может»,

«Сколько лет этому Женьке? Восемнадцать?.. Он что педофил? Как он посмел прикоснуться к тебе? Я его закопаю...»

«Хорошо, что я отец, а не мать» – остановил он себя. «Все-таки девочка должна делиться своими девчачьими секретами с матерью» – твердо решил он, в оправдание себя.

– Я заберу его на время, – вложил Рябинин дневник девушки в свою папку, и подошел к компьютеру.

– Пароль знаете? – повернулся он на стуле в пол-оборота к матери, пропавшей.

– Нет, – растерянно пожала она плечами.

– Назовите ее дату рождения, – потребовал оперативник.

Перебрав несколько вариантов простых паролей, которые не подошли, Рябинин спросил о кличках домашних животных.

Кот «Мурзик», собака «Бася» и хомяк «Прохор», тоже потерпели фиаско.

И тут Рябинин хлопнул себя по лбу: – Тьфу, дурак, – обозвал он сам себя и набрал: «Зайчик». – Сим-сим откройся, – произнес он, и компьютер, как загипнотизированный волшебными словами явил оперативнику милую картинку розового вышитого сердечка.

К его глубокому разочарованию ничего полезного с точки зрения его работы он не нашел. Закладки, ссылки, файлы были посвящены учебе, художественным выставкам, любимым певцам, актерам и другим фигурам шоу-бизнеса. Еще

были ссылки на модные бутики нижнего женского белья, кожгалантереи, косметики, а также гадание на кофейной гуще и картах таро, новости о битве экстрасенсов, что вызвало улыбку у оперативника. В папке «фото», его взору представили картинки, на которых были улыбающиеся: Лиза с родителями в Венеции, на Кипре, в Камбоджи, в Испании, Париже, Риме, Милане. Редкие снимки с родной сестрой, угрюмой, неулыбчивой больной аутизмом Эрикой. С дедушкой, с двоюродными братом Максимом и с двоюродной сестрой Леной.

«Опять голяк» – рассуждал Рябинин сидя в машине, застрявшей в пробке на светофоре. «Еремеев порвет меня на адмиралтейский флаг». «Господи помоги мне найти эту девочку!» – взмолился он, когда наконец-то дошла его очередь ехать на зеленый сигнал светофора.

Глава 4

«Подвиг»

Когда за командиром канонерской лодки «Кореец» капитаном второго ранга Григорием Павловичем Беляевым закрылась дверь кают-компания крейсера «Варяг», Руднев протянув тому пакет с японским ультиматумом и отвернувшись от него, чтобы не были видны слезы произнес:

– Я Григорий Павлович, несколькими минутами ранее, получил ответ от командиров кораблей международной эскадры, о том, что они направили протест командующим

японской эскадрой, но он не был принят во внимание японской стороной. И защищать наши суда командиры кораблей международной эскадры тоже не собираются. А это значит, что мой корабль – кусок мяса, брошенный собакам...

Руднев выдержал небольшую паузу, а потом решительно продолжил:

– Ну что ж, если мне навяжут бой, – я приму его. Сдаваться Гриша, я не собираюсь, – повернулся он к капитану «Корейца», – как бы ни была велика японская эскадра... Иди Гриша, я в тебе не сомневаюсь, – он крепко пожал руку Беляеву, и добавил, – Россия не забудет нас...

Собрав на палубе всю команду Руднев объявил:

– Сегодня ночью десять японских миноносцев внезапно атаковали русскую эскадру вице-адмирала Старка, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура и торпедировали броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич», а также крейсер «Палладу». Поврежденные корабли надолго выбыли из строя. Помощи нам ждать не от кого. Против двух наших кораблей японцы бросили целую эскадру контр-адмирала Сотокити Уриу, в состав которой, я знаю, входят тяжелый броненосный крейсер «Асама», пять бронепалубных крейсеров и семь миноносцев.

Капитан сделал небольшую паузу оглядел ровный строй команды и продолжил.

– Вызов более, чем дерзок, но я принимаю его. Я не уклоняюсь от боя, хотя не имею от своего правительства офици-

ального сообщения о войне. Уверен в одном: команды «Варяга» и «Корейца» будут сражаться до последней капли крови, показывая всем пример бесстрашия в бою и презрение к смерти. Так было и так будет всегда! Мы русский народ никогда не были трусами и не просили пощады!..

Руднев еще раз мельком оглядел команду, повернулся в сторону стоящих офицеров, снял форменную фуражку, перекрестился, вновь одел фуражку на голову и спокойно сказал:

– А теперь, идите, и сделайте все, что велит вам ваш долг перед Отечеством. Я верю в вас, и да поможет нам Бог! – Руднев вытянулся в стойку «смирно», и отдал «честь» своей команде.

Через секунду раздалось громогласное трехкратное «УРА!»...

– Спасибо! Спасибо, братцы! – шептали губы капитана, а по его щекам текли слезы...

В 11 часов 20 минут крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» подняли якоря и направились к выходу с рейда. Японская эскадра уже караулила их у южной оконечности острова Филипп. Ближе всех к выходу с рейда стояла «Асама», и когда с нее, японцы не ожидавшие, что «Варяг» и «Кореец» не сдадутся без боя, увидели шедшие навстречу русские корабли, Адмирал Уриу приказал расклепать якорные цепи, так как времени на подъем и уборку якорей у них уже не было. На палубе возникла сумбурная неразбериха и

шум. Корабли начали спешно вытягиваться на плес, на ходу перестраиваясь в боевые колонны.

При обнаружении русских кораблей на мачтах «Нанивы» были подняты сигнальные флаги с предложением сдаться без боя. Но Руднев приказал на сигнал не отвечать и пошел на сближение с неприятельской эскадрой. Несколько левее от «Варяга» шел «Кореец». С капитанского мостика Рудневу было видно, как «Кореец» в полной боевой готовности, словно преданный сторожевой пёс, ощетинился, оскалился и готов в любую секунду по команде хозяина ринуться в неравную схватку со стаей голодных волков. Он знал, что капитан канонерской лодки Беляев, как и он сам не даст слабины и не отступит.

– Приготовится к бою! – отдал команду Руднев офицерам.

И они тут же бросились в рассыпную, каждый к своим подчиненным.

– К бою готовсь! К бою готовсь! К бою готовсь... – разнеслось человеческое эхо по всему кораблю, передаваемое команде офицерами и старшими матросами.

В 11 часов 44 минуты на мачтах флагманской «Нанивы» был поднят сигнал об открытии огня. Спустя минуту броненосный крейсер «Асама» начал пристрелку из орудий носовой башни. Первый залп лег впереди «Варяга» с небольшим перелетом. К удивлению русских, японские снаряды взрывались даже при ударе о воду, поднимая громадные столбы воды и клубы черного дыма.

Антонов и Северский выбежали на палубу, осмотреться нет ли раненных. В дыму их было не разглядеть, палуба была мокрой и скользкой. Непривычному к качке Антонову было тяжело, его самого мutilo и трясло как «Варяг».

– Огонь! – раздалось совсем рядом справа от Антонова.

– Огонь! – вторили слева.

Это «Варяг» и «Кореец» ответили неприятелю своими залпами. К большому разочарованию Руднева первые залпы канонерской лодки дали большой недолет, и он понял, что в дальнейшем артиллерийскую дуэль с японской эскадрой русскому крейсеру надо будет вести в одиночку. Тем временем плотность огня со стороны противника увеличилась: в бой вступили корабли второй группы. «Варяг» полностью скрывался за громадными водяными столбами, которые с грохотом то и дело взлетали до уровня боевых марсов. Надстройки и палубу обдавало градом осколков. Японские крейсера двигались сходящимся курсом, прижимая русские корабли к отмели.

Весь мокрый с головы до ног Антонов оттаскивал раненных дальше от борта, тяжелораненных спускал в каюты. На бегу успевал осмотреть раны, кому-то перевязать, кому наложить жгут, кому дать дельный совет, и снова выбегал на палубу, за очередным раненым. Северский был в каюте и усердно выполнял распоряжения молодого хирурга, полностью полагаясь на его революционные познания в медицине.

Несмотря на людские потери, «Варяг» энергично отвечал

врагу частым огнем. Главной его целью стала «Асама», которую вскоре удалось вывести из строя. Тогда в атаку на крейсер пошел вражеский миноносец, но первый же залп с «Варяга» пустил его на дно.

– Молодцы! Братцы, молодцы! – подбадривал свою команду капитан, но его почти никто не слышал из-за взрывов, криков раненных и подающих команды офицеров и старших матросов.

Но в 12 часов 20 минут японский снаряд перебил трубу, в которой были проложены все рулевые приводы. В результате неуправляемый корабль двинулся на камни острова Йодольми. Почти одновременно еще один снаряд взорвался между десантным орудием Барановского и фок-мачтой. При этом погиб весь расчет орудия № 35. Осколки влетели в проход боевой рубки, смертельно ранив горниста и барабанщика.

– Доктора к капитану! Доктора к капитану!... Разнеслось по кораблю.

Антонов запыхавшийся, мокрый, весь в крови и копоты прибежал в капитанскую рубку, но Руднев уже был на ногах.

– Не надо, доктора! Все в порядке, Роман Иванович, помогайте раненым, – отказался он от помощи. – У меня царапина, и легкая контузия.

– Дальнейшее управление кораблем перевести в кормовое рулевое отделение, – приказал капитан.

– Есть! Перевести управление в кормовое рулевое отделение, – повторил офицер с посеченным осколком лицом, и

спешно удалился.

Атака русских кораблей все еще продолжалась. Внезапно раздался скрежет, и корабль, вздрогнув, остановился.

В боевой рубке, мгновенно оценив положение, офицер закричал:

– Стоп, машина! Полный назад!

Матросы выполнили приказ, но было уже поздно.

Теперь «Варяг», развернувшийся к противнику левым бортом, представлял собой неподвижную мишень. Японский командующий, заметив это поднял сигнал «Всем повернуть на сближение с противником». Корабли всех групп легли на новый курс, одновременно ведя огонь из носовых орудий.

Положение «Варяга» казалось безнадежным. И Руднев, мысленно прощаясь с кораблем, просил Пресвятую Богородицу и Андрея Первозванного о помощи.

Японские корабли быстро приближались к сидевшему на камнях крейсеру, который ничего не мог предпринять. Одновременно раздались несколько выстрелов, и «Варяг» получил тяжелые повреждения. Снаряды большого калибра, пробив борт под водой, взорвались в угольных ямах. Вода начала подступать к топкам.

– Вода!

– Вода! – разносились людские голоса.

– Приступить к откачке воды! – раздался приказ офицера. – Всем, кто стоит на ногах, заделать пробоину!

И экипаж немедленно приступил к откачиванию воды

всеми наличными средствами. Матросы под огнем врага, презирая смерть стали подводить пластыри под эти пробоины. И вдруг, когда надежды на спасение совсем не осталось, произошло чудо: крейсер «Варяг» сам, как бы нехотя, сполз с мели и задним ходом отошел от опасного места. Не ищущая более судьбу, и глядя на потери среди команды и страдания раненных, Руднев приказал лечь на обратный курс.

Но ситуация все еще оставалась очень тяжелой. Хотя воду откачивали всеми средствами, «Варяг» продолжал крениться на левый борт, а его осыпал град вражеских снарядов. Но, к удивлению японцев, «Варяг», увеличив ход, уверенно уходил в сторону рейда. Из-за узости фарватера преследовать русских могли лишь крейсера «Асама» и «Чиода». Но вскоре японцам пришлось прекратить огонь, так как их снаряды начали падать вблизи кораблей международной эскадры. Итальянскому крейсеру «Эльба» даже пришлось из-за этого перейти в глубь рейда.

В 12 часов 45 минут Руднев приказал огонь прекратить. Бой закончился.

– Офицеров в кают-компанию! – Приказал капитан, и взглянул на часы. Стрелки показывали без четверти час пополудни.

Через несколько минут кают-компания наполнилась офи-

церами.

– Я собрал вас, господа офицеры, – начал капитан, – чтобы обсудить с вами сложившиеся обстоятельства. Я принял решение перевести весь экипаж на суда наших союзников, а крейсер «Варяг» затопить. Полчаса тому назад, я обсудил это с капитанами международной эскадры, возразил лишь капитан английского крейсера «Тэлбот», мотивируя свое мнение большой скученностью кораблей на рейде. Но его мнение мне не интересно. Я хочу услышать ваше, господа?

Руднев встал против света, так чтобы хорошо видеть лица своих подчиненных. Их лица были в копоти, некоторые были ранены, двоих офицеров не хватало. Удовлетворившись, тем, что их лица были полны решимости, Руднев повторил вопрос:

– Как вы считаете, господа, я принял правильное решение? Или есть другие мнения? Прошу высказаться прямо, ибо у нас мало времени.

– Вы правы!

– Мы тоже так считаем!

– Да! – посыпались одобрительные возгласы офицеров.

– Тогда за дело, господа! – распорядился капитан, – я думаю каждый знает, чем ему следует заняться. Не будем терять времени.

Офицеры покинули кают-компанию и направились каждый к своим подопечным. А Руднев пошел в лазарет, чтобы

распорядится насчет раненных. Он специально не вызывал Северского и Антонова, зная, что у них полно других забот. И что возможно в эти минуты они спасают чьи-то жизни.

Сразу же приступили к перевозке раненых, а затем и всего экипажа на иностранные корабли. Руководил перевозкой Северский, а Антонов вынимал осколки, обрабатывал и перевязывал раны пострадавшим. Среди тяжелораненых оказался и Василий Буров, матрос первой статьи броненосца «Цесаревич».

– Вот, братка, оно как, помираю я, – шептал он Антонову, пересохшими губами.

– Не помрешь! Все будет хорошо! Я тебя вылечу, – горько улыбнулся Роман.

– Эй, матросик, ты ранен? – обратился он к молоденькому пареньку трясущемуся в углу каюты.

– Нет... – затряс он головой.

– А где здесь самое грязное помещение? – спросил у него Антонов.

– Не знаю... – затрясся тот еще больше.

– В трюме... – ответил за него Буров.

– А паутина там есть? – разглядывал рваную рану в животе раненого матроса Антонов.

– Полно... На кой ляд тебе эта паутина? – недоумевал умирающий Буров.

– Пойди голубчик в трюм, по дороге найди какую-нибудь,

палку, шест, не важно что, намотай на него эту тряпку, – протянул он кусок простыни пареньку. – А в трюме на нее собери как можно больше паутины, и пулей обратно. Будешь пробегать мимо камбуза, захвати сахар. Понял?

Тот молча кивнул.

– Тогда выполняй! – приказал Антонов, а сам склонился над «распаханным» животом Бурова.

– Сейчас я выну осколки, а ты немножко потерпишь, договорились? – обратился он к пациенту.

– Не мучься, паря. Я все едино не жилец. Помру вот-вот... – стонал Буров и подкатывал глаза.

– Ты не помрешь, я тебе обещаю, – подбодрил его Антонов.

– Ты это, паря, если я все же помру, – облизал сухие губы Буров, – не в службу, а в дружбу, в мою деревню съезди, да моим домашним скажи, что мол Василий Буров, ваш муж и отец помер не трусом, а за отчизну свою голову сложил...

– Помолчи, береги силы, – остановил его тот.

– Нет, ты пообещай мне, – не отставал раненный.

– Обязательно, побываю у тебя в гостях. Обещаю! – заверил его Антонов.

Затем он обработал руки спиртом, вынул пинцетом из квадратной кастрюли, как показалось Бурову, страшные ножницы и еще какие-то кривые инструменты, выложил все на белую тряпицу, завязал себе какой-то марлевкой рот и нос и как коршун склонился над телом Бурова.

– Возьми в рот, зажми зубами, – всунул он кусок палки в рот своему пациенту.

Пока шли приготовления к операции, вернулся молодой матросик с несколькими кусками сахара и паутиной.

– Как тебя зовут? – спросил его Антонов.

– Тимофей Рябинин, ваше благородие! – громко отрапортовал он вытянувшись по струнке и чуть не оглушив Антонова.

Даже теряющий сознание Буров вздрогнул и пришел в себя.

– Юнга, не ори так, а то я в рай из-за тебя не попаду, – простонал Буров, сквозь палку во рту.

– Рябинин значит? – Удивился Антонов. – Это хороший знак! Тогда я спокоен, – подмигнул он юнге.

– Вот тебе веревка, – протянул он кусок шнура тому, свяжи ему ноги и примотай их к столу, чтобы не шевелился. А потом крепко держи за плечи. Понял?

Тимофей кивнул, но глаза его были наполнены ужасом.

– Не бойся, – все будет хорошо, – подбодрил его Антонов, и взял в руки инструмент.

Буров зажмурился, юнга тоже последовал его примеру.

Когда в небольшое корытце один за одним, зазвенели падающая по очереди несколько осколков, вынутые из тела матроса, очередной родственник Егора Рябинина приоткрыл один глаз, чтобы взглянуть на происходящее. Увидев в разрезе внутренности Булова, он отшатнулся от того и рухнул навз-

ничь.

– Слабонервные эти Рябинины, – констатировал Антонов, вспомнив Митьку Рябину, который тоже упал в обморок, когда он делал кесарево сечение жене Пелгуя.

Закончив операцию, Антонов наложил на шов тряпку с паутиной и раскрошив кусок сахара присыпал её. Потом аккуратно наложил повязку на рану.

Наблюдавший последние полчаса за окончанием операции Северский поинтересовался у молодого хирурга, зачем тот это сделал.

– Дело в том, что по своим свойствам паутина напоминает лимфу, а лимфа поддерживает иммунитет, – стал объяснять полезные свойства паутины Северскому, Антонов. – Поэтому раны заживают быстро: после наложения паутины в первые же часы уменьшается боль и отёк, а температура приходит в норму. Ведь насколько я знаю, антибиотиков еще не изобрели? А рана может загноиться и тогда сепсис, а лечить его нечем. А значит летального исхода не избежать.

Антонов опустил на корточки возле Тимофея Рябинина и похлопал его по щекам. Тот открыл мутные ничего непонимающие глаза и стал фокусировать свой взгляд то на Романе, то на Северском, то на Бурове.

– А, сахар? – внимал каждому слову Северский, пока юнга приходил в себя.

– Сахар, это тоже своего рода бактерицидное и обезболивающее средство.

– Все, Василий, – похлопал Роман по плечу Бурова. – Выздоровливай!

– Ваше благородие, а мне что делать? – окончательно пришел в себя Рябинин.

– Пошли со мной будешь помогать, – подал он руку встающему юнге, – и не называй ты меня, – у Антонова еле язык повернулся, чтобы выговорить, – этим благородием, понял?

– А, как мне к вам обращаться, ваше благород...? Извините, – осекся он.

– Меня Романом зовут, – представился он юнге, и протянул руку для рукопожатия.

– А, по батюшке кто вы будите? – Неуверенно пожал ее Тимофей Рябинин. – Не положено господ по-простому звать, – добавил он извиняющимся тоном.

– Но если это так важно для тебя, то Антонов Роман Иванович, – полностью представился он юнге.

– А, вы меня Тимкой кликайте, или юнгой, мне все едино, – сразу повеселел тот.

На палубе было много пострадавших, которые тоже нуждались в экстренной помощи, и Антонов «засучив рукава», «с головой окунулся» в свою родную стихию. Тимка еще несколько раз побывал в полуобморочном состоянии, но держался изо всех сил и не показывал, как ему плохо. Он собирал всю паутину со всего корабля, накрошил несколько килограммов сахара, перестирал несколько десятков простыней, но был рад тому, что ему некогда было думать о

том, как горько терять друзей, как страшно, когда вокруг все взрывается и бурлит, и как тяжело осознавать, что никто не пришел на помощь их крейсеру, который теперь хотят затопить.

Антонов провел еще несколько операций по удалению осколков, ампутировал две ноги и одну руку, которые уже невозможно было восстановить, ещё две руки к счастью удалось спасти, и они были пришиты. Антонов переживал, по поводу того, что возможно эти руки будут плохо функционировать, ведь у него не было ни подходящего оборудования, ни хорошего света, ни нормальных инструментов, но он сделал все что мог.

«Во всяком случае эти люди не будут полными инвалидами», – успокаивал он себя. А Северский, и те, кого ему удалось спасти, радовались и восхищались им.

В 15 часов Руднев направил на «Кореец» мичмана Балка. Командир «Корейца» Беляев тут же собрал военный совет. Он нервно расхаживал по кают-компаниии со сжатыми кулаками, потом резко остановился и выделяя каждое слово произнес:

– Считаю, что предстоящий через полчаса бой – не равен, и вызовет напрасное кровопролитие. Мы не сможем нанести существенного вреда неприятелю, а потому необходимо... взорвать лодку... Думаю, что вы тоже так считаете?.. Капитан Руднев принял аналогичное решение, «Варяг» потерял

управление, получил большие пробоины, угольные ямы и часть топок затоплены, мы к сожалению, бессильны в сложившихся обстоятельствах. Он окинул взглядом поникших офицеров и добавил: – Возражения есть?

– Ни как нет! – Хором ответили офицеры «Корейца»

– Начинайте подготовку к затоплению! – Приказал капитан.

Экипаж «Корейца» перешел на французский крейсер «Паскаль».

В 15 часов 50 минут Руднев со старшим боцманом, обошли «Варяг» и убедившись, что на нем никого не осталось, сошли с него вместе с матросами трюмных отсеков, которые открыли кингстоны и клапаны затопления.

В 16 часов 05 минут был взорван «Кореец». Беляев был бледен как стена, и стоял неподвижно провожая в последний путь канонерскую лодку, которой отдал свои лучшие годы и которую сам приговорил к смертной казни.

В 18 часов 10 минут «Варяг» лег на левый борт и скрылся под водой...

Глава 5

«Уравнение с тремя неизвестными»

Егор Рябинин очень плохо спал ночью: вертелся с боку на бок анализируя и приводя к общему знаменателю дела о пропавших девушках, которые к его глубокому разочарованию

так и не появились дома, на что оперативник очень сильно рассчитывал. К еще худшему положению дел вело то, что его жена задерживалась в командировке еще на неделю, а холодильник был пуст еще к концу первой. К тому же Рябинина бесило, что за прошедшие два дня он не на шаг не продвинулся в своем расследовании и Еремеев неистовствовал. От его утренних воплей до сих пор стоял шум в ушах и болела голова, а голодный желудок завязывался узлом и издавал звуки похожие на предсмертные стоны.

– Разве уснешь тут? Если очень хочется кушать. – Пожаловался он дивану, который заскрипел от очередного поворота голодного тела хозяина.

Где-то за стенкой что-то громко упало. А через несколько минут во входную дверь кто-то позвонил.

Рябинин нехотя встал с дивана натянул джинсы и пошел открывать.

– Добрый вечер! – услышал он приятный женский голос соседки Любки. Так ее называли подъездные бабульки. – Извините, что поздно, но у меня безвыходная ситуация. Я бы вас не за что не побеспокоила, но сама я не справлюсь, к сожалению... – начала тараторить, и заискивать перед оперативником она. – Моя кошка Муська, перевернула в ванной шкаф. Даже не знаю, как она так умудрилась, ведь он такой тяжелый и никогда раньше не переворачивался. Она все время на него залезает, уж не знаю, что ее там привлекает? У нее есть кошачий дом, что ей там надо на этом шкафу право

даже не могу предположить...

– Так, что случилось по существу? – перебил ее стенания Рябинин.

– По существу, она перевернула в ванной шкаф так, что он закрыл все пространство собой, и теперь я не могу пройти в ванную, а она не может выйти из нее, и орет. Требует, чтобы ее освободили. А я женщина хрупкая и физически слабая, я не могу его сдвинуть...

С последними словами соседки Егор не мог согласиться, так как хрупкость женщины составляла примерно центнер веса при росте около 170 см, и она легко справлялась с тяжелыми сумками, а иногда и мешком картошки. Рябинин неоднократно наблюдал эту картину со своего балкона.

– То есть вы хотите, чтобы я помог подвинуть вам шкаф? – снова прервал он ее.

– Да! – утвердительно кивнула она.

– Тогда пойдемте спасать кошку, – захлопнул за собой дверь Рябинин.

Шкаф действительно перегородил вход в ванную, но кошка давно уже была в кухне на стуле и важно взирала желтыми глазами на Рябинина. Егор легко приподнял упавший шкаф и сдвинул в стону, освободив проход в ванную. Затем он, под одобрительные возгласы хозяйки, легким движением поставил его на место. Отметив про себя, что она и сама легко могла это сделать.

– Ой, какой вы сильный! – посыпались на Рябинина одоб-

рительные эпитеты. – Вы такой мужественный! И очень симпатичный. Я не могу вас просто так отпустить, пойдете на кухню, хотя бы чаю выпьем.

Мужская суть Рябинина упиралась и не хотела этого, а продажный желудок настаивал на обратном и требовал платы за приложенные усилия. В итоге он победил.

На столе появилась запеченная до золотистой корочки курица с воздушным картофельным пюре, маринованные огурчики и грибочки, свежий душистый хлеб и вишневая наливка.

Когда Рябинин поел и слегка захмелел от сладкой, но крепкой наливки, и под одобрительные, хвалебные речи соседки Любки, ему очень захотелось оказаться на своем диване. Ибо он боялся за свою честь и репутацию. Хотя нет-нет, да и мелькала в его голове мысль о том, что эта Любка не так уж и дурна, да и готовит вкусно, а уж как она его нахваливает...

В этот самый момент зазвонил ее телефон в комнате. Она улыбаясь стала медленно удаляться.

– Мама, наверное, волнуется. Я утром, как уехала, так больше и не позвонила ей. А она у меня такая беспокойная... Переживает все, нервничает, как будто мне пять лет...

Слышал удаляющиеся шаги и голос соседки Рябинин.

– Вот и замечательно, – обрадовался он. – У вас очень милая мама. Все мамы беспокоятся о детях. Даже когда тем уже давно не пятнадцать, – встал он со стула и быстро напра-

вился к входной двери. – Люба, огромное вам спасибо, вы так скрасили мой одинокий вечер. Все было очень вкусно. Меня провожать не надо, дверь я захлопну, – уже находясь на лестничной площадке прокричал он в дверной проем, и захлопнул дверь, как обещал, чтобы опередить быстро приближающуюся к нему Любовь.

– Все доволен? – укладываясь на диван, снова обратился Рябинин к своему желудку, который теперь урчал, как сытый кот. – Тебе лишь бы пожрать! Никакой совести, – увещевал он его.

– Всем спасибо! Спокойной ночи! – произнес он в странство, словно обращаясь к кому-то невидимому.

Как только его голова коснулась подушки, а рот растянулся в прощальном зевке, Рябинин тут же уснул и ровно засопел.

Ему снились девчонки в русских сарафанах с вплетенными яркими лентами в длинные косы. Они все были на одно лицо, словно близнецы, а ему нужно было найти среди них Лизу Самохину. Девчонки смеялись, водили вокруг него хороводы, а он все не мог понять, которая из них Лиза. Потом хоровод остановился и девчонки стали играть в прятки. Разбежались кто-куда и скрылись из поля зрения оперативника.

– А, ну стоять! Кому говорю, вернитесь! – кричал он. – Не ходите в лес! Туда нельзя! – пытался он их остановить.

За кустом рябины мелькнула чья-то тень и Рябинин бро-

сился туда. Он увидел только кусок материи цвета морской волны, и до боли знакомые глаза. – Стой ты кто? Я тебя знаю?! – бежал он за тенью, но догнать не успел. Его разбудил настойчивый звонок.

– Да! Рябинин слушает! – злым голосом закричал он в трубку телефона, не сообразив спросонья, что это сработал будильник.

Когда там никто не ответил, он выругался, бросил телефон на пол и снова закрыл глаза в надежде увидеть продолжение сна. Но вместо этого пришли думы о том, что у него куча дел, и несколько встреч, и что ему нужно вставать и идти на работу, пока работа не пришла к нему в виде визжащего Еремеева.

Только Рябинин присел за свой стол изучить оперативные сводки, как дежурный открыл дверь и не входя в нее крикнул:

– Рябинин к начальнику!

Рябинин шепотом непристойно выругался и поплелся прямо по коридору. Навстречу ему шел криминалист Серега Кузнецов:

– Привет! – протянул он руку оперативнику. – К Еремееву?

– Как ты догадался? – пожал тот протянутую руку.

– Злой, как черт! Ты это, не нарывайся, – посоветовал Рябинину друг.

– Ну, это как получится, – почесал кончик своего носа оперативник.

– На обед приходи! – Уже вдогонку крикнул Кузнецов удаляющемуся Рябину.

– Хорошо, если останусь жив, приду! – заверил он друга.

На удивление Рябина, Еремеев молча ходил взад-вперед по кабинету и только изредка бросал на того строгий взгляд. Рябинин тоже молчал и ждал, когда на него наконец-то обрушится тирада гневных речей. Так прошло целых две минуты...

– Ты думаешь, я тебя позвал чтобы вставить тебе очередную «клизму»? Нет дорогой, ошибаешься. Я позвал тебя, чтобы поздравить!..

Рябинин молчал.

– Почему ты не спрашиваешь с чем? – Остановился Еремеев и стал заглядывать в глаза оперативника.

Рябинин молчал.

– А, поздравляю я тебя... Нет, я поздравляю нас с тем, что у нас замечательный мой, серия образовалась. – На читай! – сунул он заявление, написанное мелким ровным почерком в лицо Рябина.

«Пропала моя соседка по комнате Кондратьева Дарья, студентка 2 курса» – успел прочесть оперативник фрагмент текста заявления, которым сотрясал у носа оперативника начальник.

– Ну, что? Как тебе такое? За месяц пропали три девушки. Три студентки!

– Две студентки, – поправил Еремеева оперативник. – Одна ученица 11 класса.

– Сроду у нас не было маньяков, откуда он взялся, на мою голову? – обнял свои толстые хомячьи щеки пальцами-сардельками начальник. – Рябинин, – я тебя умоляю, ты мой лучший оперативник, найди мне его! Слышишь? Делай что хочешь, езжай куда хочешь, привлекай кого хочешь, но найди мне этого мерзавца!

– Есть, найти маньяка! – развернулся к двери Рябинин. – Разрешите идти искать?

– Иди, но только никому ни слова. Не хватало мне еще паники в городе.

– Слушаюсь! – вышел из кабинета оперативник.

Остаток дня Рябинин провел в педагогическом университете. Разговаривал с соседкой пропавшей девушки, деканом факультета и ее одногруппниками. Он до последнего момента тешил себя надеждой, что это не та Даша Кондратьева, которую он знал, как сестру Юрки Кондратьева. Но к его горькому сожалению это была именно она. Прошло почти три года с их последней встречи, но он до сих пор помнил ее красивые миндалевидные глаза, симпатичные ямочки на щеках и длинные каштановые волосы.

Выяснил, что Дарья Кондратьева была отличницей, бралась за любую работу и выполняла ее прилежно и аккуратно.

Летом подрабатывала в летнем детском лагере вожатой. Дети ее обожали, преподаватели не могли нарадоваться, однокурсники восхищались ее терпением, великодушием и теплотой. Она к каждому могла найти подход, к ней ходили за советом и поддержкой. Каждому находила нужные слова, даже если отчитывала кого-то за провинности, то делала это мягко, тактично, но строго.

– А молодой человек у нее есть? – спросил Рябинин ее соседку по комнате.

– Все молодые люди нашего университета за ней «бегают», да и не нашего тоже. Но она их всех держит на расстоянии. Так поговорить, помочь с заданиями, это она конечно всегда может. А вот насчет встреч, ухаживаний там разных, тут она непреклонна. – Девушка на минутку задумалась, а потом продолжила. – А вы знаете, за ней ухаживал Руслан Ибрагимов с юридического факультета. Цветами ее засыпал, дорогие подарки дарил, в рестораны звал, но она ничего не принимала от него. Так вот он, я слышала, грозился ее украсть и к себе в Чечню увезти. А вдруг это он?.. Задумалась девушка.

– На каком курсе он учится? – спросил Рябинин.

– Да вот летом у него выпуск был. Закончил уже, диплом получил и уехал к себе в Урус-Мартан, кажется, – потеряла она лоб.

– Теперь давай еще раз поговорим о Даше. Рассказывай все, что о ней знаешь и то, о чем догадываешься, или предпо-

лагаешь. Любая мелочь, любая деталь, все может оказаться важным. Понимаешь? – впился пронизательным взглядом в лицо девушки оперативник.

– Да не знаю я о ней ничего такого, – начала соседка, – рано утром, когда все еще спят она ходила мыть подъезды, потом шла на учебу, после занятий какой-то бабе Маше ходила помогать. Или в бараки на окраину города неслась. Там ее родители алкаши живут. Она им продукты покупает и возит. Они их на водку меняют, а она все равно возит. Блаженная, одним словом. Себе ничего не покупает, гречка, макароны, иногда молоко. А им тушенку, колбасу, сыр. По выходным еще в дом малютки бегала. С малышами любила возиться. Потом готовилась к занятиям, доклады, рефераты, курсовые. И так каждый день. Мы с ней в кино ходили раза два, и то я ее еле уговорила. Она на всем сэкономила. Даже то, что брат присылал никогда не тратила.

– Какой брат? – напрягся Рябинин.

– Павел, кажется. Он где-то на Севере работает, нефтяником что-ли? Он каждый месяц ей деньги высылает. Они на квартиру копят, так она мне сказала, – пояснила девушка. – Мечта у нее купить квартиру, забрать родителей, вылечить их и радоваться жизни. Выезжать на природу, на море, ходить в лес за грибами и ягодами.

– А почему, она с парнями не встречалась? Как ты думаешь? – перебил ее оперативник.

– Мне кажется, что она в кого-то тайно влюблена, и ждет

этого «принца на белом коне». А другие ей не интересны, – поправила волосы девушка.

– А ты не знаешь, кто этот принц? – не терял надежды Рябинин.

– Нет, она мне не говорила, только вздыхала, но я так небольшие параллели провела и думаю, что это какой-то друг ее погибшего брата Юры, кажется его так звали. И вроде бы как они вместе пропали, с этим «принцем», потом брата нашли утонувшим, а того второго нет.

– Я так и думал, – хлопнул себя по коленкам оперативник и встал со стула. – Ладно, спасибо тебе, – поблагодарил он девушку и пошел искать декана юридического факультета.

– Руслан Ибрагимов, человек сложный, непредсказуемый, – давал Рябинину декан факультета характеристику на бывшего студента. – Спортсмен, призер чемпионата мира по самбо и дзюдо. Дерзкий, вспыльчивый, эгоистичный, учился без желания, часто пропадал то на сборах, то на соревнованиях, то на тренировках. Но за него просили высокопоставленные чины, и преподаватели натягивали ему удовлетворительные оценки.

– А, мог он украсть понравившуюся девушку? – разглядывая личное дело Ибрагимова, спросил Рябинин.

– Думаю, что мог. Тем более, что у них на этот счет свои законы. Да только я знаю, что это происходит по обоюдному согласию, или с позволения родителей, все-таки не средние

века на дворе.

– А, убить? – пытался понять характер молодого человека по фотографии оперативник.

– Ну если в состоянии аффекта, то думаю, что да, – подтвердил его опасения, декан. – Не уравновешенная психика у него была. Он относился ко всем так, словно все ему были должны. Когда ему делали замечания, реагировал бурно, иногда откровенно хамил. Слава Богу, выпустился уже, – с облегчением вздохнул пожилой мужчина.

– Есть ли у вас номер его телефона и адрес? – достал записную книжку из внутреннего кармана куртки Рябинин.

– Да конечно, – открыл желтую папку декан.

– ХІаъ!⁶ – раздалось в трубке.

– Руслан Ибрагимов?

– ХІаъ! – отреагировала трубка. – Хъан ще хІун ю?⁷

– Добрый день! Вас беспокоит следователь Егор Рябинин.

– Следователь Рябинин? – задумались на том конце. А в чем собственно дело? – перешел на русский язык с небольшим акцентом Ибрагимов.

– Я хочу задать вам несколько вопросов. Это возможно?

– Да, задавайте. Только скажите в чем дело? – появилась резкость в голосе Ибрагимова.

– Я расследую дело о пропавшей студентке Кондратьевой Дарье. Она вам знакома? – спокойным тоном произнес Рябинин.

– В каком смысле, пропавшей студентки? – искренне удивились на другом конце трубки.

– В прямом смысле, – стал пояснять оперативник, дерзкому поклоннику девушки. – Поступило заявление о пропаже девушки. Три дня назад она вышла из общежития и до сих пор не объявилась. На звонки не отвечает. Некоторые свидетели утверждают, что слышали, как вы обещали ее украсть. Что вы можете сообщить по этому вопросу?

– Да, я в ней души не чаял. Я пылинки с нее сдувал, – дрожал голос Ибрагимов. – Да, не скрою, что мечтал взять ее в жены, но она мне отказала. Я обиделся, разозлился и в гневе наговорил лишнего. Но я к ней не прикасался, клянусь Аллахом!

– Я могу верить вашему слову мужчины-горца? – решил удостовериться оперативник. – Или все же мне следует послать запрос в УВД Урус-Мартана?

– Я даю вам слово! – твердо произнес Ибрагимов. – Но если хотите, пришлите запрос, вам подтвердят официально. Я сам теперь работаю в следственном отделе, и мне бы не простили такого поведения. Да и по нашим законам, мне нужна жена-мусульманка, которая бы чтит наши традиции. А Даша, – это несбыточная мечта! Тем более, она никогда бы не приняла ислам.

Руслан Ибрагимов выдержал небольшую паузу и продолжил:

– Она другая, очень резко отличается от своих сверст-

ниц: она чистая, искренняя и правильная. Я долго думал над этим, разговаривал со своим отцом, переживал очень, но потом решил оставить ее в покое. Кстати мне почему-то очень знакома ваша фамилия, мы с вами раньше нигде не встречались..?

– Нет, не думаю, я о вас раньше ничего не слышал, иначе бы запомнил, – ответил ему Рябинин и добавил:

– Ну, хорошо, я вам верю! Может быть вы знаете где ее искать? Есть какие ни будь версии, предположения?

– Нет! Для меня это полная неожиданность. Даша из тех девушек которые просто так никогда не пропадают. Я думаю, что с ней что-то случилось. Она очень ответственная и порядочная. Если вам нужна моя помощь, я приеду! – твердо заверил Ибрагимов. – Я знаю, вам про меня, наверное, говорили всякого. Я думаю, они правы. Иногда я себя веду ужасно, но только не по отношению к Даше. Я буду ее любить всегда. И если ее кто-нибудь обидит, то он об этом очень сильно пожалеет. Я накажу обидчика...

В этих словах звучала сталь клинка, и оперативник решил, что оно скорее всего так и будет.

– Спасибо! Если понадобится я с вами свяжусь, – закончил он разговор, нажав на сброс. – Только мне этого «Отелло» здесь не хватало, – выругался Рябинин, и положил телефон во внутренний карман куртки.

Ни убитая горем баба Маша, ни хватавшаяся за сердце консьержка, ни заведующая домом малютки ничего о про-

паже девушки пояснить не могли. Только разводили руками и сокрушались по бесценному работнику и замечательному человеку. Все это напоминало Рябинину поиски пропавшего студента Антонова. Для того чтобы его найти, он прошел огонь, воду и медные трубы. «Неужели», – думал он, – «ему опять предстоит их пройти. Ведь все сводится к тому. Он никогда не видел снов, или видел, но не запоминал их, пока не пропал Антонов. Тогда они ему снились с завидным постоянством. Одно и то же и все про лес и озеро. Теперь снова ему сняться сны и то же про лес. А значит ничего хорошего не жди. Тогда ему мерещились домовые, полевые, лесовые. У него была Недоля. А теперь?» – Стал анализировать оперативник, – «Жена уехала, и задержалась. Неспроста?.. Еремеев отпустил на все четыре стороны, дав карт-бланш... Тоже неспроста?! Вчера захотелось есть, и на тебе пожалуйста, соседка на ужин пригласила. Просто так?.. Нет!.. Это мне снова надо ехать в этот Латуринск будь он неладен. Надо увидеться с мальчишкой, что картины рисовал», – стал составлять план дальнейших действий в уме Рябинин. «Как же его звали? Митька? Нет! Витька! Точно, Витька Силиванов! Сейчас ему лет двенадцать – тринадцать должно быть».

Добравшись поздно вечером домой и купив по пути кое-какие продукты Рябинин стал готовиться к поездке: Заполнил термос кофе, сложил бутерброды и плитку черного шоколада. Кинул в спортивную сумку смену белья, несколько пар носков, полотенце и «мыльно-рыльные» принадлежно-

сти, так он про себя называл мыло, шампунь и другие предметы личной гигиены.

«Только бы машина не подвела», – взывал он к своей старой шестерке.

К полуночи наконец-то управившись с делами он принял на диване горизонтальное положение и стал анализировать, раскладывая по полочкам, шкафчикам и потайным сундучкам полученную информацию о пропавших девушках.

«Что их объединяет?» – стал размышлять оперативник.

«Все молодые, красивые, здоровые. Все одного возраста, плюс минус один год. Все были влюблены. Все пропали в дневное время».

«Что их рознит?» – мысленно загибал он пальцы.

«Кондратьева и Кузьмина студентки – Самохина школьница, Кондратьева и Самохина из полных семей – Кузьмина из неполной, Кузьмина и Самохина из благополучных – Кондратьева из неблагополучной, Кондратьева и Кузьмина с низким достатком – Самохина с высоким. До этого нигде не пересекались, друг друга по словам свидетелей не знали. Школы закончили разные, учатся в разных учебных заведениях. Общих знакомых не имеют. Проживают в разных районах города. Самохина – блондинка, Кузьмина – брюнетка, Кондратьева – рыжая шатенка».

Рябинин подложил под голову руки и закрыл глаза: «Что-то же их еще объединяет?» – задавал он снова и снова себе один и тот-же вопрос.

Но мозг уже не соображал, он полностью отключился, и даже лес в эту ночь ему почему-то не снился. Рябинин на удивление спал тихим и спокойным сном, но ход часов с каждой секундой грозил нарушить эту идиллию, приближая рассвет.

Глава 6

«Друзья и приятели»

– Егор? – искренне удивился Тихомиров услышав знакомый голос. – Очень рад тебя слышать. Как твои дела? Как здоровье?

– Да, в общем-то все в порядке. Иногда на погоду ноют кости, как у старика. А все остальное неплохо. Извини, что звоню в такую рань, но мне нужно уехать на какое-то время, а там может не быть связи.

– Все в порядке, я уже встал. На работу собираюсь, у меня в 9.00. операция назначена, – успокоил он Рябинина. – Что-то случилось? Куда ты едешь? – забеспокоился Андрей.

– Кстати ты не знаешь где Антонов? – перебил его встречным вопросом оперативник. Его адрес мне неизвестен, а телефон отключен.

– Пару месяцев назад он приезжал ко мне. Посидели, поговорили и он уехал. Я спросил куда он направляется, но он ответил неопределенно, типа сам не знаю. – А ты куда? Ты мне так и не сказал, – допытывался Тихомиров.

– В Латуринск, – вздохнул Рябинин и добавил, – Даша

Кондратьева пропала.

– Как пропала? Когда пропала? – удивился Андрей.

– Несколько дней назад, – поникшим голосом ответил оперативник.

– В Латуринском лесу? – недоумевал тот, расхаживая по комнате.

– Нет, пропала она в городе, но я чувствую, что искать ее след надо именно там, – почесал кончик своего заострившегося носа Рябинин.

– Помощь нужна? – спросил Андрей глядя на часы.

– Пока нет, а там сам знаешь, как бывает. Ладно пока. Если вдруг объявится Антонов, пусть наберет меня, – попрощался Рябинин.

– Хорошо, передам. Удачи тебе! – тоже повесил трубку Тихомиров.

«Надо будет вечером позвонить ему, расспросить поподробнее об исчезновении Даши», – решил он и стал быстрее собираться. Выпить кофе он уже не успевал.

Теперь все мысли Тихомирова, как только выдавалась свободная минута были о Рябинине и Даше. Он был обязан жизнью этой девчужке. Ведь это она нашла его и спасла тогда. Без нее ничего бы не было. Ни Насти, ни сына... Вообще ничего...

– Андрей Владимирович! – Очнулся он от оклика медсестры. – В восьмой палате тяжелый случай! Пациент зады-

хается!

– В операционную, срочно! – распорядился он осмотрев молодого человека, поступившего, пока Тихомиров был на операции. – И анестезиолога пригласите, – крикнул он вдогонку удаляющейся медсестре.

Анестезиологом в этой областной больнице работал старый приятель Андрея, Славка Караулов. Они учились вместе с ним на общем отделении, но потом Андрей перешел в кардиохирургию, а Славка так и остался на врачебном.

– Андрюха, ты что стахановец? – Посетовал Караулов, облачаясь в чистое обмундирование. – Часа еще не прошло, а ты опять на операцию меня тащишь, я даже чаю выпить не успел.

– Что поделать, профессия у нас такая, – натягивая перчатки подмигнул ему тот.

– Что с этим? – кивнул в сторону операционной Караулов.

– Предположительно аневризма левого желудочка, думаю тромб оторвался. – Наклонился Тихомиров, чтобы медсестра смогла дотянуться до его головы одевая специальный защитный фартук.

– Дозу, щадящую давать? Быстро планируешь найти? – одел защитную маску на свое лицо анестезиолог.

– Не знаю пока, планирую побыстрее, а там как Бог даст, – вошел в операционную Тихомиров. – Что касается дозы то пока делай щадящую, если что добавишь по ходу операции.

– Я слышал, что в лаборатории Самохиных разрабатыва-

ют некие препараты, растворяющие тромбы. Не знаю правда, проводились ли клинические исследования, но в соцсетях писали об этом, – вошел вслед за хирургом, Караулов.

– Давно я о нем ничего не слышал. Кстати, как он? Чем занимается? – поинтересовался Андрей.

– После смерти деда, все наследство странным образом перешло в руки его дяди, но ты же знаешь Макса, он своего не упустит. Он теперь его «правая рука». Не знаю, как насчет доли в бизнесе, но к управлению его допускают, в отличии от его отца, – разложил перед собой инструменты анестезиолог. – К стати, последние новости: его двоюродная сестра пропала.

– Ленка «Нежная лилия», что-ли? – удивился Тихомиров.

– Нет, Ленка его родная сестра, а то двоюродная Лиза Самохина, дочь того самого дяди, которому досталось наследство старого аптекаря, – пояснил Караулов.

– Все преступаем! Позже договорим, – прервал его Тихомиров.

После операции Андрею пришлось задержаться. У его пациента возникли некоторые осложнения, и того перевели в реанимационное отделение. Всю ночь хирург провел у постели больного: следил за его давлением, пульсом и работой оборудования, которое было старше самого хирурга. Сложных больных Андрей всегда выхаживал сам, не то, чтобы он не доверял своему медицинскому персоналу, но считал, как де Санд Экзюпери, что он в ответе за тех, кого проопериро-

вал.

Всего часик вздремнул в ординаторской, утром выпил чашку кофе и пошел на предварительный обход. В 11.00. у него снова была запланирована следующая операция. Так он и не позвонил, ни Рябину, ни жене.

Только в субботу Андрей освободился и уже находясь дома, стал звонить всем, кому собирался сделать это целую неделю: матери, брату Сергею, Рябину и Максиму Самохину.

Мать как всегда ждала всех на воскресное чаепитие с пирогами, но на этот раз Андрей отказался, так как очень устал и хотел выспаться, а вот Настя с сыном ее обязательно навещают, заверил он ее.

У Сергея, тоже все было в порядке. Он жил с женой на Севере, работал на никелевом заводе, у него тоже был сын, но на несколько лет старше его Ванюшки, брат назвал его в честь отца Владимиром, и теперь они с женой ждали пополнение, в виде дочки, которую хотели назвать Викой.

Когда спустя несколько лет после смерти сестры, а потом и отца, Сергей наконец-то дал о себе знать, Андрей с матерью очень обрадовались. Сергей чувствовал за собой вину, за то, что оставил тяжелое бремя на плечах младшего брата и матери, но он тогда хотел просто жить, он был молод. Первое время он посылал часть своей зарплаты матери, а потом, письма с переводами приходили все реже, пока и вовсе не иссякли.

Даже тогда, когда Андрей работал на нескольких работах и учился, он не обижался на брата, а всегда искал тому оправдание: ему тоже тяжело, он тоже устал, он оказался слабее и сдался. А я сильный и выносливый, я добьюсь, я смогу, я сумею, подбадривал он себя.

Когда трудности миновали, и Андрей расплатился с долгами, купил квартиру матери, а потом и себе, Сергей позволил ему, скромно извинился и попросил денег на ипотеку. Даже тогда Андрей простил брата, отдал отложенные деньги на машину и продолжил по привычке пользоваться общественным транспортом.

Теперь откладывать было не с чего. Зарплата хирурга обычной областной клиники была не высокой. Андрей мог бы остаться в Москве у профессора Снегирева и хорошо зарабатывать, но он вернулся в свой родной город, чтобы и у его земляков был шанс выжить. Ведь если бы в этой больнице раньше был хороший кардиохирург, то его сестренка Вика была жива, жив был бы и отец, нянчил бы внуков, брал бы их с собой на рыбалку и радовался успехам своих детей.

Рябинин для Андрея был вне зоны доступа и в субботу, и в воскресенье. А вот Самохин сразу же ответил на звонок старого знакомого.

– Андрюха! Рад тебя слышать! Сколько лет, сколько зим? Как ты? Где ты? Я слышал ты у самого Снегирева в Москве, «Надежда Российской науки», можно сказать. Читал твои статьи и рецензии. И в соцсетях отзывы о тебе только хва-

лебные, прямо оды, в честь знатной персоны, – засыпал его вопросами Максим Самохин.

– Я уже давно не в Москве, и науку тоже забросил. Некогда ты знаешь ей заниматься. Я у себя дома в областной клинике обычным кардиохирургом работаю. Должен же кто-то и здесь простых людей лечить. Бывает, что и по три операции за день приходится проводить. Устаю сильно. Дома тоже редко бываю, жена обижается, но молчит. Она у меня понимающая, – грустно улыбнулся Тихомиров.

– Жаль, что ты теперь не в Москве, – услышал он нотки разочарования в голосе Самохина. – Я на тебя очень рассчитывал...

– А, что за проблемы? Может я смогу чем-то помочь? – поинтересовался Андрей.

– Теперь навряд ли, – тяжело вздохнул Самохин, – хотя может быть и сможешь. Ты же еще общаешься со Снегиревым, может быть он тебе и пойдет на встречу.

– В чем, собственно дело? Объясни уже, что ты хочешь, – не понимал Тихомиров его намерений.

– Да, тут такое дело, – начал пояснять Самохин, – в общем, наша фирма разработала несколько препаратов в кардиологическом направлении медицины и нам нужно их массовое внедрение. Не скрою препараты дорогие, но очень эффективные. И мне бы хотелось, чтобы профессор Снегирев дал нам на них положительные рецензии и рекомендовал их своим пациентам.

– А вы проводили с ними клинические исследования? Динамика, последствия, противопоказания. Все изучено? Процент выздоровления высок? – заинтересовался Тихомиров. – И что это за препараты, какого действия?

– Андрюха, ну ты даешь! Короче это не телефонный разговор, давай я к тебе подъеду на днях? Ты не против?

– Хорошо приезжай, только позвони предварительно, я могу быть на операции. Лучше звони на домашний жене, а она мне передаст. Иногда я сутками не заглядываю в телефон, – рекомендовал Тихомиров и продиктовал свой стационарный номер.

– Договорились! – согласился Самохин. – Кстати, а что ты хотел?

– Слышал, что у тебя пропала сестра, хотел узнать нужна ли помощь? И что случилось?

– Ах, да! – Спыхватился тот. – Ее уже ищут! Дядя все свои связи поднял. Так что не бери в голову. Ладно, пока! Мне нужно идти, у меня деловая встреча.

«Все-таки деньги портят людей», – размышлял Андрей глядя в окно. Там накрапывал мелкий дождь, завывал пронизывающий ветер заставляя наклоняться деревья и срывая с них последнюю листву.

«У него сестра пропала, а ему хоть бы что. Встреча у него какая-то. Разве может быть делова встреча дороже близкого человека. Хотя Максим всегда был через чур деловым и предприимчивым», – размышлял Андрей.

Через несколько дней Настя за ужином сказала мужу, что ему звонил Максим Самохин и просил о встрече.

– Я сказала ему, что ты до субботы занят, но он очень настаивал и просил принять его завтра во второй половине дня.

– Хорошо, если перезвонит скажи ему пусть к пяти приезжает в клинику, у меня завтра сложная операция с утра. А сегодня у меня нет сил ни с кем разговаривать, – поцеловал Андрей жену, – я пошел спать.

Настя посидела с надутыми губами минут пять, потом убрала посуду, повесила сушить постиранное белье и глядя на себя в зеркало, вслух сама себе сказала:

– Ну и что ты обижаешься? Знала же за кого замуж выходила? Знала! Ты же его любишь? Люблю! Ты жена декабриста. Вот и вперед в лишения и трудности! У других мужья пьют, гуляют, скандалят. А мой муж «Ангел», самый настоящий, он людям жизнь спасает. Да он устает, а тут я еще со своими дремучими желаниями, внимания мне видите ли не хватает. А ангелам, что легко? Трудно! Как всем ангелам. Так что иди гладь белье, и сопи в две дырочки. Летом Ванька пойдет в детский сад, а я на работу, и тогда будет легче.

Настя заглянула по очереди в спальню сына, а потом в свою, где был Андрей. Удостоверилась что те мирно спали. Вновь взглянула на себя в зеркало. Поправила новую прическу, покрутилась разглядывая новое платье и туфли и шепотом произнесла:

– Чертовски хороша, жаль только, что моим ангелам не до

земного...

Ровно в пять медсестра сказала Андрею, что его ожидает очень импозантный молодой человек. Это был Самохин. Он и в правду производил впечатление холеного, заморского принца. Модная креативная стрижка, дорогой костюм, туфли и дипломат из дорогой кожи, галстук с золотой булавкой и россыпью бриллиантов разной величины, дорогие часы и перстень на безымянном пальце левой руки.

Весь медперсонал женского рода от 18 до 45 хлынул в коридор, как река, прорвавшая дамбу. У всех сразу нашлось дело за пределами их кабинетов, подсобок и палат. Все стали улыбчивыми, приветливыми и такими милыми, как будто сегодня было 8 марта. И весь этот поток хаотично протекал мимо стоящего в коридоре у кабинета заведующим импозантного посетителя.

– Да у тебя тут не жизнь, а малина, – пожал он протянутую руку Тихомирова. – Эльдorado! Столько хорошеньких, прямо глаза разбегаются.

– Мне лично некогда их разглядывать. У меня жена есть, – перевел тему разговора Андрей, приглашая жестом гостя в свой кабинет.

– Я вижу ты человек занятой, целый заведующий отделением, – съязвил Самохин, – поэтому перейдем сразу к делу, – резко перешел он с расслабленного на деловой тон. – У меня к тебе выгодное предложение. Максим обвел скромный ка-

бинет Тихомирова оценивающим взглядом и остановил его на закрытом шкафу. – У тебя есть что-нибудь выпить?

– Я на работе не пью. Могу предложить только кофе, – открыл дверку шкафа Андрей, заинтересовав гостя.

К разочарованию Самохина, там действительно стояли чашки для чая и электрический чайник.

Андрей достал банку растворимого кофе и разлил по чашкам кипяток. Угощать «мажора» ему кроме печенья и сахара было нечем.

– Ты не только не пьешь на работе, но и не ешь, – пошутил тот.

– Давай к делу! – оставил его шутку без внимания Тихомиров. – Сестру-то нашли? – этот вопрос больше интересовал его.

– Нет. Ищут, – спокойно ответил Самохин. – Нет, ты не подумай, что мне все равно, – решил оправдаться он, видя реакцию Тихомирова. – Мы просто были мало знакомы, я ее видел-то раз в год на дне рождения деда, когда тот жив был. Да и какие у меня с ней могли быть общие интересы, мы даже не перезванивались никогда. Она была маленькой девочкой: косички, конфетки, бантики, а я взрослый парень. Сам подумай, что мне с ней в куклы играть? Кстати, знаешь кому поручили это дело?

Тихомиров пожал плечами, и вопросительно кивнул головой.

– Рябинину! Помнишь, того следока, который вел дело

Антонова, – отхлебнул глоток кофе Самохин. Типа он лучший, прикинь?

– Рябинин, хороший следователь. – Согласился Тихомиров. – Если Лиза жива он ее найдет, я в этом уверен.

– Откуда ты знаешь, что ее Лизой зовут? – удивился Самохин.

– Славка Караулов сказал, – ответил Андрей. – Он же живет в соцсетях и в телевизоре, поэтому всегда в курсе всего.

– А ты его давно видел? – поинтересовался Максим.

– Я его очень часто вижу, он работает в этой больнице анестезиологом, – тоже сделал глоток кофе Тихомиров.

– Ладно, буду знать, – поставил себе на колени кожаный дипломат Самохин. – Я к тебе по другому вопросу. Помнишь наш разговор по поводу новых кардиопрепаратов?

– Да, помню, – кивнул Андрей. – Я бы тоже хотел знать об их эффективности и клинических исследованиях... – не успел он договорить.

– Поэтому я к тебе и пришел, – прервал его Самохин. – Чтобы проводить эти никому не нужные клинические исследования, нужно время. Препараты хорошие, качественные, безвредные, за это я отвечаю.

Поймав на себе недоуменный взгляд кардиохирурга Самохин продолжил:

– Я наводил справки о Снегиреве, он человек принципиальный старой закваски и на прямую я к нему не пойду. Но я слышал его отзывы о тебе. Говорят, он тебя превозносит

до небес и даже советуется с тобой. Как говорится ученик превзошел учителя. Поэтому если ты посоветуешь ему эти препараты, и скажешь, что ты сам проводил клинические исследования, то я думаю, проблем с реализацией их не будет. Дядя сейчас занят другим, а наша фирма не приносит достаточной прибыли.

Самохин открыл свой дипломат и развернул его в сторону Тихомирова. Там были яркие сотенные пачки евро.

– Здесь двести тысяч. После того как Снегирев подпишет рецензию, получишь еще триста.

– Значит, пока твой дядя огорчен пропажей своей дочери, ты захотел урвать свой кусок пирога. Показать какой ты крутой перец? Заключить сделку на какой-нибудь миллиард – другой. Так я понимаю? – впился пронзительным взглядом в своего старого знакомого Тихомиров. – А я оказывается плохо тебя знаю, я конечно предполагал, что ты карьерист, но что ты... – Тихомиров не успел договорить.

– Оставь весь этот пафос, – прервал его Максим, – как будто ты не знаешь, что сейчас все именно так и решается. Деньги правят миром. Если мало я накину еще. Назови свою цену.

– Я не продаюсь, – спокойно ответил Тихомиров, – дверь там, – кивнул он в сторону выхода. – И не советую идти к Снегиреву. И запомни, если ты будешь внедрять препараты без клинических исследований, опираясь лишь на свои амбиции, то ваша фирма очень быстро разориться. И я тоже

не буду стоять в стороне. Твоего деда Самохина Юрия Евгеньевича уважали, он никогда бы так не поступил. А тебя я больше не хочу видеть. Прощай!..

Самохин встал, но уходить не спешил:

– Когда ты еще сможешь заработать столько денег?

– А мне столько и не нужно. Не все можно купить за деньги. Мне жаль, что ты этого не понимаешь, – вздохнул Тихомиров.

– Знаешь в народе говорят: «что нельзя купить за деньги, можно купить за большие деньги, а то что нельзя купить за большие деньги, то можно купить за очень большие деньги». А народ у нас всегда прав, – мялся в дверях не решаясь выходить Самохин.

– Не нужно приписывать народу байки, потерявших совесть людишек. Самого главного в жизни не купить ни за какие деньги.

– Это ты здоровье имеешь в виду? – ухмыльнулся Самохин.

– И здоровье тоже, – подтвердил Тихомиров. – Можно купить врача, дорогое лекарство, но невозможно купить правильный диагноз и правильно сделанные назначения для его лечения. Все зависит от компетенции того самого купленного врача. Отсюда вывод, что можно купить диплом, престижное теплое местечко, но невозможно купить знания и опыт, как невозможно купить талант, гениальность, индивидуальность. Нельзя купить любовь, дружбу, уважение, авто-

ритет...

– Да что стоит любовь и дружба, если нет денег? – засмеялся Самохин. – Кстати любовь можно купить, могу дать визитки, и ты узнаешь ее расценки.

– То, на что у тебя есть визитки, называется по-другому. И это далеко не любовь. Любовь это – понимание, терпение, уважение, доверие. Это когда тебе хочется дать счастье человеку, который рядом с тобой, это когда ты радуешься или огорчаешься вместе с ним, ты радуешься за него, за его успехи, когда ты готов свернуть горы ради этого человека, вынести все невзгоды, отдать последнюю копейку или собственную жизнь. И кстати, дружба – это тоже самое что и любовь.

Глядя, как наглая ухмылка сползает с губ Самохина, Андрей продолжил:

– Что тебе не знакомы эти чувства? А есть еще такие понятия: как счастье, радость, удача, успех, искренность, они тоже не продаются. Можно купить приятелей, которые будут заглядывать тебе в рот и притворяться твоими друзьями, но как только у тебя не будет денег или связей, они тут же испарятся и ни один из них не придет тебе на помощь. А уж тем более не один из них искренне не будет рад твоим успехам, потому что таким людям свойственно завидовать и пресмыкаться.

А счастье заключается не в том, в каких апартаментах ты проживаешь, не в том сколько у тебя миллиардов евро и долларов на счету, не на каком автомобиле ты едешь, и какие

дорогие курорты или рестораны ты посещаешь. Счастье – это когда тебя ждут, любят, понимают. Когда у тебя есть надежный тыл. Когда ты спокойно спишь, зная, что тебе есть за что себя уважать, что ты творишь добро для людей, и они благодарны тебе за это. Когда у тебя есть близкие люди, для которых ты тоже дорог, так же как они для тебя. Счастье – это когда ты с радостью утром идешь на работу, а вечером с радостью идешь домой. Когда ты можешь совершить маленькое или большое чудо для любимого, родного или совершенно незнакомого тебе человека, и в твоей душе порхают бабочки, от того что ты это сделал. Так что все что в этой жизни имеет значение и ценность, невозможно купить за самые большие в мире деньги.

Тихомиров помолчал секунду и добавил:

– Желаю тебе испытать, все то, что не имеет цены!

Самохин вышел из его кабинета молча, в подавленном настроении и за всю дорогу не проронил ни слова, что очень удивило его водителя. Обычно его хозяин болтал с ним о всякой ерунде, хвалился своими достижениями, раздавал указания направо и налево, не скупился на жаргонную речь и пошлые шутки. Таким серьезным и задумчивым он видел его впервые.

– Ну, как ваш друг? – в нетерпении наконец-то уличив момент, спросил он его. – Все удалось?

– Смотри лучше на дорогу! – Оборвал тот личного водителя. – Я ему больше не друг!

– В смысле? – не понял водитель. – Он решил, что ему все дозволено и обидел вас?

– Нет! Это я так решил! – резко ответил хозяин.

– Ну, и идиот же он. Разве можно разбрасываться такими друзьями как вы? – хотел поддержать Самохина водитель.

– Это ты идиот, если до сих пор не понял! – повысил он на него голос. – Это я потерял друга, а он просто... приятеля...

Дальше ехали молча, каждый смотрел в свое окно – один в лобовое, другой – в боковое, оба были несчастны, и каждый думал о том, как несправедлива к нему жизнь.

Глава 7

«Лес»

Рябинин ехал в Латуринск, можно сказать без особых приключений, если не считать пробитого колеса и оторванного бампера. Дорога за то время, что он не ездил по ней, лучше не стала. Единственное, что изменилось, так это заправка. Рядом с двумя старыми бензовозами, появилось «новое кафе», в виде старого газетного киоска. Снаружи этого ретро-строения под большими полосатыми, выцветшими и пыльными зонтами, стояли два синих пластиковых столика с такими же стульями. Рисковать здоровьем Рябинин не решился, так же, как и испытывать судьбу своих жигулей. Он заправил полный бак заранее, где еще были признаки хоть какой-то цивилизации, но к своему разочарованию проехать дальше не смог. Машина ни с того ни с сего заглохла, под

указателем «Латуринск 182 км».

– Вот и приехали! – выругался Рябинин.

Он вышел из машины, заглянул под капот и не выявив никаких явных отклонений попробовал еще несколько раз завести автомобиль. Но стартер не подавал признаков жизни.

Выпив чашку припасенного кофе и съев бутерброд, Рябинин еще раз попытал счастья со стартером, но счастья не случилось. Тогда он вышел из машины и направился к киоску с громким названием «Кафе Счастливый путь».

– Добрый день, дамы! Обратился он к двум женщинам пенсионного возраста, которые болтали о какой-то вдове Гале.

– Добрый, коли не шутишь! – отозвалась одна из них.

– Будьте любезны, подскажите путнику, ходят ли в этом краю автобусы? – собрал все свое обаяние Рябинин.

– Ходят, но редко! – ответила вторая женщина в белой косынке. – А тебе куда надо, молодой человек?

– В Латуринск хотел бы попасть, – ответил оперативник.

– Это ты опоздал. Туда автобусы ходят два раза в неделю. А твой с утра ушел. Теперь только в пятницу к вечеру будет. – Переняла инициативу женщина с красными, завитыми волосами.

– А на попутке есть шанс доехать? – все еще не терял надежду Рябинин.

– Если бы до Лесхоза, то есть шанс уехать, или до Спиридоновки, то тоже, а в Латуринск попутки редко ходят, – до-

ждалась своей очереди женщина в белой косынке.

– А может, ты поесть хочешь? – одела поварской чепец женщина с красными волосами. – Борщ, котлеты с макаронами, салатик с капустой, клюквенный морс.

– Хорошо, яичницу и салатик, – согласился Рябинин.

Вышла женщина в косынке, протерла пыль со стула и стола, поставила на стол салфетки и специи.

– А вызвать эвакуатор или мастеров по починке машины, у вас возможно? – спросил оперативник садясь к столу.

– Н-е-е, невозможно! – ответила женщина с красными волосами. – Вот номер телефона, – протянула она пожелтевшую визитку, – но связи тут нет.

Пока готовилась яичница, Рябинин несколько раз пробовал вызвонить мастера, но связи действительно не было.

– На здоровье! – появились на столе заказанные им блюда.

Рябинин приступил к трапезе.

– Ну, так и что с Галькой-то дальше было? – возобновили прерванный разговор женщины.

– Да, то и было. Два года искала она Генку своего. И в милицию обращалась, и в богадельни всякие. Думала, вдруг память потерял, и его как бомжа пристроили куда-нибудь. Даже на передачу «Жди меня» писала. Но он как в воду канул. И тут Ирка, кума моя и надоумила ее к гадалке сходить, – поправила косынку рассказчица.

– И что? Она пошла к этим шарлатанам? – обняла свои пухлые предплечья красноволосая.

– Пошла! А что ей оставалось делать? Тело не найдено. Дом на него оформлен, машина тоже. Куда ее Генка подевался никто не знает. Ни жена, ни вдова. Да и Вовка, брательник мой, с детства за ней ухаживает, замуж зовет.

– И что ей та гадалка нагадала? – стала поторапливать ее собеседница.

– Сказала, что Генка ее жив, но дорогу домой найти не может. Что он якобы застрял между мирами...

– Как это между мирами? – не поняла красноволосая.

– А кто его знает. Она больше ничего не сказала. Галька думает, что он в коме или без сознания в больнице какой-нибудь лежит. Но все близлежащие районы она объехала, а Генку так и не нашла.

– Я же говорю, шарлатаны эти колдуны и гадалки, – достав из кармана щепоть семечек начала их щелкать красноволосая.

– Спасибо! – поблагодарил Рябинин женщин и направился к машине.

Он еще несколько раз попытался ее завести, но ни одна попытка не увенчалась успехом.

– Ну, что Недоля? Опять ты со своими выкрутасами?! – хлопнул дверцей Рябинин.

– Новая машина тебе нужна! – услышал он голос красноволосой женщины. – Купи у нас лотерейный билет, авось выиграешь! – хихикнула она.

Рябинин вернулся к киоску.

– Что мне делать? – спросил он женщин, и протянул деньги за яичницу.

Вместо сдачи ему дали два лотерейных билета «Спортлото».

– А может тебе напрямик через лес, там тропинка есть до Ежовки. А в Ежовке либо мастера добудешь, либо подвезет кто. – Посоветовала та, что в косынке.

– Ты, что сдурела, вечер уже, а до Ежовки ходу часа три, туда километров семь-восемь будет, возразила другая. – Может тут заночуешь, а утром пойдешь? Зять мой, к сожалению, тоже только в пятницу приедет, бензин и продукты привезет.

– Пойду в Ежовку! – твердо решил Рябинин. Ждать почти целую неделю «с моря погоды», ему не хотелось. – Где тропинка?

– За поворотом будет спуск пологий в кювет, а там тропинка, грибники по ней сейчас часто ходят, увидишь, – объяснила красноволосая. – Только гляди в оба с тропинки не сворачивай, а то еще в болото угодишь.

– Постараюсь! – достал из машины походную сумку Рябинин и пошел в сторону поворота, куда указали женщины.

Тропинка была действительно протоптанной резиновыми сапогами, которых у Рябинина, к его глубокому разочарованию не оказалось, и он в своих кроссовках прыгал с кочки на кочку или обходил глубокие колеи и лужи, что в разы уве-

личивало время его прибытия на конечную станцию под названием Ежовка. Через два часа его пути резко потемнело, а тропинка стала еле заметной. Рябинин несколько раз возвращался, когда не та тропинка приводила его на грибную поляну. Даже фонарь был мало эффективен в таких условиях, который оказался весьма к стати в дорожной сумке. Но Егор боялся, что его заряд закончится раньше, чем тот доберется до пункта назначения.

Выбившись из сил через несколько часов хода, он присел облокотившись на осину, одиноко стоящую у самой тропинки. Достал термос и налил в его крышку еще горячий кофе. Отдохнув минут десять, Рябинин заставил себя встать и идти дальше, но пройдя около километра фонарь погас совсем, а признаков Ежовки, так и не появилось.

Егор опустил на пень, обхватил руками голову и стал напряженно думать, что делать:

«Идти дальше – невозможно. Ничего не видно, и нет гарантии, что я не сбился с пути. По идее, эта Ежовка, уже должна быть по всем показателям. Но ее почему-то нет. Ночевать тут – холодно, да и спального мешка нет. Земля сырая, можно подхватить воспаление легких. Да и в лесу могут быть волки или медведи, а еще хуже она...» Остановил ход своих мыслей Рябинин. Поежился и оглянулся по сторонам.

И тут справа метрах в трехстах от него мелькнул свет фонаря. Рябинин поднялся, чтобы разглядеть его. Фонарь удался.

– Эй! Пойдите! – крикнул он в том направлении, где только-что видел свет. Но никто не отозвался.

Рябинин, поднял сумку и кинулся вдогонку. Уже не выбирая дороги и не глядя под ноги, он бежал на свет фонаря. Фонарь мелькал, то справа, то с лева, то пропадал за ветками деревьев, и тогда Рябинина накрывала паника.

– Эй! Подождите! – предпринял еще одну попытку оперативник.

Фонарь замер и повернулся в его сторону.

Рябинин догнал его, но запыхался и первую минуту не мог вымолвить не слова.

– Спасибо! Спасибо, что подождали! – протянул он руку человеку с фонарем. – А у меня зарядка на фонаре закончилась. Думал ночевать в лесу придется, – радовался Рябинин, что теперь не один. – Меня Егором зовут, я в Ежовку направляюсь. Покажите где она находится?

– Меня Геннадием! Очень приятно, – пожал ему руку человек. – Только я сам с дороги сбился, хожу тут уже вторые сутки и не могу выйти.

– А вы сами из Ежовки будите? – спросил Рябинин.

– Нет, я из Лесхоза. Представляешь, вышел с утра лосиные кормушки проверить. Зима скоро, починить надо бы. Провозился до вечера. Стемнело пошел домой, и вот второй день тут блуждаю, как будто морок водит, домой не пускает. – А ты из Ежовки, что-ли? Что-то лицо твое мне незнакомо.

– Нет, я из города. Мне в Латуринск надо. Но на заправке у меня машина сломалась. Женщины из кафе порекомендовали пойти напрямик. Ну я пошел и заблудился.

– Заправку знаю, а кафе? Сроду никакого кафе там не было.

– Ну, как же, «Кафе Счастливый путь» называется, – настаивал Рябинин. Старые бензовозы, а рядом кафе из старого газетного киоска переоборудовано.

– Про кафе не знаю, а заправка там действительно есть. Тетка жены моей, дочь замуж выдала. Так вот ее зять, предприниматель, и держит эту заправку.

– А тетка жены случайно не пухленькая такая с красными волосами?

– Да, она всегда этой как её, тиной что-ли... красится? – почесал затылок Геннадий.

– Хной, наверное? – поправил его Рябинин.

– Точно! Хной! – хлопнул тот себя по лбу.

– Так тетка эта в том кафе и работает, – стал пояснять Рябинин.

– Ну, дела, два дня дома не был, а они уже кафе поставили, – присел на поваленное дерево попутчик Рябинина.

«Что-то здесь не сходиться?» – стал размышлять присаживаясь рядом оперативник. «Не может кафе так поизноситься за два дня. И даже за два месяца...» И тут его осенило:

– А, как жену вашу зовут? Не Галина случайно?

– Галина... – кивнул тот и стал внимательно всматриваться в лицо нового знакомого. – А откуда, ты мою жену знаешь?

– Просто, эти две женщины в кафе говорили о какой-то Галине, у которой муж два года назад пропал. И она его везде искала и не смогла найти, даже к гадалке ходила.

– Они, что рехнулись там? Два дня меня всего нет. В милиции и то заявление после трех дней принимают. А она прям все обыскала и к гадалке поперлась. Что за бред? – снова почесал затылок Геннадий. – А может мы с тобой о разных тетках и разных Галинах говорим?

– Может быть..., – посочувствовал мужику Рябинин. – За «моей» Галиной, выделил он интонацией слово «моей», – с детства какой-то Вовка ухаживает. А теперь собирается на ней жениться. А все добро на ее мужа Геннадия оформлено, который пропал два года назад и его до сих пор не могут найти. Его жена Галина, даже на передачу «Жди меня» писала, – подытожил оперативник.

– За моей Галиной, тоже с детства Вовка Куропаткин увиается. Еще со школы она ему нравится. Даже в город из-за нее не поехал, хотя его туда на работу приглашали и не женился до сих пор. Живет бобылём⁸ и все через забор на мою Галину заглядывается. Она у меня баба статная, высокая, работающая. А пироги какие печет... – запнулся Геннадий. – Блин, жрать охота, два дня не ел. Про пироги вспомнил и слюни потекли.

Рябинин достал из сумки бутерброд и налил кофе своему попутчику.

– Спасибо тебе, добрый человек! Как хорошо, что ты мне повстречался. Я уж думал сгину в этом проклятом лесу.

– Теперь сгинем на пару! – с ноткой сарказма произнес оперативник. Который уже понял, что к чему, и на хороший исход сего мероприятия уже не рассчитывал.

– Не сгинем! Вдвоем сподручнее и веселее, у меня ружьишко есть, пачка соли и табак самосад, спичек правда пол коробка, ну ничего придумаем что-нибудь. Ты курящий? – поинтересовался Геннадий.

– Нет, бросил, – ответил Рябинин.

– Тогда давай разведем костер и спать. У меня плащ-палатка имеется, не замерзнем, – стал собирать сухие сучья Геннадий.

Рябинин стал ему помогать.

Когда развели костер и улеглись бок о бок на плащ-палатку, Геннадий неожиданно спросил:

– Вот ты человек городской, с образованием, наверное, – начал издалека он, – объясни мне деревенщине неотесанной, как можно жить в двадцать первом веке общиной староверской, ходить в лаптях и слыхом не слыхивать про цивилизованное общество, не знать, что такое телефон и телевизор, жить без света, а на медведя ходить с рогатиной.

Рябинин напрягся:

– И где ты видел такую общину? – почесал он свой заост-

рившийся нос.

– Да тут недалеко, километров семь – восемь. Самое интересное, – продолжал он, – что я всю жизнь здесь живу, и отец мой здесь жил, и дед, и никто про них слыхом не слышивал. И никогда видеть не видывал. А самое интересное их деревня называется «Камыши», так наш Лесхоз еще до революции назывался. Еще в гражданскую, дед рассказывал, белогвардейцы спалили ее дотла. А уж потом при советской власти, здесь сначала зверосовхоз был. А когда в перестроечные времена все развалили и зверя повывели, лесхоз образовался. Теперь из-за границы за валюту зверя покупаем и разводим заново.

– Так, причем тут «Камыши»? – вернул Рябинин отвлекшегося от основной линии Геннадия.

– Да стоят эти «Камыши» на речке Гнилушке, у развилины, прям как наш Лесхоз, – развернулся в сторону Рябинина рассказчик и подставил руку под голову. – Чувство такое, что место тоже, а все остальное другое какое-то.

– А с этими людьми вы разговаривали? – принял аналогичную позу Рябинин.

– Конечно спрашивал, как до Лесхоза добраться, но они странные какие-то смотрят на меня, как на приведение, крестятся, да плечами пожимают. Геннадий сел, достал кисет с самосадам набил им кусочек газеты и прикурил головешкой от костра. – Если честно, я побоялся у них остаться. Вдруг это секта какая-нибудь. Вдруг они какие-нибудь

«чернокнижники» и у них человеческое жертвоприношение практикуется. Куда только наш участковый смотрит?..

– Понятно. – тяжело вздохнул Рябинин.

– Что тебе понятно? – стал допытываться Геннадий.

– То, что я вам скажу, может вызвать у вас шок или тяжелую депрессию. Так что давайте лучше спать. Как там в сказках говорить – «утро, вечера мудренее».

– Нет, ты скажи мне! Иначе я с ума сойду до утра, – допытывался тот.

– Хорошо. – начал Рябинин. Он тоже не хотел спать и его самого одолевали тяжелые мысли. – Дело в том, что вы Геннадий, и я наверное тоже, попали в какое-то параллельное измерение, скорее всего в прошлое. Поэтому вы не можете найти свой дом, а я Ежовку. И вас нет в нашем мире, то есть в будущем, уже два года, а не два дня. И за эти два года на заправке появилось кафе. О котором вы ничего не знаете.

– К-и-как два года? Т-и-ты шутишь? В к-и-какое т-и-такое прошлое? – от удивления Геннадий стал икать и заикаться.

– Не знаю, но такое в этом лесу бывает, – как можно спокойнее ответил Рябинин.

– И ч-что? Мы тут з-и-застряли на всегда? – не проходила никак икота.

– Вот этого я не знаю, – с уверенностью произнес оперативник. – Однажды я вернулся. А как случится в этот раз не имею не малейшего представления.

– Вот ведь, проклятая наследственность! – наконец совла-

дал с собой Геннадий. – У меня прабабка так пропала. Ушла в лес и не вернулась в первую мировую еще. Медсестрой была в госпитале. На похороны матери ее отпустили с фронта. После похорон пошла в лес за травами целебными для раненных, и больше не вернулась. Решили, что медведь задрал, да и закопал где-нибудь тело преть. Он ведь душегуб с душком мясо любит. И собак с собой брали, а все едино не нашли, даже косточек.

– А тут медведи водятся? – спросил Рябинин, озираясь по сторонам и прислушиваясь к шорохам.

– Да есть чуток. А еще волки. Но теперь они сытые к зиме готовятся, жиру припасают.

Рябинин поежился. Проверил карман. Там лежал его табельный пистолет Макарова с полной обоймой и удостоверение. Рука коснулась холодной стали, и на душе сразу потеплело.

– А как ее звали? – поинтересовался Рябинин.

– Кого, прабабку? – переспросил Геннадий.

– Угу, – промычал тот.

– Марией, кажись, – снова стал укладываться поудобнее Геннадий. – Так вот я думаю, может мне по наследству передалось, от бабки...

– Может быть и передалось, – начало клонить в сон Рябинина, ноги которые до этого замерзли и «гудели», теперь нагрелись и успокоились. Рябинин опустил голову на сумку и закрыл глаза.

– Я слышал, что в этом лесу несколько лет назад, какие-то студенты пропали, правда это ближе к Латуринску было, – все припоминал Геннадий. – Потом кого-то нашли. Но не всех...

Егор помолчал с минуту, за которую Рябин успел уснуть и вновь громко заговорил. Рябинин от неожиданности проснулся, но слушать несчастного егеря не стал.

– Так, это что получатся? Пока я в этом лесу скитаюсь, моя Галка замуж выйдет за Вовку Куропаткина? – наконец-то дошло до Геннадия. Это что она меня значит бросит, и я больше никогда не увижу ни ее, ни Пашку с Танюшкой?..

Егор уже не слышал его душевных излияний, а крепко спал.

Снова ему снились девушки в хороводе, и снова они играли с ним в прятки...

Под утро Рябинин замерз и проснулся. Костер давно погас. Всюду стоял сизой пеленой густой туман. В радиусе метра, уже ничего не было видно.

– Геннадий! Геннадий! – стал будить он своего собрата по несчастью.

– Чего тебе? Только уснул. – закричал тот.

– Давай кофе пить и дорогу искать, – выдвинул план действий Рябинин.

Геннадий потянулся, огляделся по сторонам.

– Туман? – поежился он. – Теперь надо ждать полудня, пока пройдет. И видя недовольное лицо Рябинина добавил. –

Но может и раньше, если солнце веселое будет.

– А сейчас, оно что грустное? – стал разливать кофе Рябинин, себе в крышку термоса, а попутчику в железную кружку, которую тот вытащил из своего рюкзака.

– А шут его знает, не видно из-за тумана, – пожал плечами Геннадий.

Доели последние бутерброды и допили кофе. Солнце на их счастье оказалось «веселым». Туман прошел раньше обещанного Геннадием.

– Значит вы лесник? – для поддержания разговора спросил Рябинин.

– Егерь! – ответил Геннадий.

– А ты, кто? И на кой черт тебе Латуринск?

– Я следователь, оперативного отдела, – ответил Егор. – А в Латуринск ехал по служебному делу. Но машина подвела.

– Понятно. А что за дело? – перехватил инициативу Геннадий.

– Да девушки пропали. И мне кое-что надо было выяснить, – объяснил Рябинин.

– В лесу что ли? – зевнул уточняя егерь. – Девушки в лесу пропали? – повторил вопрос он глядя на лицо Рябинина, который думал о чем-то своем.

– Нет, в городе, – отозвался оперативник.

– В Латуринске? – не оставлял его в покое Геннадий.

– Нет, в областном центре, – никак не мог сосредоточиться Рябинин.

– Так на кой ляд тебе Латуринск? Или девчонки местные? – не унимался он.

– Нет, не местные. Давайте сменим тему разговора, это профессиональная тайна, – твердо ответил оперативник, чтобы егерь наконец-то отстал от него со своими расспросами.

– А-а-а, тайна, – разочарованно вздохнул тот, и понимающе кивнул. – Так куда мы направляемся? – сменил он тему разговора, как ему велел Рябинин.

– К староверам, которых вы видели, – поправил на плече сумку оперативник. – Показывайте куда идти?

– Туда, – указал в сторону речки Геннадий.

Шли минут десять, вышли на небольшую поляну. Егерь громко чихнул и спугнул сорок дремавших на макушках деревьев. Те всполошились и подняли шум. И тут же из кустов появился маленький косматый старик с облезлой, реденькой бороденкой.

– *Кто такие? Почто шумите в лесу?* – набросился он с вопросами на путников.

– Здравствуйте! – от неожиданности вздрогнул Рябинин. – Мы заблудились. Не могли бы вы нам показать, как пройти в ближайшее селение, – очень вежливо спросил он старика.

– *Еще чего?! Может тебе и всё богатство отдать и штаны с себя снять?!* – перешел на визг старикашка с бородавкой на носу.

– Мы ни на что не претендуем, просто хотим выйти к людям, – изо всех сил хотел казаться вежливым Рябинин, но его от чего-то стало распирать от злости.

– *Знаем мы таких, припрутся, заведутся, все добро уведут, еще и перечат, ты им слово, они тебе два, ты им добра, они тебе зла, козявки...*

Не успел договорить старикашка, как его перебил Геннадий:

– Слушай дед, иди восвояси, мы тебя не трогаем, и ты нас не трогай. Мы и без тебя дорогу найдем.

– *Кукиш вам!* – построил фигуру из трех пальцев он. – *Ничего вы без меня не найдете, стоять как вкопанные будите до скончания своего века,* – зло захихикал старикашка, и с силой дернул себя за бороду. – *А –а-а, вы еще и старика обижать, бороду ему щипать!!!* – завопил истошным голосом он.

– Дед, ты что больной? Сам себе бороду дерешь, а на невинных людей спираешь, плешивая твоя головенка, – теперь перешел на повышенный тон Геннадий. – Сейчас как дам тебе по ней, так она у тебя в штаны твои драные и провалится.

– *Ты кого это плешивой головенкой обозвал пень неотесанный? Ты на кого рот свой беззубый открываешь? Я Михай, требьитник Переругов! Ты мне в ноги кланяться должен, да милости просить, стручок облезлый,* – скорчил противную рожу старикашка.

– Отстань, дед! По-хорошему тебя прошу, – нервничал Рябинин, – не доводи до греха! А то я тебе и пристрелить могу без суда и следствия, – полез он в карман за пистолетом.

– *Ой, напужал, – захихикал Михей и высунул свой язык похожий на еловую шишку. – Ты свои грехи расскажи, как к мужней жене на кисель ходил, зелена вина напился, да в сено с ней повалился! А мужик пришел жены не нашел.*

– Ты что болтаешь старый хрыч? К чьей жене? – тоже стал распаляться Рябинин.

– *А к его! К чьей же еще?! Сам своими глазами видел, свечку держал, юбку снимать помогал,* – кивнул он в сторону Геннадия.

– Ах, ты сволочь! – замахнулся тот кулаком в лицо Рябинина. – Ты мне тут сказки про параллельные миры рассказываешь, а сам к моей Галке ходишь, пока я в лесу.

– Да, ты что Геннадий, опомнись, этот старикашка несет невесть что, а ты веришь ему, – увернулся он от кулака егеря.

– *Истинную правду говорю.* – Сделал «самое правдивое лицо» Михей, закатив свои выцветшие «невинные» круглые глазки, и скрестив на груди маленькие ручки с грязными длинными крючковатыми ногтями.

– Зачем старому человеку врать?! – не успокаивался Геннадий и вновь пошел с кулаками на оперативника.

– За тем, чтобы нас поссорить! Чтобы мы поубивали друг друга, – раскрыл коварный замысел Михея Рябинин.

– *А вот и нет, я того старого мухомора на чистую воду*

вывожу, – указал своим кривым пальцем он на Геннадия. – *Наврал он тебе про людишек и про их жилище, никого тут нет, и отродясь не было. Лес мой! А вы теперь мои послуги. И из леса не выйдите, а сгинете тут!* – топнул он ногой в рваном лапте.

– Заткнись, старый мухомор! – заорал на него Геннадий, – были там люди, я их сам видел.

– *Да ты свои зенки горилкой залил, мочевым бычьим пюзырем перетянул...*

Пока шла словесная перепалка между Геннадием и Михе-ем, Рябинин, закрыв руками рот судорожно вспоминал, где он слышал про этого Михея, и кто такой этот Переруг. Но как назло на ум ничего не шло. Рябинин покусал себе губы и руки, разозлился еще сильнее и еле сдерживал себя чтобы не схватить нахального деда за его «козью» бороденку и встрясти из него душу. Краем глаза он увидел, как Геннадий воплотил его желание и схватил того за бороду.

– Надо ему что-то дать! – скомандовал Рябинин, вспомнив наконец, о том, что ему рассказывали про этого злыдня его друзья и Даша.

Обзывая старика, и выслушивая оскорбления в свой адрес Рябинин искал в своей сумке хоть что-нибудь съестное, но там ничего не было и тогда он вспомнил, что в рюкзаке Геннадия была пачка соли.

Пришлось с дракой и кучей оскорблений добывать соль в рюкзаке егеря. Рябинин бегал по кругу висая на нем, пытаясь

снять рюкзак с плеч Геннадия. Но у него никак не получалось. Наконец вышло расстегнуть рюкзак и вынув соль запустить ею в Михея. Тот как собака поймал пачку в полете и скрылся за кустом.

В ту же секунду наступило полное облегчение, и оперативник с егерем без сил опустились на землю.

– Кто это был? – отдышавшись и вытирая пот со лба спросил Геннадий. – Я его чуть не пришиб.

– Старикашка, который служит Переругу, – тоже тяжело дыша ответил Рябинин.

– Кто такой Переруг? – застегивая рюкзак снова спросил тот, и пощупал на щеке синяк, оставленный Рябининым.

– Какой-то сказочный злыдень. Который ссорится со всеми, и всех, кто мимо идет между собой ссорит, и за это дань с прохожих собирает, – застегнул свою сумку Рябинин, и потрогал рассеченную губу.

– А ты его откуда знаешь? – продолжал допытываться егерь.

– Нет, я с ним лично не знаком, – ответил оперативник, – просто, как-то вел одно дело и там мне пришлось столкнуться с нечистой силой и побывать в гостях у сказки. Ну, а если серьезно, то девчонка одна очень любила эти сказки и мне рассказывала, а теперь она пропала, а я ее ищу, не стал вдаваться в подробности Рябинин.

– Ловко ты в него солью запустил. Жалко ее, но уж лучше без соли, чем так. Я чуть не лопнул от злости, – нашел шапку

в кустах егеря, сбитуя Рябининым в пылу борьбы за соль, и одел ее на голову. – Еще чуть-чуть и меня бы разорвало. Пошли отсюда! – поднялся он на ноги. – А то вдруг этот мухомор вернется. Кому расскажи не поверят...

– А ты и не рассказывай, могут и в психушку определить, – посоветовал оперативник, и тоже поднялся на ноги.

Дальше шли молча, потому как сил на разговоры не осталось.

Когда подошли ближе к реке, Рябину эту местность от чего-то показалась знакомой. На излучине, уходя корнями в берег, раскачивая на ветру своим тонким стволом росла молодая плакучая ива. Рябина охватил легкий озноб и тревога. Геннадий шел впереди на несколько шагов. Как только они поравнялись с плакучей ивой, их снова окутал густой сизый туман, и Рябинин потерял из поля зрения егеря.

– Геннадий! Геннадий! – услышал он свой глухой голос, словно не проходящий через туман. Как будто какая-то невидимая стена стояла впереди и заглушала его, и его попутчик не отзывался.

Теперь Рябину казалось, что дерево стало большим, его ветви уходили высоко в небо, а ствол стал широким в несколько обхватов. Оперативник застыл на месте, боясь сделать лишнее движение, свалив все на преломление света и обман зрения. «Что только не померещится в тумане», – успокаивал он себя. «Сейчас туман пройдет, и все обретет узнаваемые формы».

– Геннадий! – снова позвал он своего спутника, но тот так и не отозвался.

Глава 8

«Неожиданное горе»

7 апреля на итальянском крейсере «Эльба», команда «Варяга» была доставлена в Севастополь, где ее с торжественными почестями встречали жители города, военные и гражданские чиновники.

Когда Антонов помог Бурову спуститься по трапу на берег, тот перекрестился и сказал:

– Благовещение сегодня. В церковь бы сходить.

Отовсюду с ветками мимозы, букетиками фиалок и крокусов, бежали девушки поздравлять героев. Мальчишки, пристраиваясь за ровным строем моряков тоже старались чеканить шаг. Антонов с Буровым и несколькими другими матросами, получившими тяжелые ранения в бою в военном параде не участвовали. После торжественной части они направились в церковь. И маленький старый священник специально для них отслужил ещё один молебен. Окропил их святой водой и благословил. Потом отдельно подозвал к себе Антонова, долго смотрел ему в лицо и жестом показал, чтобы тот склонил голову. Антонов наклонился, и священник накрыв его епитрахилью⁹ стал читать над ним молитву. Потом намазал ему лоб елеем и приставил серебряный крест к губам. Антонов поцеловал крест, а священник произнес:

– Благослови тебя Бог, заступник и помощник хранителей света и добра. Никогда не смотри в темноту, ищи свет в своем сердце. Зло злом наказать нельзя. Только безграничная вера может спасти в трудную минуту. – Он перекрестил парня и одел ему на шею ладанку¹⁰. – Бог с тобой! В трудную минуту открой ее, она поможет тебе.

Пробыв около месяца в Севастополе и решив бумажные вопросы в местном адмиралтействе. Выхлопотав пенсию и денежное пособие Буров засобирался домой в Полтавскую губернию. А так как он был еще слаб, а Антонову нечем было заняться. Буров настоял на том, чтобы доктор поехал с ним.

– Ты, Роман Иванович, перед моим смертным одром, твердо обещал быть моим гостем. Я этого не забыл. Уважь, я ведь тебе жизнью обязан. Если бы не ты, я давно бы гнил в чужой земле. А сейчас я направляюсь домой на своих ногах, с руками, с головой. Не откажи! Уважь старого моряка.

– Какой же ты старый, – не согласился с ним Антонов, – сколько лет-то тебе?

– Тык, сорок первый пошел, – ответил Буров.

– В сорок лет жизнь только начинается, – ухмыльнулся Роман, цитируя героя Владимира Басова из фильма «Москва слезам не верит».

– Как так? Ещё малёхо и на погост, – не понял Буров.

– А, так, – стал объяснять Антонов, – люди до сорока – строят дом, карьеру, растят детей, а потом, отдыхают – ездят в путешествия, нянчат внуков, занимаются любимым делом:

кто книги пишет, кто рисует, кто цветы выращивает.

– Это ты мне про какую-то сказочную жизнь рассказываешь, – не согласился Буров. – В моей жизни нет никаких путешествий, кроме плавания по роду службы, внуков у меня тоже пока нет. Вот приеду домой дочку замуж выдам, крышу починю, жене с огородом помогать стану, хозяйство заведем, корову купим, а там глядишь и внуков дождусь. Дочка у меня красивая, ладная, работающая, – решил он заинтересовать Антонова. – Коса русая, глаза голубые, кожа белая, щеки румяные, девятнадцатый год пошел. Мне б такого зятя как ты. Это ничего что ты о крестьянской и морской жизни ничего не знаешь. Зато людей лечить умеешь, говоришь красиво, умно. Село у нас большое, да и соседнее рядом, знаешь сколько людей к тебе за помощью ходить станут. Ты будешь их лечить, а они тебе деньги, продукты, вещи. Проживем...

А на будущий год избу тебе новую отстроим. Маришка моя, дочка стало быть, ласковая, послушная, детишек тебе нарожает. Одна она у меня. Жена еще двоих родила, да не дожили они до года, померли. Лихоманка на них напала, сгорели... – смахнул рукавом наворачнувшуюся слезу моряк. – А Маришка выжила. Сильная она у меня, выносливая. Маленькая была мы вместе с ней в лес по грибы ходили, на рыбалку. Даже на охоту с собой брал, стрелять научилась, не хуже мужика белку в глаз бьёт...

Мне мужику бывало тяжело идти, а она ничего идет молчит, еще и снесь на себе тащит. А обратно с добычей шли,

дам ей мешочек небольшой, так она хоть волоком, а донесет... Соскучился я по ней шибко, почитай три года не видал. И по жене тоже очень скучаю. Она у меня добрая, не многословная. Руки у ней мягкие, верткие, смотришь на них как они ловко тесто месят, белье стирают, штопают, не налюбуйешься...

Отвернулся Буров от Антонова и снова вытер предательские слезы.

– Ничего, немного осталось, скоро дома буду. Обниму их обеих и...

Не договорил он уткнувшись в свое плечо.

Когда слезы перестали душить, а голос перестал трястись Буров спросил:

– А у тебя семья имеется? Может невеста? А то я тут вроде как сватаю тебя, а сам ничего о тебе толком и не знаю. И плавали с тобой два месяца, а так и не поговорили. Все некогда тебе, люди со своими хворями, начальство с вопросами... Так что с семьей-то?

– Ты Василий не обижайся пожалуйста, – начал Антонов, – если я тебе скажу правду – ты не поверишь и не поймешь, а обманывать или придумывать что-то мне тебе не хочется. Если коротко, то можно сказать так: семьи нет, невесты тоже. И чтобы тебя не обнадеживать, скажу сразу, – моя жизнь мне не принадлежит. Я всегда там, где я нужен, и это от меня не зависит. Поэтому я не могу завести семью. А с тобой я обязательно поеду, тем более что я тебе обещал. Чув-

ствуую, что мы с тобой не случайно встретились.

– Да, случай нас с тобой свел странный. Я до сих пор не могу в толк взять, как мы из Порт-Артура в корейском порту Чемульпо оказались? – решил задать давно мучащий его вопрос Буров.

– Даже не знаю, как тебе объяснить? – задумался Антонов. – Это как провал во времени и пространстве. К сожалению, я не знаю, как это происходит, но со мной это уже не в первый раз. Но тебе я хочу дать совет, чтобы ты не говорил об этом другим людям. Они тебя не поймут, будут смеяться, а то чего доброго еще и сумасшедшим объявят.

– Так вона, оно что получается? – почесал затылок Буров. – Значит ты из будущего что-ли? Я и смотрю чудной ты какой-то, знаешь шибко много. А можно у тебя спросить, – помялся он.

– Спрашивай, – неуверенно пожал плечами Антонов, – только предупреждаю, не на все вопросы я смогу тебе ответить.

– Скажи, мне одно. А, что не напрасно ли мы пролили свою кровь? Затопили «Варяг»? – внимательно всматривался в лицо Антонова старый матрос.

– Нет! Не напрасно! В этом можешь быть уверен. Ваш подвиг не забудут никогда. О «Вареге» будут слагать песни: «... Врагу не сдается наш гордый Варяг, пощады никто не желает...», – напел мотив патриотической песни Антонов. – Снимут фильмы, напишут книги. Даже когда японцы поднимут

«Варяг», и отремонтируют его, для того чтобы включить в состав своей эскадры, в назидание молодым японцам, и отдавая дань героизму русских моряков, они сохранят его название на корме, а ниже напишут: «На этом корабле мы будем учить вас, как надо любить свою Родину».

Буров внимательно слушал Антонова и его сердце наполнялось гордостью.

– А, в 1916 году Россия выкупит свой прославленный крейсер. – Закончил свой рассказ Антонов, преднамеренно умолчав о том, что случится с тем после Октябрьской революции 1917 года.

Дорога в Полтавскую губернию заняла несколько дней. Сначала ехали на паровозе, потом на перекладных, а потом и вовсе шли пешком. Часто останавливались, так как Василий был еще слаб, и Антонов настаивал на том, чтобы тот, как можно больше отдыхал.

– Что ты со мной как с маленьким возишься? – сердился Буров. – Я что две версты без перекура пройти не могу. На охоту в лес и за десять верст ходил без отдыха. А тут пол версты еще не прошли, то посиди, то полежи! Да еще был бы перекур, как перекур, а то курить нельзя, на сыром не сиди, ноги не мочи, холодного не пей. Наставляешь меня, как гувернантка барина-младенца. Хоть в селе меня не позорь, не указывай. Мужики не поймут, на смех поднимут.

Антонов все его сетования пропускал мимо ушей, и при

случае, все равно координировал и направлял его действия.

– Я врач, а ты мой пациент, – напоминал он ему, – и ты обязан меня слушаться.

Не доходя версты три до села под названием Каменка, где жил Буров им наконец-то попалась «попутка» в виде бабы Клавы и её старой кобылы по кличке Белка, которая тянула полуразвалившуюся скрипучую телегу.

– *Василий, никак ты! Еле признала!* – ловко спрыгнула она на просохшую дорогу и стала обнимать Бурова. – *Не чаяли тебя уж и увидеть. Сказывали, что ты утон. Потом письмо пришло: «... Так мол и так, ваш муж Буров Василий, пропал без вести во время взрыва на крейсере «Цесаревич», – рассказала по памяти строки из письма баба Клава. – И десять рублёв в придачу, на помины. А ты живой, слава Богу! Только уж больно худой, да бледный.*

Сели на телегу, баба Клава дала напиться простокваши, которую не смогла продать в соседнем селе. И всё радовалась тому, что Василий жив.

– *Вот Катерина-то твоя обрадуется, а то горе за горем, все глаза проплакала, чуть в петлю не залезла. А тут ты в утешение. Живой. Слава Богу!* – перекрестилась баба Клава.

– Постой! – резко прервал ее Василий. – Какое горе? Что случилось? – напряглись все мышцы его лица.

– *Какое горе?* – наиграно переспросила она, и быстро перевела тему разговора. – *Слава Богу, ты живой! Вы голодные, наверное, а мне вас и угостить нечем. На базаре была*

все распродала, кроме простокваши. Вот и не думала, что тебя живого встречу! Катерина-то твоя обрадуется! Живой! Не увечный! А парень с тобой кто?

– Это доктор, он меня вылечил. Осколки из меня повиытаскивал, брюхо распоротое зашил. Я теперь как старый кафтан, перешитый да заштопанный. Ты это не увиливай от ответа, говори, что стряслось? Какое горе? – перешел в нападение Василий.

– Так, може и не горе, може еще найдется! Вон ты тоже без вести пропал, а нашелся. Живой! Не увечный! Вот Катерина-то обрадуется, – снова ушла от прямого ответа баба Клава.

– Тр-р-р! – выхватил из рук бабы Клавы поводья Буров и натянул их, чтобы лошадь остановилась. – Говори мне сейчас же что случилось?! Или я за себя не ручаюсь! Я контуженный! – замахнулся он на женщину.

– Что ты? Что ты? – замахала она на не руками. – *И впрямь контуженный! Но это ничего, вот дома отойдешь, отъешься. Слава Богу живой! Не увечный! Катерина-то обрадуется...*

Снова «завела она свою шарманку», но потом увидела глаза взбешенного Букова и заголосила:

– Да, я и говорю... может, и Маришка същется. Ты ведь вернелся живой, не увечный! А давеча на тебя бумага пришла, что пропал мол, без вести... Василий Буров и десять рублёв... на помин души... – стала рыдать женщина.

– Ты мне толком скажи, – схватил женщину за плечи моряк и стал ее трясти как грушу, – Маришка пропала что ли? Да не голоси ты! Отвечай где Маришка?!

– *Так, это в конце марта и пропала. Вышла их хаты и не возвратилась. Вечером Катерина твоя всех подружек ейных оббежала, никто ничего не знает, никто не видал. А когда она и утром не пришла всем селом ходили искать... Не нашли...*

Снова зарыдала баба Клава, вытирая слезы рукавом своего старого зипуна.

– *И ведь девка то ладная была, красивая, работающая...* – всхлипывала она.

– Ты это мне брось, ее раньше времени хоронить! – приказал Василий. – Тела ведь ее не нашли? Верно?

– *Не нашли. Не живу не мертвую...* – подтвердила та.

– Так может и сыщется еще? Может в лису заблудилась? Или в соседнее село подалась? – успокаивал сам себя обеспокоенный отец. – Гони, что стоишь! – прикрикнул он на женщину и бросил ей поводья.

Антонов наблюдая эту картину, не знал какие слова подобрать, чтобы облегчить страдания Василия, но как на зло ничего на ум не приходило. И он просто молчал. В голове был полный сумбур и не одной логичной мысли, которую можно было высказать в слух.

«Был бы тут Рябинин, он бы разобрался... У него опыт, знания...» – рассуждал растерянный Антонов. «Возможно

он бы нашел... тело...» – испугался Роман своих мыслей и краем глаза посмотрел на убитого горем отца девушки, как будто боялся, что тот может «услышать» его мысли.

Но Буров сидел мрачный, осунувшийся и черный от неожиданно навалившегося горя. И Антонов продолжил размышлять.

«Если следовать логике, то с того момента, как пропала девушка прошел уже месяц. За такой большой период в лесу выжить не возможно, тем более сейчас не лето, холодно, земля сырая, а в конце марта наверняка еще снег был, а ночью мороз. Если допустить все же, что она выжила, то где она может находиться? В каком-нибудь зимовье охотников, например?» – рассуждал он. «Тогда напрашивается другой вопрос, почему она не вернулась домой. Ведь Василий говорил, что дочку свою он часто брал с собой на охоту. А это значит, что она лес знает. Если уж она зимовье нашла и спаслась, тогда и дорогу домой отыскала бы. Значит не нашла и не спаслась...» – помрачнел Роман. «В больнице? В коме? С амнезией? В плену? Сбежала? Украли с целью выкупа? Убили и закопали... Чтобы скрыть следы преступления. Утопили?» – перебирал он веер мыслей в своей голове, как новостную ленту в разделе криминальная хроника в интернете. «Нет, это не мое. Здесь нужен Рябинин. Вот он то разобрался бы и докопался до истины...»

Прервал ход своих мыслей Антонов, у которого начались головные боли и подкатила тошнота, когда он вспомнил еще

и про «расчленёнку».

– Ой, горе-то какое! Не уберегла! Не усмотрела! – кинулась жена Василия ему в ноги. – Прости меня окаянную! – рыдала она, обхватив его ноги чуть выше щиколоток.

– Что ты Катенька! Встань! – нежно поднял он жену за плечи и повернув ее лицо руками, стал целовать в глаза, щеки, губы. – Как же так? Как же так... – шептал он ей в самое ухо, и тоже плакал. Его широкие плечи вздрагивали, а большие руки тряслись, в растрепанных волосах женщины...

К вечеру, когда все немного успокоились, пришли в дом соседи: кто с квашенной капустой, кто с мочеными яблоками, кто с салом и хлебом. Накрыли белой скатертью стол, расставили рюмки. Баба Клава принесла большую бутылку с самогомом. За стол все сели молча. Больше перешептывались между собой, чем общались и обсуждали волнующие всех темы. Антонов впервые был на таком мероприятии, и не знал, как себя вести. Это напоминало, что-то среднее между поминками и встречей. Спас положение седенький мужичек Степан. Он встал, взял со стола вилку, и звонко постучал ей о наполненную самогомом рюмку.

– Соседи! – торжественно произнес он. – Сегодня мы с вами собрались в этой хате, по случаю геройского возвращения с войны нашего односельчанина Василия Бурова. Он указал рукой в сторону поникшего хозяина. – Мне очень жаль, что мы встречаем его с печалью. Но герой не заслуживает такой

встречи! Мы все понимаем, что в этой семье большое горе, но с другой стороны и большая радость. Твой муж Катерина вернулся живой! С руками и ногами, с головой, с боевой наградой. Сегодня мы собрались здесь, чтобы выпить за его здоровье! За его героизм! За тебя Василий! Степан протянул в середину стола руку с рюмкой и все облегченно вздохнув тоже встали и начали чокаяться.

– Будь здоров, Василий!

– За тебя, сосед!

– Здоровья тебе!

Слышались заздравные возгласы людей, собравшихся за столом.

Выпили, закусили. Потом все стали задавать волнующие их вопросы. Деликатно обходя темы связанные с пропажей дочери. Мужики спрашивали о войне, о потерях, о том, какие разговоры ходят между матросами. Не будет ли войны с немцами? Женщин больше интересовал сам подвиг русских моряков, и то как выглядят японцы, как они живут, чем занимаются?

Антонов сидел в углу возле теплой печки и думал о том, как все-таки важно не терять свои корни. Он завидовал этим простым крестьянам, которые пришли встретиться соседа с войны. Завидовал тому как неспешно они ведут беседы, как соблюдают субординацию, как уважительно относятся друг к другу. Как тактично, на интуитивном уровне они стараются отвлечь семью от горя и как многому у них можно поучиться.

«А нам на уроках истории говорили, как плохо жили наши предки», стал размышлять он. «Да, недостаток скудный, нет разносолов в виде «вредной пищи», зато никто никуда не спешит. Люди наслаждаются общением друг с другом. У них не заняты руки и мозг разными гаджетами, как в современном мире. Они искренне радуются и также искренне огорчаются. Счастливое все-таки было время».

– Я хочу вам представить, своего можно сказать боевого друга, товарища, -вывел из приятного оцепенения Антонова хозяин. – Без него, честно сказать, мы сегодня бы с вами не собрались. Потому что этот человек спас меня. Благодаря ему я жив, и стою перед вами. Он доктор. Знаете ли вы сколько матросам и командирам он спас жизнь?! А сколько благодаря ему, вернутся домой не калеками, а с руками и ногами. Знаете, почему?! А я скажу вам, этот человек пришел им их оторванные руки и ноги. Многих, как меня, он вернул с того света, – закатил глаза к потолку Василий. – И сейчас я хочу выпить за здоровье моего спасителя, Романа Ивановича! За тебя дорогой! Будь здоров! – Поднял наполненную рюмку он.

Все встали и чокнулись.

– За здоровье доктора!

– За доктора!

– Будь здоров, Роман Иванович!

Загудел перебивая друг друга стол.

– А знаете, сколько осколков этот человек вынул из моего

покалеченного тела? – продолжал Василий. Он достал из-за пазухи кисет и со звоном высыпал на тарелку горсть разнокалиберных осколков, которые Антонов подарил ему на память, после операции. – Восемнадцать! – сам ответил он на свой вопрос.

– И где же они у тебя были? Может в срамном месте? – решил кто-то пошутить.

Соседи засмеялись. А Буров расстегнул ворот и снял с себя чистую рубаху оставшись в одних штанах.

– Ох!

– Ой!

– Ужас!

– Это как же?!

Послышалось со всех сторон, когда люди увидели еще темно-бордовые рубцы по всему животу Василия.

– За доктора!

– За кудесника!

Вновь зазвенели наполненные самогоном рюмки. Потом пили за потопленный «Варяг», за погибших и раненых, потом снова за здоровье Антонова и Бурова. Сначала Роман пытался контролировать степень выпитого своим пациентом, но тот вышел из-под контроля, потому что и самого доктора развезло с дороги так, что он без памяти уснул в углу облокотившись на печку и не видел кульминации.

Народ из гостей выходил радостный, удовлетворенный, с песнями и плясками под гармошку.

Утро для Антонова и Бурова началось с головной боли. Жена Василия отпаивала их капустным рассолом и горячим куриным бульоном, который принесла внучка бабы Клавы.

«Все-таки душевные раньше были люди», – в который раз убедился Антонов. «Не то что сейчас. Сидят каждый в своей квартире, за семью замками. И даже не знают, как зовут соседа на одной лестничной клетке».

– Эй, Василий! – раздался чей-то зычный голос ближе к обеду, – Где твой доктор?

– Чего тебе? – полушёпотом спросила Катерина и замачала на него полотенцем. – Спят они. Вчера навечерялись, устали, а ты орешь как оглашенный.

– Поди подымай, – зашептал теперь тот.

– Зачем? – выталкивала она непрошеного гостя за ворота.

– Там, кабан Петровича порвал. Кишки наружу. Вот-вот Богу душу отдаст. Так что зови доктора! – упирался пришедший, снова переходя на громогласную речь.

– Кто там? – услышал возню во дворе Антонов и вышел на крыльцо.

– Да, сосед это наш, вас требует. – Измерила строгим взглядом пришедшего Катерина. – Говорит, что друга его кабан порвал на охоте.

– Спасай, ваше благородие! Помирает Петрович... – Стал уговаривать сосед доктора.

– Да, конечно! Пойдемте! – сбежал с крыльца Антонов и

пошел за соседом.

Осматривая Петровича, Антонов ругал себя за вчерашний вечер, за то, что позволил себя спoitь. И что теперь ему было плохо, а запах крови мутит его, подгоняя тошноту к самому горлу.

– Так! Быстро кипяток, нитки, лучше шелковые, иголку большую и пусть сумку мою принесут. – Пытался он взять себя в руки. – На стол его положите. Свет! Побольше света!

Спустя несколько часов, когда операция удачно была завершена, Антонов чувствовал себя разбитым корытом, перед которым сидит старуха и сетует на «золотую рыбку». Теперь он опять ощутил приступ тошноты и головной боли. До конца дня Роман не отходил от раненого, следил за температурой и общим состоянием. Потом убедившись, что кризис миновал он пошел домой, наказав при этом домочадцам Петровича, чтобы при малейшем ухудшении состояния пациента, немедленно его позвали.

Выпив на ночь травяного чая, который заварила жена Василия, Антонов крепко уснул, его наконец-то перестал бить озноб и прошла головная боль. Под утро он видел сон, в нем Тоня была жива и с ним разговаривала:

– Как ты теперь? – спрашивал он ее.

– Я теперь ангел, – улыбалась она. Я спасаю людей. У меня ответственная работа.

– Разве ангелы работают? – поинтересовался Роман.

– Конечно. У них тяжелая работа. Они все время на чеку.

Это труднее чем быть врачом на земле, – снова улыбнулась его сестра.

– Я думал, что ангелы отдыхают, – хотел потрогать ее волосы Антонов. Но не почувствовал их.

– Нет, они оберегают людей от необдуманных поступков, направляют их туда, куда нужно. – Протянула она ему свою руку.

– И у всех людей есть свой ангел? – спросил он девушку.

– Конечно! Все люди нуждаются в помощи, – провела она рукой по его давно небритому лицу.

– И у меня он есть? – закрыл в своем сне Антонов глаза, от переполняющей его нежности.

– Нет! У тебя нет! – поцеловала она его в заросшую щеку. – Ты сам ангел! Колючий...

– Смешно. Колючий ангел, – повторил он ее слова и хотел поймать ее руку. Но опять не ощутил ничего. – Я бы хотел, чтобы у меня тоже был свой ангел...

– Хорошо, я буду твоим ангелом, – прижалась она к нему всем своим телом.

– Ангел, колючего ангела. Смешно...

Глава 9

«Расследование»

Когда наконец туман рассеялся, Рябинин вновь увидел тонкую иву, но не нашел егеря. Он подождал около часа своего спутника и потеряв всякую надежду на его возвращение,

пошел в ту сторону, которую тот указал ему на кануне своего исчезновения. К вечеру он услышал лай собак и увидел небольшую деревушку.

– Добрый вечер! Окликнул он мужика в холщевых штанах и грязном ватнике, который рубил дрова во дворе.

– *А с чего ему быть добрым?* – нехотя отозвался тот и стал разглядывать незваного гостя.

– Извините, что побеспокоил вас, но я заблудился в лесу, и не знаю, как мне найти дорогу в Ежовку? – вежливо стал «зондировать почву» Рябинин.

– *Да тут, поблизости нет никакой Ежовки!* – повернувшись к Рябинину спиной и подняв с земли березовое полено, стал устанавливать его на пень мужик в ватнике.

– А до Латурина далеко? – не отставал от того оперативник.

– *Долече...* – рубанул по полену мужик, и оно расколось на две части. – *Верст сто будет.*

– А не подскажите, как мне туда добраться? – почесал заострившийся нос Рябинин.

– *Верхами, али на повозке, как же еще?* – усмехнулся мужик в рыжие усы, и поднял одну половинку березового полена.

– А где можно раздобыть этот транспорт? – надоедал мужику своими вопросами оперативник, у которого не было другого выхода.

– *У меня лошадь украли, я тебе не помогу,* – рубанул по-

ловинку полена мужик, и та разлетелась еще на две части.

– Давно украли? – проявил профессиональный интерес Рябинин.

– *Вчера вечером была, а сегодня утром уже нет*, – разрубил другую половинку полена тот. – *А мне поле пахать надо, озимую пшеницу сеять пора. Как я теперь без лошади? У меня шесть ртов, мне их кормить надо.*

– Давай я найду твою лошадь, а ты меня отвезешь в Латуринск, – перешел на «ты» Рябинин.

Мужик подошел ближе, и стал внимательно рассматривать оперативника.

– *А ты кто такой?* – спросил он глядя в глаза Рябинину.

– Я оперативный сотрудник уголовного розыска Егор Рябинин, – представился тот.

– *А а-а?!* – протянул мужик. – *И документики имеются?*

– Имеются. – полез во внутренний карман Рябинин за удостоверением. – Скажи любезный, какой сегодня день недели? А то я потерялся во времени, бродя по лесу.

– *20 сентября, вторник 1904 года от Рождества Христова*, – прищурился мужик не сводя глаз с оперативника. – *Странный ты какой-то. Одежда на тебе не нашенская. Ты часом не из дворян будешь, ваше благородие?* – стал рассматривать странный документ в руках Рябинина с цветной фотографией и гербовой печатью в красных корочках.

– Из них, – притворился Рябинин сообразив теперь, что зря показал мужику свое современное удостоверение.

– *Иван Еремеев, по батюшке Семёнович буду*, – отрапортовал тот.

«Здесь мне еще этих Еремеевых не хватает», – подумал про себя Рябинин. «Как будто мне начальника моего мало», а в слух спросил:

– Так, что отвезешь меня в Латуринск?

– *Так точно, ваше благородие! Если лошадь същется. От чего ж не отвезти*, – стал теперь заискивать перед оперативником тот.

– Тогда показывай место преступления, – преступил к расследованию Рябинин.

– *Чего показывать?* – не понял потерпевший.

– Где у тебя лошадь вчера стояла, а потом пропала, – пояснил оперативник.

– *Да там у овина и стояла*, – пошел на задний двор Иван Еремеев, приглашая с собой Рябинина.

– Давно у тебя эта лошадь? Какой она масти? – опрашивал оперативник потерпевшего.

– *Да я Ласточку из жеребенка вырастил. Молоком поил из соски. Мать ее померла при родах, старая кобыла была. И на сей момент ей четыре года уже. А масть ее гнедая.*

– Гнедая, это коричневая? – уточнил Рябинин.

– *Рыжая*, – поправил Еремеев.

– А какие-нибудь особые приметы у нее были? – стал разглядывать место, где стояла лошадь Рябинин.

– *Чего?* – снова не понял хозяин лошади.

– Ну, там пятно родимое? Грива какая-нибудь приметная или хвост? Хромая может на одну ногу? – приводил примеры особых примет Рябинин.

– *Кобыла, как кобыла, без всяких примет,* – почесал затылок Иван Еремеев.

Рябинин наклонился и стал рассматривать утоптанную лошадью землю. Один след на его счастье был в стороне и на нем был явный отпечаток треснувшей подковы.

– Подковы у твоей лошади были целыми? – спросил он потерпевшего.

– *Да! На прошлой неделе поменял,* – уверенно кивнул тот.

– А до того, как поменял, были целые? – не отставал оперативник.

– *Нет, на задней правой была трещина,* – вспомнил Иван.

– Менял у кого? – вытащил из сумки записную книжку и шариковую ручку Рябинин и стал зарисовывать отпечаток копыта лошади с треснувшей подковой.

– *Так у кузнеца, у Фильки,* – с удивлением рассматривал художества оперативника он.

– Кого-нибудь сам подозреваешь? – закрыл записную книжку Рябинин.

– *Чего?* – снова не понял потерпевший.

– Ну на кого-нибудь думаешь, что он мол мог украсть? – снова принялся объяснять Ивану термины сыского дела Рябинин.

– *Да на полдеревни думаю,* – крепко выругался тот и сплю-

нул. – Васька Хорин, всю жизнь мне завидует. Илья Попов взъелся на меня за то, что я у него Анфиску, невесту его увел, жену мою, стало быть. С Петькой Шатровым у меня с детства война. Я уж не говорю об этих братьях оборванцах Титовых, которые работают у меня на поле. Живут за мой счет, а при удобном случае всякому меня поносят. Что я мол их обдираю как липку, денег не доплачиваю. Дармоеды-лодыри. Деньги пропьют промотают, а потом опять вынь да положи им.

– Значит, врагов и недоброжелателей у тебя полдеревни? – сделал вывод оперативник. – А дождь давно был? – теперь он стал рассматривать следы у задней калитки.

– Да на кануне и был, за день до того, как кобылу увели, – ходил вслед за Рябининым потерпевший.

Оперативник прошел вдоль забора, у калитки остановился. Посмотрел на ноги Ивана, тот был в кирзовых сапогах. За калиткой был хороший отпечаток чьего-то лаптя. Рябинин отломил веточку от рябины и измерил след.

– А собака у тебя есть? – спросил он хозяина пропавшей лошади.

– Да, волкодав, злощий, сейчас он на цепи в овине сидит, а на ночь мы его выпускаем. Волки из лесу, могут скот подрать: корову, овец. Лисы – курей подушат, – махнул рукой в сторону сарая Иван.

– Значит собака ночью была отпущена. Кто-то вошел, спокойно вывел лошадь и куда-то ее дел? Куда? – задавал наво-

дящие вопросы Рябинин потерпевшему.

– *Кабы я знал? Так она бы уже у меня дома была бы. А тот, кто ее украл, покалеченный был бы,* – погрозил увесистым кулаком Иван кому-то воображаемому.

Еще раз обойдя забор теперь с внешней стороны Рябинин остановился у дуба, растущего около калитки. Влез на него и заглянул во двор Ивана. С него хорошо просматривался и овин, и дом, да и весь двор был как на ладони. Когда оперативник слазил то зацепился за сухой сук, и обнаружил на нем клочок грубой ткани. Затем он вернулся к следу от лаптя, вновь вынул блокнот с ручкой что-то записал и зарисовал оставленный след. Туда же в блокнот вложил клочок ткани снятый с ветки дуба.

– А сама лошадь не могла уйти? – спросил оперативник.

– *Нет, не могла. Она привязанная была, я ее сам привязывал с вечера. Потом с наружи петля висит. Она ее скинуть не могла. И тем более со двора ей не уйти, калитка заперта была с внутренней стороны. Как так они ее увели, и калитку за собой заперли?* – недоумевал Иван.

– Очень просто, – решил продемонстрировать Рябинин.

– Тот, кто хорошо знал твою лошадь и собаку влез на дерево и ждал, когда вся твоя семья будет крепко спать. Затем он спокойно спустился вот здесь, – Рябинин снова влез на дерево и по ветке добрался до забора, влез на него и спрыгнул оказавшись во дворе потерпевшего.

– Он спокойно отвязал лошадь, открыл калитку и вывел

ее на улицу, – прокомментировал он свое действие хозяину.

– Затем злоумышленник, вдел в засов конопляную веревку (Рябинин вынул несколько ниток, оставшихся на засове от веревки, и тоже поместил их в свой блокнот), – вот в это отверстие, и закрыв за собой калитку, вот таким способом закинул засов на место. – Оперативник вдел в то самое отверстие шнурок своего кроссовка и продемонстрировал Ивану, как легко можно закрыть засов с внешней стороны.

– *Ловко, однако! Я бы не додумался,* – почесал затылок хозяин пропавшей лошади. – *Так где ее теперь искать?*

– А где у вас лошадей продают? – поинтересовался Рябинин.

– *Так на ярмарке в воскресенье,* – ответил тот. – *Или цыганам уводят.*

– А цыгане далеко? – обтряхнул свои запачканные джинсы оперативник.

– *Так у соседней деревни табор их вторую неделю стоит. По выходным они представления показывают чудные. Фокусы там разные, еще по канату ходят, а еще пацан там у них гуттаперчевый, без костей, такие кренделя выписывают. Позавчера сам видал,* – заверил он Рябинина.

– Ну, что ж отлично! Значит до воскресенья они еще будут там? – уточнил оперативник.

– *А, то. Цельный месяц будут. Тока канаты свои натянули, да шатры поставили. Не с руки им, каждую неделю с места на место кочевать,* – успокоил он Рябинина.

– Тогда пойдем, ты меня покормишь чем-нибудь, а я завтра верну тебе лошадь. А то темно на улице уже, ничего не видно, а я с самого утра ничего не ел, – пожаловался Ивану оперативник.

– *Пойдем в хату*, – пригласил тот его.

В действительности у Ивана было не шесть ртов, а семь: жена, две дочери, три сына, а седьмым ртом оказался, очень знакомый Рябинину рыжий кот. Который весь вечер наблюдал за ним зелеными глазами.

– А кот этот давно у вас живет? – поинтересовался оперативник после сытного ужина.

– Да приبلудился несколько дней тому назад, – погладила кота, жена Ивана. Дети просили оставить. Красивый ведь, – гладила она его своими пухлыми пальчиками за ушами.

«Я так и думал. Кот здесь, жди беды», – мысленно произнес Рябинин, а вслух добавил:

– Спасибо за вкусный ужин, – поблагодарил он хозяйку. – Где можно лечь? Устал очень.

– В горнице на сундуке я вам постелила, ваше благородие, – улыбнулась она Рябинину.

– Спасибо. Пойду лягу, – пошел в соседнюю комнату тот. Как только голова коснулась мягкой подушки, Рябинин тут же уснул. Сегодня ему снились кони: вороные, белые, серые в яблоках, которые скакали по цирковой арене, на одной из них гнедой, важно, как заправский жокей, восседал рыжий кот и нагло шурился...

Утром Рябинин проснулся от возни во дворе. Мычала корова, блеяли овцы, лаяла собака. Хозяйка раздавала поручения старшим детям: кому принести сена, кому натаскать воды, кому растопить печь, а сама она пошла доить корову. Иван тоже был занят – он рубил дрова, Рябинин определил это по доносившемуся знакомому звуку.

Через полчаса хозяйка позвала всех к завтраку. Пили парное молоко с куском ароматного ржаного хлеба.

– Ну, что Иван идем в соседнюю деревню? – предложил хозяину Рябинин.

– *Зачем?* – удивился тот.

– Как зачем? За лошадью! – напомнил тот.

– *А с чего ты взял, что она там?* – почесал затылок огромными пальцами-сардельками Иван.

Рябинин улыбнулся, глядя на его руки. Они были очень похожи на руки его начальника. Такие же большие и пухлые.

– Ну, как с чего? – начал объяснять Рябинин, свои умозаключения, связанные с расследованием. – Ты же сам сказал, что лошадьми торгуют по воскресеньям на ярмарке, или продают цыганам. Кстати сколько стоит твоя лошадь?

– *Рублев семьдесят, не меньше, а в хороший день, так и все семьдесят пять, можно было выручить,* – с сожалением вздохнул тот.

– Вот так цены?! – искренне удивился оперативник. Он вспомнил, сколько стоит хорошая породистая лошадь в его время, и спросил просто так ради интереса:

– А сколько стоит бутылка водки?

– Ты про какую спрашиваешь? Красноголовка в лавке 40 копеек стоит, – со знанием дела ответил Иван.

– А что еще какая-то есть? – почесал кончик носа Рябинин.

– Белоголовка. Вот то водка, так водка, слеза, а не водка, двойной очистки, – облизнулся Иван. Пьешь и душа радуется, а еще с хрустящим огурчиком, да с салцом, да с зеленым лучком... Проглотил громко слюни Иван. – Та дорогая зараза, – 60 копеек за бутылку.

– А икра черная? – в шутку спросил Рябинин.

– Высшего сорта? – взглянул тот на Рябинина, – очень дорогая – 2 рубля 80 копеек за килограмм. Третьего подешевле – 80 копеек.

– Здорово! – с завистью вздохнул Рябинин.

– Чего здорово? Дороговизна одна. Хорошо хоть хозяйство есть, а то голодали бы детишки. Вон двоюродный брат в городе на фабрике работает, в бараке живет, двадцать рублей зарабатывает. И то у него заработок хороший, он мастер великий, а у других и того меньше. Как жить? – начал жаловаться на жизнь Иван. – У него тоже четыре рта и все девки. Замуж никто не берет бесприданниц. А старшой уже двадцать второй год пошел...

– Ладно, – перебил его оперативник, – идем к этим братьям Титовым кажется?

– На кой ляд мне к ним идти? – не понял Иван.

– Спросим кому они лошадь твою продали? – пояснил Рябинин.

– *А откуда ты знаешь, что это они?* – с недоверием посмотрел на оперативника тот.

– Пошли, по дороге расскажу, – направился к воротам Егор.

Шли недолго, за поворотом третья хата с права, с перекошенными ставнями и облезлой камышовой крышей и была «пентхаусом» братьев Титовых. Из хозяйства были только две курицы с петухом и хромой пес, который поднял лай, как только Рябинин с Иваном показались на дороге.

– *Васька! Кузьма!* – позвал братьев хозяин пропавшей лошади. – *Где вы дармоеды?! Подите сюда, дело есть!*

С заспанными глазами и свежим перегаром выкатился из избы один из братьев:

– *Чо надо?* – забегали его маленькие глазки переходя с Ивана на Рябинина. – Какое такое дело? Занятые мы сегодня!

– *Хто тама?* – послышался другой голос из избы.

– *Добродетель наш явился, на работу хочет позвать,* – обернувшись к двери отозвался первый.

– *Ты Васька не артачься, а поди сюда! Коли тебе наше благородие велит,* – напирал Иван.

Из избы пошатываясь вышел Васька.

Братья были разные: Василий был худой, высокий с копной рыжих спутанных волос, Кузьма темно русый, невысо-

кий с небольшим выпуклым животом и глубокими залысынами.

– *Ну, сказывай, чо приперся?* – обратился он к Ивану.

– Кому лошадь продали? – переключил разговор на себя Рябинин.

Кузьма скосил свои маленькие глазки в сторону брата и парировал:

– *Какую лошадь, господин хороший? Никакую лошадь в глаза не видывали...*

– А лошадь такая: – стал описывать пропажу оперативник, – гнедая, по кличке Ласточка, примет особых не имеет, разве что подковы новые.

– *Не брали мы ни какой лошади,* – стал оправдываться смекнувший в чем дело Василий. – *Вот те крест!* – перекрестил он свое голое пузо.

– Зря Бога гневишь, – не поверил ему Рябинин. – Все улики против вас.

– *Х-х-то, против?* – зычно икнул Кузьма.

– Улики, – повторил оперативник. – Первая, – начал он загибать пальцы, – на что пьем, гуляем?

– *Ты-к-к это...* – стал усердно думать Кузьма, так что на его лбу появились маленькие капельки пота, – *именины справляем...* – Не придумал он ничего лучше.

– А что пьем? Разрешите посмотреть, – направился Рябинин прямым в хату, отодвигая стоящего в проходе Василия. А про себя подумал: «здесь я лицо неофициальное, а

они наверняка о санкции прокурора ничего не знают, жалобу не напишут».

На столе стояла недопитая бутылка водки, рядом в миске лежала квашенная капуста, шмат подтаявшего сала, хлеб, непочатая баночка леденцовых конфет. «Монпансье» прочел Рябинин на ней.

– На сладенькое потянуло? – с пониманием взглянул он на жестяную баночку.

Под столом валялись еще три пустые бутылки из-под водки и жирная оберточная бумага. Рябинин поднял ее двумя пальцами поднес к лицу и как пес понюхал.

– Рыба копченая, – определил он по запаху съеденный братьями деликатес, ранее завернутый в бумагу.

– Иван, посчитай на сколько денег потянет это пиршество? – обратился Рябинин к хозяину пропавшей лошади.

– *Рубля на три с полтиной*, – оценил тот.

– Это хорошо! – улыбнулся оперативник. – Что все не потратили, а то как цыганам долг за лошадь возвращать будите?

– *Какую такую лошадь?* – бегали испуганные маленькие глазки Кузьмы.

– Гнедую, по кличке Ласточка, – снова спокойно повторил Рябинин, и загнул второй палец:

– Улика вторая, – поднял он лапоть лежащий у печки. Достал из внутреннего кармана блокнот, вынул из него веточку рябины и зарисованный рисунок лаптя. Размер и рисунок

совпали. – Отпечаток этой обуви был оставлен преступником, который спрыгнул с забора во двор потерпевшего. Рисунок идентичен, размер обуви тоже. Показал Рябинин свой рисунок и подошву лаптя Василию, чьи ступни были длиннее и уже стоп брата. Из чего тот сделал вывод, что лапти принадлежат именно ему.

Василий замотал головой.

– *Не...* – не успел он закончить фразу.

– Улика третья, – продолжал загибать пальцы Рябинин, – тот, кто следил, когда хозяева улягутся спать, и доступ к лошади будет свободен, сидел на дубе, растущем у забора, и когда он с него слазил то зацепился за сухой сук, и вырвал клочок штанов – достал из блокнота клочок грубой ткани оперативник, и приложил к дыре на штанине Василия.

Клочок и дыра совпали.

– Улика четвертая, – вновь загнул палец оперативник, – тот, кто выводил лошадь, хорошо знал где она находится, как запирается. Еще он также хорошо знал хозяйскую собаку, а собака знала его, поэтому и не залаяла, и не бросилась на вора. Лошадь тоже хорошо знала вора, поэтому спокойно пошла в поводу у него не сопротивляясь. Из чего можно сделать вывод, что вор, человек вхожий в дом, а кто как не работник, который часто помогает по хозяйству является для животных «своим», не вызывающим подозрения.

– *И как же вор, вывел лошадь, а калитку закрыл за собой?* – подбоченился ухмыляясь Кузьма, явно рассчитывая

на то, что сбил с толку Рябинина.

– А вот, ты и попался! – тоже ухмыльнулся оперативник. – Откуда ты знаешь, что преступник закрыл калитку? Я об этом не говорил.

– И наконец, улика пятая... – протянул оперативник, нарочно делая паузу. – В отверстие задвижки была вставлена конопляная веревка, – Рябинин подошел к Кузьме и резким движением развязал на нем что-то вроде кушака, поддерживающем штаны. Внимательно разглядел его, достал из блокнота несколько ниток, приложил их к кушаку и продолжил, – вот что и требовалось доказать. Здесь как раз не хватает одного вплетения. Вор, оторвал веревку из этого «ремня», продел в отверстие, спокойно вывел лошадь открыв засов изнутри, а потом с помощью веревки вставил засов обратно находясь с наружи.

– Где лошадь?! – закричал неожиданно он, переполошив братьев. – Я пока без санкции прокурора вас спрашиваю, и пока без конвойных. На каторгу захотели? – вспомнил Рябинин уроки истории и уголовное право по соборному уложению, которое изучал в институте.

– *Прости, ваше благородие!* – повалился на колени перед Рябининым Кузьма, – *бес попутал! Мы ее к цыганам свели прошлой ночью, а потом пили. Не погуби, не надо каторги!*

– *Мы все отрабатываем!* – тоже повалился на колени Василий.

– За сколько продали? – уже более спокойно спросил Ря-

бинин.

– *За сорок р-ублёв*, – икнул Кузьма.

– *Вот изверги окоянные! Вот я вам сейчас душу и выну*, – стал засучивать рукава Иван, готовясь к мордобою.

– Не тронь их! – остановил того оперативник. – За рукоприкладство, тоже статья имеется. Накажу всех! Этих, – кивнул Рябинин в сторону братьев, – за кражу, а тебя – за мордобой!

Иван стал спускать рукава. А братья подползли на коленях к Рябинину и стали наперебой целовать тому руки:

– Вы что сдурели? – отстранился от них оперативник. – А ну встать, и отставить лобызания! – приказал он. – Собирайтесь, пойдём к цыганам за лошадю.

Вышли уже через пять минут. Как про себя отметил Рябинин в стили русской поговорки: «Голому одеться – только подпоясаться».

Первую половину пути шли молча, каждый думал о своем, пока не вышли по тропинке к лесу. И тут молчанье прервал Кузьма:

– *О, вот и мой картуз!* – увидел он в кустах свою кепку, и полез за ней. – *Говорил же тебе, что я его потерял*, – обратился он к Василию, – *а ты – цыгане украли! Цыгане украли!*

– *Помалкивай ужё!* – цыкнул на него Василий. – *Мало тебе энтих улик, про какие благородие сказывал?!*

– *А, чо я? Мой только кушак был. А все остальное твое добро: лапти, штаны...* – не договорил Кузьма, как получил

«затрещину» от брата.

– *Ишо поболтай! Ишо выхватишь!* – погрозил Василий кулаком.

– А ну прекратить, пререканья! – скомандовал Рябинин.

Вновь образовалась тишина, прерываемая только тихим топотом ног по пыльной проселочной дороге и щебетанием птиц. К полудню стало жарко. Яркое играло осеннее солнце, отдавая последнюю теплоту в уходящем году, скоро начнутся первые осенние заморозки, а потом придет холодная и снежная зима.

– *Присядем на завалинку?* – предложил Иван, – ноги отекали.

Все сошли с дороги и сели в тени на поваленную старую березу. Иван достал из-за пазухи кусок хлеба и тонко порезанные кусочки сала. Строго взглянул на братьев и разделил кусок хлеба на четыре части. На каждый кусок положил ломтик сала и раздал путникам.

– *Вот так всегда,* – стал он вслух рассуждать, – *я их ваше благородие кормлю, продукты даю, деньги, а они мне за это лошадь увели, продали. А ведь сами через неделю снова придут и будут Христом Богом молить, чтобы я их взял на работу. А лошади-то нет, на ком пахать прикажете? На них? На этих олухах? И ведь, ладно бы купили на те деньги, за что лошадь продали, что-нибудь полезное. Нет! Они водки купили да угря, копченного. У!* – замахнулся он на братьев. – *Пьяницы! Дармоеды! Без штанов ходят, босые, кры-*

ша прохудилась, а им все нипочем, лишь бы брюхо набить, да водкой запить. И нет бы самогоном разжиться дешевым, они водки купили, «бари» выискались!

– Да, хватит тебе Иван, – взмолился Василий, – не будет такого боле! Прости нас!

Подкрепившись, пошли дальше и уже через час были в соседней деревне. Она была богаче и в несколько раз больше той, из которой они пришли. На небольшой центральной площади стояли ярморочные ряды, а за ними были видны цирковые шатры с натянутыми тросами. Между шатрами сновали чумазые цыганята, доносились грубые женские голоса, по интонации Рябинин понял, что женщины ссорятся. Мальчик лет тринадцати жонглировал разноцветными шарами, а мужчина лет сорока двумя тяжелыми гирями. Откуда-то из центра шатров и кибиток, стоящих кольцом, доносился аромат готовившегося обеда. Лошадей не было.

– На пастбище увели! – догадался Василий по ищущему взгляду Рябинина.

– Далеко? – поинтересовался тот.

– Нет, через мост напрямки, с пол версты будет, – успокоил его Кузьма.

За шатрами в глубине редкого лесочка стояла одинокая повозка. В ней сидел молодой цыган в вышитой жилетке, одетой на голое тело, на вид ему было лет двадцать пять.

Василий сразу заметил того, и зашептал на ухо Рябинину:

– *Вон тот цыган, что на повозке. Ему мы продали лошадь.*

– Добрый день! – поздоровался с ним оперативник. – Узнаете этих людей? – Указал он на братьев Титовых.

Цыган нехотя повернул в их сторону голову и смачно сплюнув в траву, отрицательно покачав головой:

– Никого не знаю барин, – ухмыльнулся он в пышные усы.

– Эти люди, утверждают, что вчера ночью они продали вам лошадь. Что вы на это скажите? – начал проводить очную ставку Рябинин.

Братья дружно закивали.

– Не знаю я их! И лошади у них никакой не покупал! – стоял на своем цыган.

– *Как же не покупал, когда ты нам вчера сорок рублёв за нее дал, крохобор. Лошадь-то хорошая, молодая, на ярмарке все семьдесят стоит.*

– Лошадьми на ярмарке торгуют, а я просто пастух. Я лошадей не продаю и не покупаю. И вас впервые вижу! Идите своей дорогой! – прыгнул с кибитки цыган.

– А где лошади, которых ты пасешь? – поинтересовался Рябинин.

– Да вон они, – кивнул в сторону луга пастух.

– А если мы найдем нашу лошадь? – решил «закинуть удочку» оперативник.

– Ищите! Мне то что. Лошади все наши таборные, – пожал тот равнодушно плечами.

Рябинин понял, что не так-то просто будет вывести его на чистую воду, а в слух спросил:

– А ты «тертый калач»? Не впервой видать. Да только и я, не из библиотеки, – ухмыльнулся он. – Посмотрим кто кого!

– Ну, ну! Иди ищи барин! Да только чем докажешь, что лошадь твоя? – подмигнул он Рябинину.

– Умного из себя строишь? – почесал тот кончик своего заострившегося носа.

На лугу пасся целый табун. Половина из них была гнедого окраса. Даже спутники Рябинина растерялись пытаясь отыскать среди них свою.

Хозяин свистнул, потом окликнул лошадь по имени:

– *Ласточка! Иди ко мне, моя девочка!*

На свист отреагировал весь табун, и примерно двадцать из них были Ласточками. Среди этих Ласточек было десять гнедых. Цыган засмеялся в голос.

– Круг сужается! – обрадовался Рябинин. – А теперь смотрите подковы, – обратился он к Ивану и братьям. А сам достал блокнот с зарисованным копытом.

Одна из лошадей явно узнала своего хозяина и ластилась к нему. Но Рябинину нужны были явные доказательства. Тем более цыган поменялся в лице и его глаза загорелись злым огоньком.

Рябинин про себя подумал: «Нас всего четверо, да и братьев в расчет брать нельзя, убегут при первой провокации или скажут, что они не при чем, что это мы их заставили

оклеветать пастуха, значит нас только двое, а цыган много. Они в радиусе звукового доступа. Стоит пастуху подать сигнал, и сюда сбежится весь табор. Лес рядом, река тоже. Даже пистолет не спасет. Не буду же я стрелять по людям. Могу только предупредительный выстрел сделать, ну ранить нескольких. А если их это не остановит, тогда что? Нужно искать другой выход. Какой?..»

Две лошади, были с новыми подковами. Сделанный рисунок копыта совпадал с оригиналом, только на рисунке подкова была старой и треснутой.

«Как же быть?» – судорожно рассуждал Рябинин. «Цыган ушлый, заметит».

– *Вот моя лошадь!* – обрадовался Иван. – *Она тоже меня узнала. Отдавайте ему деньги и айда домой.*

– Нет! – преградил им путь цыган. – Это моя лошадь! И я ее не отдам!

– *Покажи благородие, ему свои улики!* – оттолкнул Иван настырного цыгана.

Но Рябинин, к его разочарованию почему-то не спешил этого делать.

– А давай, проведем эксперимент, – вдруг обратился тот к цыгану.

– *Кого ты там проводить собрался?* – не понял пастух.

– Ну, что-то вроде испытания, – уточнил Рябинин. – Тебе это тоже полезно будет знать, – стал заигрывать он. В таборе ведь тоже лошадей воруют?

– Бывает, – поймал на себе заинтересованный взгляд цыгана оперативник.

– Вот! Я тебе преподам урок, а ты мне за это вернешь лошадь хозяину. Он тебе деньги отдаст. И мы останемся в расчёте. И я не буду привлекать тебя по закону. – Достал Рябинин своё удостоверение.

Цыган внимательно разглядел гербовую печать с двуглавым орлом и «проникся». Как про себя отметил оперативник.

– Хорошо, давай свой «перемент»! – согласился пастух. – Табору не нужны неприятности.

– Лошадь, точно твоя? – уточнил Рябинин на всякий случай у Ивана, спросив об этом того в самое ухо, чтобы цыган не слышал.

Тот утвердительно кивнул.

– Ты на ней в эту деревню ездил? – опять зашептал в самое ухо Ивана Рябинин.

– Да, почитай раз в месяц на ярмарку, – тоже шепотом ответил тот, и искоса взглянул на цыгана, который не смотрел в их сторону, а был занят тем, что позвал худого подростка лет пятнадцати приглядеть за лошадьми, пока он сам будет занят экспериментом.

Рябинин приказал цыгану вывести лошадь на слияние дорог, которые вели в разные направления. Одна к цыганским шатрам, другие три в соседние деревни, из которых народ приезжал на ярмарку.

– Отпусти лошадь! – обратился оперативник к пастуху. – Лошадь сама знает дорогу домой. А нам надо лишь пойти за ней и увидеть куда она нас приведет. А вам всем, – обвел он взглядом присутствующих, – я запрещаю, отдавать лошади команды, звать ее по имени, разговаривать с ней и прикасаться. Отойдите от нее на десять метров и не приближайтесь. Ваша задача только следить за ней и все. Все меня поняли?!

Да! – закивали участники эксперимента.

– Хитрый ты барин, однако, – улыбнулся цыган в усы.

Лошадь, как будто решила испытать нервы всех присутствующих. Она постояла минут сорок на перепутье, взирая на людей, которые стояли и не говорили ей, что они от нее хотят. Потом она поплелась к реке, долго пила, паслась на берегу, медленно жуя пожухлую траву. И уже самому Рябинину хотелось стегануть ее по рыжему заду, чтобы придать ускорение. Что давным-давно предлагали сделать его спутники.

Наконец часа через два, когда Рябинин приказал скрыться всем с глаз лошади, и из-за кустов наблюдать за ней, та направилась к дороге. Там она еще постояла минут десять и двинулась в сторону дома. Иван облегченно вздохнул.

Уже поздним вечером, когда на улице совсем стемнело, лошадь добрела к своему овину и встала на свое законное место к кормушке.

Братья отдали цыгану оставшиеся деньги, а недостатку

пришлось покрыть Ивану, в счет будущей отработки братьев в поле.

После сытного ужина Иван от души поблагодарил Рябинина за лошадь, и пообещал отвезти того в Латуринск через день. Чтобы накануне собрать провиант и отдохнуть, так как все устали за эти два дня поисков.

Рябинин отключился сразу, как только голова коснулась подушки, и даже странные сны ему сегодня не снились.

Глава 10

«Выставка странного художника»

Андрея вечером дома ждал сюрприз. Настя накрыла праздничный стол и достала из холодильника бутылку шампанского. И вообще она вся светилась от счастья.

– У нас праздник? – спросил жену Тихомиров. И стал мысленно перебирать все даты, какие только вспомнил.

«День рождения жены – 8 мая, сына – 18 июня, день свадьбы – 17 февраля. Может быть день нашего знакомства? Тогда тоже была осень, но точную дату не помню. А я ведь даже цветов не купил», – расстроился он.

– Не мучайся не вспомнишь! – рассмеялась Настя, глядя на его напрягшееся лицо. – Пришло подтверждение из Москвы, я теперь кандидат исторических наук.

– Поздравляю! – Обнял ее Андрей, и прижав к себе поцеловал. – Так ты у меня теперь умная не только на деле, но и на бумаге?

– Угу, – кивнула Настя.

– А почему ты мне не сказала раньше, я бы цветов купил, – упрекнул он жену.

– Потому что, во-первых – у тебя был выключен телефон, и ты был недоступен, во-вторых, я знала, что ты на операциях и трубку не возьмешь, в-третьих, на поиски цветов ушло бы дополнительное время, и ты не успел бы к ужину. Так что мой руки, и идем к столу, – отстранила она от себя мужа и подала полотенце.

После ужина Настя сообщила Андрею, что в субботу он должен отложить все свои дела, и она поведет его на выставку.

– Пообещай мне, что мы обязательно пойдем в галерею. Мне девчата с работы звонили, делились своими впечатлениями. Говорят, появился некий молодой художник, его картины такие глубокие, в них столько мистики и тайного смысла, что невозможно оторвать взгляда. Словно каждая картина – это некий ребус, который нужно отгадать. И каждому увидевшему картину открывается только его прочтение, его видение. Все его картины, каждый трактуют по-своему. Говорят, этот художник такой талант. А названия картин... Ты не представляешь, они так странно называются: «Сны леса», «Смерть ангела», «Кровь и пепел», «Калинов мост»...

– А как зовут этого художника? – напрягся Тихомиров.

– Виктор Себастьянов. – ответила Настя, сделав ударение в имени на второй слог во французском стиле. Ты что-ни-

будь слышал об этом художнике?

– Нет. – соврал Андрей, избегая лишних вопросов.

– Ну, так как насчет субботы? – спросила она, и приподняла игриво брови.

– Обязательно сходим. – заверил ее он, и нежно поцеловал в щеку. – После такого ужина, я просто обязан сходить с тобой на выставку.

Андрей очень устал, но сон не шел. Он снова и снова мысленно возвращался к названиям картин Витьки Силиванова.

«Что там в этих новых его картинах? О чем они? Возможно они прольют свет на очередное исчезновение Антонова? К стати завтра нужно будет позвонить Рябинину узнать, как его дела и сообщить о выставке. Возможно он тоже присоединиться к ним и посетит галерею. А вечером можно будет посидеть обмозговать увиденное. Да и с самим Витькой нужно будет поговорить. Как же так я о нем совсем забыл. Закрутился, замотался и забыл. А ему, наверное, нужна была помощь, поддержка, особенно после того как Тоня погибла», – стал накручивать себя Тихомиров. «Мальчишка ведь сирота. Завтра поговорю с Настей и предложу взять над ним опеку. Если он конечно захочет... Надо же Виктор Себастьянов...» – ухмыльнулся он сам себе.

Постепенно сон стал одолевать уставшее тело и сознание Тихомирова. И он провалился в черную пустоту. Но покоя не почувствовал, наоборот, повсюду ощущалась тревога и холод. Андрей ничего не видел в темноте в которой оказался,

только чувствовал дыхание смерти. Его пробиравал озноб, стучали зубы, тело сковала судорога, и он закричал от боли и бессилия.

– Андрей! Андрей, что с тобой? – трясла его за плечо жена, проснувшаяся от крика.

– Сон приснился странный, – успокоил он ее. – Спи. Извини, что разбудил... – сделал он вид, что снова уснул.

Когда рядом послышалось ровное и тихое дыхание Насти, он потихоньку встал и вышел на кухню. Заварил себе крепкого чаю и стал всматриваться в темноту окна. Так в этой позе он просидел до утра. Позже поднялась Настя, стала собирать сына в детский сад.

– Давно сидишь? – заглянула она в его чашку с холодным чаем.

Андрей вздрогнул выйдя из оцепенения:

– Нет, не очень, – ответил он. – Кстати, а сегодня эта выставка есть?

– Какая выставка? – не поняла Настя.

– Ну ты вчера говорила, что мы с тобой в субботу пойдем на выставку в художественную галерею, – напомнил он ей.

– А-а-а, ты об этом? – вспомнила Настя. – Она будет две недели. Вход свободный. С десяти утра, до восьми вечера.

– Хорошо, – сказал Андрей глядя в окно.

– Ты, что сегодня собрался на выставку? – удивилась жена.

– Нет, – снова соврал он ей. – Просто так спросил, на ум пришло, – стал оправдываться Тихомиров.

– А-а-а! – многозначительно произнесла Настя и сделала вид, что поверила. – Операции у тебя сегодня назначены? – промежду-прочим, спросила она.

– Да, порок сердца в одиннадцать, – вылил остывший чай в раковину Андрей.

– Так значит часов в шесть вечера ты освободишься? – налила она ему свежего чаю и протянула бутерброд. – Может быть мы тогда сегодня успеем на выставку, чтобы не дожидаться субботы? Я могу заехать за тобой. Ванюшку раньше из садика заберу и к маме отвезу.

– Нет, нет, – замотал он головой. – Не беспокойся! Вдруг что-то пойдет не так, вдруг придется задержаться. В субботу сходим.

– Хорошо, – согласилась Настя. – В субботу, так в субботу, – подозрительно взглянула она на мужа. А про себя подумала: «Что-то с этой выставкой не так. И художника он этого наверняка знает. Что он от меня скрывает? Очень интересно. Надо все-таки Ваньку раньше из сада забрать».

Тихомиров весь день следил за временем, чего за ним раньше не наблюдалось. На его счастье операция прошла удачно, все показатели пациента были в норме. И он со спокойной душой вызвал такси и отправился на выставку.

Не смотря на позднее время, народу в галерее было много. Выставка была организована в трех залах. К Андрею подошел молодой человек в элегантном костюме и вежливо спросил, чем он ему может помочь. На его бейджике было начер-

тано: «Администратор малого зала Востриков Сергей Игоревич»

– Не подскажите, а сам художник на выставке присутствует? Хотелось бы взять у него автограф, – обратился Тихомиров к администратору.

– К сожалению, нет, Андрей Владимирович, – улыбнулся тот ему в ответ. Со здоровьем у него что-то.

– Вы меня знаете? – удивился Тихомиров.

– Да, конечно! Кто же вас не знает в нашем городе? Вы оперировали мою маму. Вострикова Зинаида Аркадьевна, помните?

– Ах, да, да! Кажется, припоминаю, правый клапан меняли...

– Ага, – кивнул тот.

– Как она себя чувствует? – проявил профессиональный интерес Тихомиров.

– Спасибо, очень хорошо для ее возраста. Теперь она все лето пропадает на даче, – улыбался администратор, показывая ряд белоснежных ровных зубов.

– Свежий воздух, это конечно хорошо, но физические нагрузки для нее вредны. Главное правило не переусердствовать и не расстраиваться, – тоже улыбнулся в ответ Андрей. – А чем болен художник? – перевел он тему разговора.

– Честно сказать я не знаю. Но слухи разные ходят. Возможно просто пиар, чтобы вызвать интерес публики. В наше время, это хорошая реклама. Здесь его продюсер, я могу вас

с ним познакомиться, – администратор стал искать взглядом в людской толпе нужного человека. – Максим Петрович! – поманил он жестом человека невысокого роста с солидным брюшком.

– Представьте меня пожалуйста, не хирургом, а в каком-то выгодном свете, – попросил Андрей администратора.

Тот понимающе кивнул.

– Да, да! – наигранной открытой улыбкой поприветствовал он Тихомирова. – Добрый вечер! Я могу вам быть чем-то полезен? Разрешите представиться, Салазкин Максим Петрович, продюсер, – протянул он свою маленькую пухлую ручку навстречу огромной ручище Андрея.

– Тихомиров Андрей Владимирович! – пожал он теплую ручку продюсера.

– Это один из наших меценатов, очень влиятельный человек в городе, – подыграл ему администратор малого зала Востриков. – Я вас оставлю, для приватной беседы, – откланялся он, и поспешил удалиться.

– Так, чтобы вы хотели приобрести? – был «сама любезность» Салазкин.

– Я пока еще не решил, – ушел от прямого ответа Тихомиров. – А что бы вы порекомендовали? Я полагаюсь на ваш вкус, – тоже вступил в игру он.

– О! Я польщен! Идемте в большой зал, – потянул он за рукав Андрея. – Я бы предложил вам картину «Смерть ангела». Это целое произведение искусства. Это шедевр. Буйство

красок, экспрессия, сочетания мистики и трагедии. Борьба света и тьмы, добра и зла если хотите...

Салазкин говорил еще что-то, про художников и их искусство, про чувства и их выражение в картинах, но Тихомиров его не слушал, он кивал в знак согласия, а сам был поглощён самой картиной. Он и так знал, о чем она. Он видел эту смерть своими собственными глазами и ничем не мог ее предотвратить.

– Если вас интересует цена вопроса, то мы сможем договориться...

– Эти картины бесценны, – вставил фразу Андрей в промежуток пафоса и патетики продюсера. – А сам художник присутствует в галерее? Я думаю его личный автограф с пожеланием или напутственным словом увеличил бы цену произведения?

– Ах, да! Конечно! Безусловно! Но мне очень жаль, в связи со слабым здоровьем автор лично не присутствует на выставке. Но мы можем все организовать... – заверил его Салазкин.

– А, что с ним? Чем он болен? – придал своему голосу как можно больше небрежности Тихомиров.

– Все великие художники немного не от мира сего. Именно это и помогает им творить. Разве можно писать картины и быть простым человеком. Нет! Это подвластно лишь особым тонким натурам. вспомните хотя-бы Мунка, Ван Гога, Врубеля...

– Так он что, сумасшедший? – прервал Тихомиров поток изречений Салазкина выказывая свою заинтересованность.

– Об этом неприято говорить в светском обществе, – перешел на шепот продюсер, – назовем это душевным расстройством. Молодой человек с неокрепшей психикой и великим даром. Так что, вы будите брать картину?

– Возможно. И не одну, – уклончиво ответил Андрей, чтобы не расстраивать Салазкина. – А покажите мне что-нибудь из его последних картин.

– Конечно! Конечно! – «заглотнул крючок» продюсер.

Перешли в другой зал, и Салазкин, как заправский искусствовед в захлеб стал «читать» произведения Витьки Силиванова: «Сумерки», «Седьмая тень», «Смертельный пир», но Тихомиров его не слушал. Он смотрел на картины и думал о том, с чем они связаны. Какая тайна скрыта за мазками, образами и цветом.

– А могу я увидеть художника? – неожиданно спросил Андрей продюсера, что тот от неожиданности поперхнулся и в растерянности выкатил на него свои бледно-голубые часто моргающие глазки.

– Нет! Нет! – замотал он головой, так что Тихомиров забеспокоился, о ее сохранности на прежнем месте. – Художник никого не принимает, он ведет уединенный образ жизни.

– А за отдельную плату? – решил сыграть на жадности продюсера Тихомиров. – Я бы хотел сделать ему заказ на написание других картин, которые больше подошли бы к мое-

му интерьеру. Видите-ли я строю загородный дом и хотел бы украсить свою гостиную в стиле барокко. Мне нужно чтобы картины художника были написаны в этом же стиле с преобладанием золотых и синих оттенков. Поэтому я хочу напрямую обсудить с художником размер и содержание картин, а также материал на котором они должны быть исполнены. Все расходы в связи с этим беру на себя. Но и вас как посредника не обижу, вы тоже получите свои комиссионные.

Салазкин постоял несколько секунд в нерешительности, видно было как алчность, мелочность и другие качества личности боролись в нем. Наконец-то он принял решение:

– К моему глубокому сожалению, я не смогу организовать вам личную встречу. Но обещаю передать вашу просьбу художнику, и если он согласится принять ваш заказ, я вам сообщу. Оставьте мне свои координаты.

– Хорошо. – Согласился Тихомиров и в его голосе зазвучали стальные нотки. – Но я тоже человек очень занятой, и поэтому будем держать связь через администратора кивнул он головой в сторону Вострикова, вокруг которого собралась толпа народа.

– Я люблю людей деловых и целеустремленных! Разрешите откланяться, – не подав руки развернулся Андрей и пошагал в сторону выхода, оставив растерянного и расстроенного Салазкина одного посреди зала с протянутой рукой.

Тихомиров слишком хорошо знал психологию таких людей. Раз он не пошел навстречу, «уважаемому меценату го-

рода», как представил его Востриков, то и продюсеру нужно будет предпринять попытки изменить ситуацию. У таких людей на первый план всегда выходит личная выгода и доход. Он точно знал, что Салазкин ему обязательно позвонит.

Проходя мимо Вострикова, Андрей незаметно шепнул тому, что будет ждать его у выхода. И Администратор появился там через несколько минут.

– Слушай, Сергей Игоревич, – обратился он к тому, – мне нужна твоя помощь. Этот художник, возможно близкий мне человек, и я хочу его найти. Если это конечно он. Возможно ему нужна помощь, а я о нем ничего не знаю. Сообщи мне пожалуйста, все что сможешь узнать о нем. И еще, этот Салазкин, наверняка обратится к тебе с просьбой связаться со мной, поэтому продолжай уверять его, что я богат и влиятелен. И о всех его просьбах сообщай мне. Вот мой номер телефона. Только звони вечером, а то утром я обычно занят на работе и телефон отключаю, – сунул ему свою визитку Тихомиров.

– Понял, – взял визитку администратор. – Договорились. – засунул он ее в карман пиджака и вернулся в малый зал галереи.

Вечером вернувшись домой, Андрей слушал милую болтовню жены, о том, как прошел день. О том, как Ванька рассказывал стихи на детском утреннике, и о том, как подрались соседские коты.

– Все только и говорят, что о выставке, – из далека начала Настя, прощупывать почву. Для того чтобы вывести мужа на откровенный разговор. – Представляешь, там есть такая картина с чудным названием «Сны леса», Аллочка рассказывала, что на ней изображен заблудившийся в лесу путник, а Томочка уверяет, что это сон того самого путника. Что ему снится, что он заблудился в лесу. Варвара Михайловна, вообще говорит о том, что это не лес, вернее нарисован лес, но это аллегория, и в ней, в этой картине, зашифровано какое-то послание.

Андрей сделал сосредоточенное лицо и молчал, делая вид что внимательно слушает Настю. Но его мысли были далеко, в лесу, за его пределами, за пределами человеческого сознания и понимания.

Настя поняла это, так же, как и то, что Андрей был на выставке. «А иначе зачем он одел на работу новый дорогой костюм. Который он одевал два раза в жизни на вручение докторской степени и на свадьбу. С каким трудом Настя уговорила его купить, а потом одеть на торжество. Была бы его воля он пришел бы на эти церемонии в свитере и джинсах. А тут сам одел, без всякого повода. Или все-таки повод был? Почему ничего не сказал ей. Неужели что-то произошло? Кто этот художник, надо будет обязательно выяснить. И сейчас сидит с каменным лицом и делает вид что ему эта тема неинтересна. Как будто она, Настя, не видит и не понимает, что он претворяется. Ну, что ж пусть думает, что она не зна-

ет, что он там был.

– Так, что в субботу мы ходим в галерею? – поразила она его «контрольным» вопросом с наивным выражением лица.

– Ах, да, я совсем забыл, – начал выкручиваться Тихомиров. Сегодня привезли сложного пациента, в пятницу будет операция, так что в субботу скорее всего мне нужно будет его понаблюдать. Сходи сама, девчонок пригласи. Потом поделишься впечатлениями. Ванюшку моей маме завези, она с удовольствием с ним посидит. А после выставки ходите с девчонками в кафе или ресторан, развейтесь, тем более у тебя есть повод их угостить. Хочешь я закажу столик?

– Ну, вот как всегда, – надула она свои пухлые губки. – Работа превыше всего. На выставку я схожу, а в кафе с девчонками потом ходим, когда сами «корочки» кандидатские придут.

– Ну, как знаешь, – согласился с ней Андрей. – Пойдем спать, я устал, – встал он из-за стола и направился в ванную.

Но сон не шел, Тихомирова не отпускало чувство тревоги. Теперь он не знал о ком она была больше об Антонове или Витьке Силиванове. А может быть она просто удвоилась. Вечером он не смог дозвониться Рябинину, а потому ему не с кем было поделиться своими переживаниями. «Настя она конечно хорошая, умная, добрая, но не нужно ее втягивать в это, она должна заботиться о сыне», – размышлял он.

Только под утро Андрей смог забыться во сне и увидел в нем Тоню. Она стояла в белом длинном одеянии на фоне

сумеречного леса и улыбалась, её красивое лицо светилось нежной улыбкой.

– Не вини себя, – шептали ее губы. – Это мой выбор. Ты правильно сделал. Мне здесь хорошо и спокойно. Я ангел... Помоги е... – стала она исчезать, как утренняя дымка.

– погоди! Не уходи! Кому мне помочь? Как? – пытался остановить процесс растворения ангела Тихомиров.

– Ты знаешь... – шепнул ему лес своими ветвями, и он проснулся.

Глава 11

«Исчезновение»

Утром по настоянию Антонова, Буров отправился в город в полицейский участок и сообщил о пропавшей дочери.

Но урядник не торопился заводить дело.

– Девушка пропала месяц назад? – смотрел он на Бурова поверх своих круглых очков.

– Да! – ответил отец.

– Тело до сих пор не найдено? – почесал он кончиком карандаша мочку своего уха.

– Никак-нет! – отрапортовал тот.

– А нет тела, нету дела! – бросил урядник карандаш на стол. – Могла с женихом сбежать. Али куда-нибудь с села уйти, лучшей доли искать. А может обрюхатил кто, вот она от позора и сбежала. Знаете, папаша сколько таких случаев было?

– Не могла! Она у меня порядочная девочка, – сжимал и разжимал кулаки Буров.

– Я этих порядочных столько на своем веку перевидал, что вам папаша, и в страшном сне не привидится, – поправил урядник пальцем очки на носу и уткнулся в стопку бумаг, что лежали на столе.

– Я за свою дочку ручаюсь! Говорю вам, что она не просто так пропала, с ней что-то случилось, – настаивал тот.

– Тогда может она в реке утонула? Может сама в прорубь бросилась, а может просто под лед провалилась? Могла в лесу заблудиться на радость зверю, а могла просто замерзнуть. Тут версий множество... – не закончил он.

– Так как мне быть? Что делать? – потекли по щекам Бу-рова слезы.

– Я все понимаю. И горю вашему сочувствую. Но и вы поймите меня, времени прошло много, труп девушки не найден. У меня нет оснований открывать дело. Встал урядник из-за стола, похлопал по плечу убитого горем отца. Взял его под руку и повел к выходу. – Вот если труп вдруг отыщется, тогда и приходите.

– А если не сыщется? – остановился на пороге Буров.

– На нет, и суда нет, – выпихнул урядник матроса за дверь и быстро закрыл ее, за его спиной.

Буров приехал домой поздно вечером сильно пьяный. Антонов вместе с женой Василия Катериной, выгрузили тело с телеги и занесли в дом. Он что-то пытался им рассказать,

грозил то кулаком, то пальцем, иногда как рыба, оказавшаяся на берегу открывал рот, но не мог вымолвить ни слова. Через несколько минут по дому разнесся богатырский храп.

На утро все село гудело, как встревоженный улей, пропала еще одна красивая, молодая девушка Серафима Пархоменко.

Все село вышло прочесывать лес. Послали гонцов по соседним деревням, но и эта девушка исчезла бесследно. По реке на лодках баграми ощупывали дно, поднимали рыбацкие сети, но ни живую ни мертвую девушку так никто и не обнаружил.

Кто-то из соседней деревни видел, как молодая русская девушка днём ранее шла по дороге с цыганом. А вчера табор снялся и ушел. Но описать девушку не смогли. Русая коса, светлый сарафан, на голове косынка. В руках несла туесок.

Под такое описание подходила каждая вторая, у всех были и косы и косынки, и сарафаны и туески.

Снова поехали в город за урядником, на этот раз доставили его в село. Совместно с сельским старостой урядник походил по селу, тупо рассматривал следы колес на грязной дороге, потом потребовал жирного гуся за свои труды. Погостил у старосты два дня, безжалостно поглощая все его припасы и спиртное. Составил отчет в котором написал, что: «Серафима Пархоменко, дочь сельского кузнеца семнадцати лет, была замечена в обществе цыгана, табор которого стоял неда-

леко от села, где проживала пропавшая. Следствием выявлено, что Серафима Пархоменко добровольно была уведена тем цыганом в свой табор. О чем свидетельствуют следы и очевидцы. Посему дело следует закрыть, в виду отсутствия состава преступления».

– Как же так? – бежала за телегой увозившей урядника мать пропавшей девушки. – Как же так? Как же? Где же ее искать?.. Ироды! – упала она на дорогу и не поднималась с нее.

Подбежали соседки, стали поднимать за руки, бить по щекам приводя в чувства.

– Не убивайся, ты так. Может и впрямь с цыганом в табор ушла, по доброй воле. Что ж теперь поделатъ? – успокаивала женщину соседка.

– Да нет, же, – всхлипывала та, – она Мишку Попова с войны ждала. Сватанная она.

– Да, кто их молодых разберет. Может цыган приглянулся. Может полюбился? Вот и пошла за ним, – подхватив под руки повела соседка к дому плачущую женщину.

Вечером после ужина Василий Буров, вновь завел разговор о пропавших девушках:

– *Сегодня в соседнем селе, повстречал своего давнего приятеля Никитку Брагина, и он рассказал мне что и в их селе пропали две молодки. Одна перед Благовещением, другая опосля Пасхи. Всем селом ходили искать, но они как в воду*

канули. Никто ничего не видел. И цыган поблизости не было, а девки пропали. Что ты на это скажешь? – обратился он к Антонову.

Антонов несколько минут молчал, делая вид, что занят обработкой инструментов и готовкой лекарств, а сам думал, что же ответить посеревшему от горя отцу.

После того как он спас охотника, с близлежащих сел к нему потянулись больные. Кто с гнойником, кто с переломом, кто с пробитой головой.

Вот и сегодня он вправлял вывихнутое плечо, сделал три перевязки, вырезал аппендицит и собрал сломанную ногу мальчишке-подростку, неудачно упавшему с соседской яблони.

«Не могу же я ему сказать, что в их селе или где-то поблизости завелся серийный убийца или маньяк? – рассуждал про себя Антонов. «С какой целью нужны ему девушки? Насилие и убийство? Просто убийство ради удовольствия? Самый главный вопрос кто он этот самый маньяк? Где он живет и где прячет трупы? Как плохо что со мной нет Рябинина. Интересно, с чего бы он начал расследование? Наверное, нужно найти в чем их сходство. Чем они интересны этому маньяку?» – решил попробовать начать расследование Роман.

– А эти девушки, что пропали в соседнем селе, тоже были не замужние? – спросил он Бурова.

– Да, одной двадцать лет, другой кажись восемна-

дцать, – поскреб локоть правой руки тот.

– Как ты думаешь, что их связывает? Чем они все похожи? – сел рядом с ним на скамейку Антонов и начал скручивать чистые бинты, которые накануне выстирала Катерина.

Василий достал кисет, нюхнул из него табаку, прочихался до слез и со знанием дела произнес:

– Они все молодые и красивые, все пропали весной, и ни одну из них не нашли ни живой, ни мертвой.

– А при каких обстоятельствах они пропали? – отложил смотанный бинт в коробку Антонов. – В какое время?

Василий задумался, почесал переносицу и через время ответил:

– Катерина сказывала, что Маришка после обеда вышла из хаты, сказала, что скоро вернется и пропала. Катерина подумала, что та пошла к Дуське, своей подруге, но та говорит, что не видела ее, а ходила с матерью к проруби, белье полоскать.

– А вторая девушка, Серафима кажется? – начал сворачивать второй бинт Антонов.

– Серафима пропала к вечеру. Сказала, что пошла в продуктовую лавку, мать дала ей денег на пол-литра подсолнечного масла и фунт сахару. Но в лавке ее никто не видал. Куда делась? Коли дорога к лавке одна? По пути бабы у колодца судачат. Но и мимо них она не проходила, – собрал брови на лбу Буров.

– А, те девушки из другой деревни? Они, когда пропали? –

отложил еще один готовый бинт в коробку Антонов.

– *А я и не спросил*, – почесал затылок Василий. – *Кабы знал, что спрашивать надо, спросил бы, а так и не спросил. Я же не урядник. Откудава я знаю, что спрашивать?* – злился он на себя. – *Старый дурак. Надо бы спросить, а я не спросил.*

– Ладно, не кляни себя. Не спросил и не спросил, все равно я тоже не следователь. Может это и не важно, – стал успокаивать его Антонов.

В дверь постучали.

– *Кого там на ночь глядя черти принесли?* – пошел открывать дверь Василий.

– Доктора надо! – отозвались с улицы.

– *Доктор вам, что? Не человек? Ему тоже отдыхать надо!* – сердился Буров.

– Срочно! Там парнишка помирает... Я на телеге из соседнего села за доктором, – услышал Антонов, чей-то старческий взволнованный голос.

– Иду! Только оденусь и инструменты возьму! – отозвался он и стал складывать все в свой саквояж.

На улице было темно, лил дождь как из ведра. У ворот стояла старая телега заботливо накрытая брезентом.

– *Полезайте, Ваше благородие, под брезент там не намокните*, – снова услышал Антонов старческий голос.

– Хорошо, – послушно влез на телегу Роман. – А что слу-

чилось с мальчиком? Где он?

– Не знаю толком, мать его ко мне прибежала, просила доктора привести. Криком кричит убился, мол. Ну, я и примчался сюда, – резво вскочил на телегу пожилой мужичок. – Но! Трогай! – крикнул он лошади и стегнул ее кнутом.

Лошадь аллюром помчалась с места.

Больше двух часов Антонов трясся в старой телеге под проливным дождем. Ошметки грязи летели из-под ее колес и копыт лошади. Хорошо, что был брезент, который спасал его от грязи и дождя. А иначе ему нужно было сначала вымыться всему, прежде чем подойти к больному.

Подросток лет пятнадцати лежал на кровати бледный и еле стонал.

– Что произошло? – спросил Антонов мать мальчика.

– Лошадь его копытом лягнула в живот, – ответила та.

– Давно? Сколько времени прошло с того момента? – поднял рубаху на теле мальчика Антонов.

– Да после обеда, он пошел кормить скотину, а я тут пироги пекла, сразу не кинулась. А потом кликаю, кликаю, а он не отзывается, – вытерла кончиком платка она слезу. – Доктор, не уж-то он помрет? – схватилась она своей нагруженной рукой за грудь. – Ведь он у меня один кормилиц-то остался. Муж на фронте, старшая дочка весной пропала, а у меня их еще трое, мал-мала, меньше. Как же я без него?

– Быстро, свету побольше! Воды горячей! Стол освободите. И мальчика аккуратно на стол, – закончив осмотр, при-

нялся тот руководить подготовкой к операции. – И выйдите все из дома. А ты останься! – обратился он к пареньку лет шестнадцати. – Как тебя зовут?

– Санька... – неуверенно произнес тот.

– Крови не боишься? – напрямик спросил его Антонов. – Мне помощник нужен.

– Нет... Наверное... – снова неуверенно выдавил из себя Санька.

– Ну, ничего, справишься, – подбодрил его Роман. – Это твой друг? – кивнул он в сторону стола, на котором лежал больной.

– Угу... – подтвердил Санька.

– Как его зовут? – начал выкладывать из саквояжа инструменты Антонов.

– Фёдор... – ответил он и стал со страхом рассматривать обилие всевозможных причудливых ножниц, игл и ножей.

– Ну, что Фёдор, приступим? Одев халат, чепчик и маску, занес он над подростком шприц с анестезией.

Мальчик открыл испуганные глаза, и силился что-то сказать.

– Сейчас, я сделаю тебе укол, и ты уснешь, и ничего не почувствуешь. А когда проснешься, все закончится, – улыбнулся Антонов пациенту, чтобы не напугать того. Хотя сам еще толком не знал, что его ожидает внутри. Он очень надеялся, на то, что это только разрыв селезенки.

После вскрытия брюшной полости, хирург с облегчением

вздыхнул. Он был прав. Повреждена только селезенка и это обстоятельство внушало надежду на лучший исход.

Санька с ужасом во все глаза наблюдал за происходящим. Он внимательно слушал Антонова и выполнял все то, что тот ему говорил. Хотя несколько раз к нему подступала тошнота и он несколько раз был в предобморочном состоянии.

– Ну вот и все. Твой друг будет жить. – Подбодрил Антонов парнишку, наложив последний шов на тело Фёдора.

Потом он похлопал по щекам своего пациента, и когда тот открыл глаза, улыбнулся ему:

– Все, теперь ты будешь как новенький. А шов со временем зарастет.

– Давай теперь аккуратно перенесем его на кровать, – обратился он к Саньке, – бери его за ноги, а я под руки, на счет три. Раз, два, три...

Перенесли они Фёдора на кровать. Только теперь Антонов заметил, что все домочадцы наблюдали за ним через окна с улицы, и даже проливной дождь им не мешал. Он махнул рукой приглашая мать войти в помещение.

Она зашла и затряслась всем телом, как осиновый лист, глядя на тело ребенка с закрытыми глазами.

Антонов перехватил ее взгляд и поспешил предупредить назревающий крик.

– Да, живой он. Живой! Спит пока. Операция прошла успешно. Пришлось правда вырезать селезенку, но и без нее он прекрасно проживет до ста лет, если будет соблюдать диету.

ту и сильно не перетруждаться. А пока покой и жидкая пища. Недельку, другую пусть лежит, резких движений делать ему нельзя, а то швы разойдутся. Я у вас побуду несколько дней, понаблюдаю за ним, чтобы рана не воспалилась и осложнений не было. Вы не против?

– Что ты ваше благородие, живи сколь тебе понадобится, а то и совсем оставайся. – Облегченно вздохнула мать мальчика и опустилась на край скамейки стоявшей около печи.

Через несколько часов Фёдор окончательно пришел в себя и Антонов велел его матери сделать отвар из укропа и дать выпить сыну. Утром он измерил ему температуру, оглядел шов, обработал его зеленкой и убедившись, что все в порядке, присел на скамейку и облокотившись на печку уснул.

Во сне он плыл в небесах и был невесом. Его окружали белые дома и белые улицы, белые деревья и белые птицы. Они все были словно вылеплены из облаков и их причудливые формы могли меняться. Если Антонову не нравился острый угол дома, то он тут же закруглялся, если на доме он не видел трубы, то она тут же появлялась и из нее клубами шел белый дымок. Если Антонову хотелось разглядеть птицу в небе она тут же спускалась к нему, и плыла рядом. Все было таким теплым и мягким...

– Доктор! Доктор! – кто-то стал трясти мягкое и теплое тело Антонова, чем-то холодным и мокрым.

Антонов проснулся. Он лежал на кровати утопая в мягкой перине, накрытый тонким пуховым одеялом. Ему до ужаса

не хотелось расставаться с «небесами» и обретать в реальности силу притяжения. На кануне он так устал, что не мог вспомнить, как оказался в кровати.

Перед ним стояла мать мальчика, мокрая от дождя, который шел уже второй день не переставая.

– Там соседка наша пришла, дочка у нее заболела. Горит вся. Вас просят. Я не хотела будить, но девчонку жалко, – извиняющимся тоном проговорила она.

– Скажите, что сейчас приду, – спустил ноги на пол Роман. – Где умыться можно?

Женщина полила из кувшина на руки и лицо Антонова, и подала тому чистое расшитое полотенце.

Пробираясь к соседнему дому Антонов с грустью вспоминал тротуары и асфальтированные дороги. Здесь ноги увязали в грязи по самую щиколотку. «Хорошо, что Василий дал мне свои сапоги», – мысленно поблагодарил он Бурова, а то бы я утонул тут в своих кроссовках.

Девочка лет двенадцати металась в бреду и все звала кого-то.

– Не ходи туда! Не ходи... шептала она – Ксана! Ксана! – звала она кого-то невидимого по имени, поднимаясь на локти.

– Лежи, лежи, – опустил ее на кровать Антонов, и достал фонендоскоп.

– Не отдавай ей колечко... Ксана! Ксана! Не ходи туда... – снова попыталась подняться девочка, но сил не было.

Антонов измерил температуру и достал из саквояжа какие-то порошки.

– Вода, кипяченая есть? – спросил он мать девочки.

Та бросилась к печке и достала оттуда чугунный горшок. Вода была горячеей и Антонов перелив ее в чашку, стал на нее дуть, чтобы быстрее остудить. Размешав в чашке порошок он приподнял худенькое тельце девочки и стал потихоньку вливать ей в рот содержимое чашки.

– Это ангина. – Сказал он матери. – Вылечим. Лишь бы осложнений не было. Легкие чистые. Хрипов нет. Это хорошо.

Через пол часа температура стала спадать, и девочка уснула.

– Идите покушайте, – позвала Антонова к столу хозяйка. Налила ему большую кружку молока и отрезала ломоть свежего хлеба.

– Вот тут картошечка горяченькая, яички, сало, – поставила она на стол перед доктором еду. – Вы кушайте, кушайте.

Антонов с удовольствием поел. Еда казалась такой вкусной и так пахла. Что сил отказатья у него не было. А позже он вспомнил, что последний раз ел почти два дня назад, еще, когда был у Василия Бурова.

– Спасибо. Очень вкусно. Никогда не ел такой вкусной еды, – улыбнулся он хлебосольной хозяйке. – А кого девочка звала в бреду?

– Да, Оксанку, сестру свою старшую. Пропала она перед

Благовещением, ни духу, ни следу, – зарыдала мать девочки.

– Извините, я не хотел вас огорчить, – стал оправдываться доктор.

– Нет, это вы ваше благородие, меня извиняйте, как вспомню, так плачу, – вытерла слезы рукавом хозяйка. – Поделаться ничего не могу с собой. Дочка ведь старшая. Как подумаю, что злой человек погубил ее, так места себе не нахожу. Была бы хоть могилка, можно было бы сходить проведать, а так, когда неизвестно ничего о ней, это очень худо. Сердце материнское рвется на части. В церковь не сходить за упокой не заказать, душу не успокоить. Где она скитается сейчас, что с ней происходит? – Снова заплакала она.

– А как она пропала? – спросил Антонов. Он видел, что матери девочки хочется выговориться. С кем-то поделиться своей бедой, чтобы стало легче.

– Утром по хозяйству помогала мне управляться. А к обе-ду мы с ней на реку собирались. К Вербному воскресенью вербы нарезать, да рыбкой разжиться. Вадим с другими ребятами еще с раннего утра на рыбалку ушел. Вадик – это мой сын средний, – пояснила женщина. – Обед не взял, и утром не завтракал. Мы ему хлеба с киселем должны были отне-сти, – затянула потуже платок хозяйка. – А Оксанка мне и говорит, ты мол мама устала, тебе еще в обед корову доить, да баню топить. Я сама схожу на реку и если Вадька рыбы наловил почищу и принесу. Я и обрадовалась. В хате прибра-лась, занавески постирала, корову подоила, баню истопила,

младших испугала. А к ночи Вадька вернулся, рыбы принес. Спрашиваю где Ксанка? А он мне и говорит, что не видал ее с раннего утра. К нему она не приходила, и он целый день голодный просидел. Пошли к Алёнке Пашутиной, подруге ее. Та тоже Ксанку целый день не видала, хотя договаривались после обеда встретиться. Но та так на встречу и не пришла. Пошли пытаться Артёмку Пшеничного. Этот женихался все с ней, сватать хотел. Колечко серебряное ей подарил. Но и он сказывал, что ничего не знает, что с отцом весь день был, пашню к весеннему севу готовили. Артёмка, только сказывал, что видел издалече, как она в сторону реки шла с узелком. Помахала ему рукой, остановилась на повороте, словно ждала кого-то. Но тут его отец окликнул помогать, он отвлекся, а когда повернулся посмотреть на Ксанку, ее уже не было. Ночью она тоже не воротилась. А с рассветом пошли всем селом искать. Но ничего не нашли. Кто говорит, что утопла она, лед хрупким уже был. Кто говорит, что цыгане увели, заморочили. Кто говорит, что в лесу заблудилась. Да только в лес бы она не пошла, не надо ей туда было. Она в баню хотела, мы ей накануне шаль новую справили и крестная ее, ей красные сапожки подарила, так ей не терпелось в церковь нарядиться. Не иначе душегуб какой-то завелся, да дочку мою со свету сжил...

Закончила свой рассказ женщина.

– Я слышал, что у вас в селе еще одна девушка пропала? – внимательно слушал Антонов, рассказ хозяйки.

– Ну, так Алёнка Пашутина и пропала, перед самой Пасхой. Вышла вечером к девчатам. На немножко у матери попросилась. Та пускать не хотела, стряпалась, да яйца к Пасхе красила. Но уж так слезно она ее уговаривала. И уговорила... – Снова дрогнул голос женщины, и она уткнулась лицом в края платка.

Всхлипнув несколько раз она вытерла глаза и продолжила:

– Девчата сидели у березы на резной скамейке, пели песни. Алёнка прошла мимо, кто-то окликнул ее «мол куда ты?», та отшутилась, «не скучайте, скоро вернусь», ушла и так до сих пор не вернулась... Снова ходили искать всем селом, по соседним селам узнавали, но никто ничего не знает, не видел. Не нашли... – Тяжело вздохнула женщина.

Пробыв в этом селе несколько дней, удостоверившись, что его пациенты пошли на поправку, Антонов отправился к Бурову. Вез его на той же телеге по грязной дороге все тот же пожилой мужичок. Светило яркое солнце, слепило глаза. Роман закрыл их, и сам не заметил, как уснул.

Во сне он видел Рябинина, которого несла в своем грязном, рваном подоле его Недоля. Она опиралась костлявой рукой на клюку и громко скрипела зубами:

– Х-х-ч! Х-х-ц-ч! Х-х-ч-ц! Х-ц...

Внезапно телега резко перекосилась и звук прекратился. Антонов услышал:

– Вот, холера! Язви тебя возьми! Чтоб тебе пусто было!

Он открыл глаза и увидел, что колесо на телеге отвалилось, а его извозчик мягко говоря негодует.

– Надолго застряли? – спросил Антонов пожилого мужичонку.

– Надолго! – ответил тот. – Назад в село надо, тут помощи не дождешься. Ты это паря, хочешь здесь подожди на телеге лежи, а я на лошади туда-обратно сметаюсь. А не хочешь сам пойдешь помощь приведи, а тебя здесь ждать буду.

– Нет, – ответил Роман. – Давай, ты пойдешь в свое село, за помощью. А я пойду в свое село. К вечеру доберусь. Может подвезет кто-нибудь по пути.

– Ну, как знаешь, – согласился с ним мужичонка. – Только давай телегу в кусты уберем, а то вдруг кто позариться?

Убрали телегу в кусты. Сверху набросали еловых лап, чтобы с дороги ее не было видно. Мужичок отцепил лошадь, помолодецки вскочил на нее и прощаясь с Антоновым наказал тому:

– Иди прямо не сворачивай, на третьем перекрестке повернешь направо, там такой большой калиновый куст растет, пройдешь версты три, повернешь налево, там ручей, иди вдоль того ручья, ручей в озеро впадает. Но ты к озеру не ходи, а держись левее, еще версты три-четыре и село свое увидишь.

– Спасибо, – поблагодарил Антонов своего извозчика и пошел в указанном направлении.

– Эй! – Окликнул его мужичок на лошади. – Ты это, в

отрубую не ходи, стороной держись.

– Куда? – Не понял Антонов.

– В отрубую, в старый хутор. Там говорят нечистая сила водиться. – Но! Пошла! – пришпорил он лошадь и стал быстро удаляться.

Глава 12

«При загадочных обстоятельствах»

Два дня лил не переставая дождь. И поездка в Латуринск задерживалась. Егор Рябинин отоспался, вдоволь наелся деревенской незамысловатой еды. И уже весь изнемогал от безделья. Еще никогда в жизни у него не было таких длинных полноценных выходных. Даже в отпуске его дергали то на работу, то к матери на дачу, то по магазинам с женой. В свободные от поездок дни у него начинался ремонт: шкафчиков, полочек, дверок или бытовой техники, включая автомобиль. В воскресные дни его тянули то в кино, то в гости, то просто на прогулку. И вот теперь он два дня был предоставлен сам себе. Никто никуда его не звал, не тянул, не заставлял заниматься ремонтом. Его сытно и вкусно кормили, дали вдоволь выспаться без телефонных звонков, без тошнотворных сериалов по телевизору снятых с одними и теми же актерами, на один и тот же манер. По мнению Рябинина, у большинства актеров менялись лишь амплуа, если в одном

фильме актер был положительным героем, то в другом становился отрицательным, а иногда и амплуа не менялось на протяжении нескольких картин: герой-любовник, мент, бандит, подлец, мент-подлец накрепко закрепились за одним актером, что Рябинин путался в содержании. Он вообще бы их не смотрел, если бы не жена, которая была полностью в них погружена, и всегда хотела обсудить с ним увиденное.

Сейчас он лежал на мягкой перине и смотрел в окно на красивейший пейзаж. Голубое небо, белые облака, яркое солнце, синюю реку, бегущую за горизонт, и желтую листву. У печки тихонько возилась жена Ивана Еремеева, пахло топленным молоком и свежим хлебом. На улице запрягали лошадь и грузили что-то в телегу. Вдалеке лаяла собака.

– Ну, что Егор Александрович, поехали. Все готово. – вошел в дом хозяин.

– Куды это, не поевши? – спохватилась его жена. – Я мигом! – стала она накрывать на стол.

– Чё дура кудыкаешь? Разве не знаешь, что дальнюю дорогу не закудыкивают, – прикрикнул на нее муж.

На столе появились блины, сметана и мед. В кружки налили парного молока.

– Угощайтесь! Егор Александрович, – хлопотала хозяйка за столом, намазывая блины растопленным сливочным маслом. – Только с пылу, с жару.

Егор с удовольствием позавтракал, выпил молока и поблагодарил хозяйку:

– Если бы не служба остался бы у вас на веки. Спасибо вам за хлеб за соль. Все было очень вкусно.

– *Я вам тут в дорогу гостинцев собрала,* – протянула она Рябинину корзинку с продуктами. – *Заезжайте, коли будите в наших краях. Гостям мы всегда рады.*

– Спасибо. Если доведется обязательно заеду, – пообещал Рябинин, вышел во двор где его уже ждал Иван, и запрыгнул в телегу.

Поздним вечером въехали в небольшую деревеньку. Остановились на постой у родственника Ивана, отца Захария, тот оказался священником.

Когда заходили в хату, выяснилось, что в телеге с ними приехал и рыжий кот. Он нагло и чинно переступил порог дома раньше людей. Отец Захарий очень удивился, но четвероного гостя не прогнал. Выяснилось, что священнослужитель живет один и обслуживает три близлежащие деревеньки.

– А вы были женаты? – спросил отца Захария Рябинин, после скромного ужина. Который заключался из морковного чая без сахара и куске черствого черного хлеба.

– Не положено. – Ответил отец Захарий, выделяя все звуки «о» в словах. – Я иеромонах.

Глядя на то, как отец Захарий угощает кота кусочком заветренной домашней колбасы, Рябинин с улыбкой просил:

– А почему коту повезло больше чем нам?

– Ну, во-первых, он Тварь Божья, живущая по законам

природы. Он не человек, но всё же гость мой. А потому ему лучший кусок положен. А вы люди, должны жить по законам христианским. Сегодня пятница – постный день. А потому вам скоромного вкушать не положено, – спокойно объяснил ему священник. Во-вторых, так уверенно и дерзко могут входить в избу с иконами твари избранные. Видать он кот не простой, а приближенный.

Кот вел себя так, словно понимал, что именно о нем говорят. Он смиренно сидел в переднем углу на краю лавки и дремал прикрыв хитрые зеленые глаза.

– А как зовут сию скотину? – потрепал кота за шиворот отец Захарий.

Иван пожал плечами:

– Кот и кот. Кис-кис жинка звала.

– Хорс! – Вспомнил Рябинин кличку кота, а про себя добавил, «так его кажется Тоня Белова называла. Давно. В прошлой жизни...»

– Хорс?! – Изумился иеромонах. – Верно значит, что он приближенный.

– А что значит приближенный? К кому он приближен? – заострил нос Рябинина.

– Хорс, по-старославянски означает круг, знак повторения в небесном мире, как солнце, – стал пояснять отец Захарий. – Солнце днем медленно движется по небу, а ночью возвращается обратно по подземному «Морю мрака», чтобы утром опять оказаться на небе. Хорс это имя добра

«ХОР-оший» говорим мы о добром и заботливом человеке. Но Хорс никогда не появлялся один, он всегда в компании с другими ХОР-ошими, приближенными к Богу. Это как например, солнце не может быть без дневного света, или без неба... А поэтому Хорс считается заботливым помощником земледельцев. Вот твое имя Егор? – взглянул в глаза Рябинина иеромонах.

Угу, – кивнул тот.

– А в святках твое полное имя Георгий будет. Что означает – землешапец. Хранитель земли и ее тварей. Георгий-Победоносец, покровитель воинства, защитник. Тот который выезжает на белом коне и пасет стадо, в том числе и людское. Охраняет от зверей, над которыми он тоже властвует. Он побеждает змея, то есть дьявола, который в образе того самого змея является христианам и вводит их в грехопадение. Вот и получается, что Хорс, – погладил отец Захарий кота, – есть твой помощник. Ведь это он с тобой отправился в путь, чтобы рядом быть. А стало быть ты человек не простой, а ХОР-оший.

– А от куда ты знаешь, как зовут кота? – спросил молчавший до этого Иван.

– Просто это мой кот. Потерялся в пути. А потом смотрю и у вас такой же, – начал выкручиваться Рябинин. – И только сейчас понял, что он мой, раз со мной увязался. Все время крутится под ногами. А давайте спать, – перевел он резко тему разговора, – а то завтра опять весь день трястись в телеге.

Утром иеромонах разрешил путешественникам позавтракать плотнее и даже сам угостился кусочком буженины, которую дала в дорогу заботливая жена Ивана. Часть гостинцев Рябинин уговорил взять иеромонаха, глядя на то как скромно живет духовное лицо. Тот сначала не хотел брать угощение, но потом перекрестился и произнес:

– Прости Господи гордыню мою, ибо если ты посылаешь мне дары через руки рабов твоих, я принимаю их.

Он снова перекрестился, потом перекрестил гостинцы и гостей:

– Ну, с Богом! Храни Господи в путешествии рабов твоих Ивана и Егория, и тварь Божью Хорса. Протяни руку помощи им в трудную минуту и наставь на путь истинный в скитаниях их, – благословил он отъезжающую телегу.

Дорога тянулась вдоль леса и была размытой. Телега то и дело застревала в глубоких колеях и Рябинин весь грязный и уставший, потому что каждые 10-15 минут ему приходилось высвобождать ее из липкого плена, вспоминал о благах цивилизации и скоростном транспорте.

«При нормальной дороге, я на своих жигулях преодолел бы это расстояние максимум за полтора часа. А теперь я вторые сутки в пути, и то только где-то на его середине. Хотя именно по вине все тех же жигулей и русской проселочной дороги я нахожусь здесь и сейчас. Так что дело видимо не в дорогах и не транспорте, а во мне... «Счастливом человеке». Интересно, куда это запропастилась моя Недоля. На телеге,

наверное, сидит и потешается надо мной...»

Еремеев тоже постоянно спрыгивал с телеги в жидкую грязь, и тянул лошадь под уздцы. Хорошо было только коту, который лежал в телеге на мягкой подстилке, поджав под себя короткие лапки и прищуренными глазами взирал на происходящее с кошачьей ленью и безразличием. Иногда он тянулся и зевал, но большую часть пути мирно спал, похрапывая и посапывая, и эти звуки отдаленно напоминали мурлыканье.

Свернули на опушку леса и остановились у реки, чтобы смыть грязь и поесть.

– Еще верст двадцать, и твой Латуринск покажется, – жуя хлеб с тонким ломтиком сала, подбадривал Рябинина Иван. – Я как раз на ярмарку успею, может продам что, кивнул он в сторону нагруженной нехитрым товаром телеги. – Степке сапоги нужны, Варьке отрез на платье, а малым гостинцев обещал. Мопа..., – задумался на секунду Иван вспоминая название конфет. – Ма-па-н-се. Точно они у меня мапансе просили.

– Монпансье. – Поправил его Рябинин.

– Ага, его. – согласился тот.

Неожиданно с телеги спрыгнул кот и прижав уши подбежал к Рябинину. В эту же секунду Егор тоже ощутил холод и тревогу. Небо стало заволакивать черными тучами, поднялся ветер.

– Что за черт? – Выругался Иван. – Только что солнце

светило.

– Иван, ты это иди к телеге и выезжай на дорогу, – схватив кота за шиворот, стал запихивать его себе за пазуху Рябинин.

– А, ты куда?! – округлились глаза Еремеева.

– А я, похоже, уже приехал, – смотрел куда-то в лес сквозь него Рябинин. – Быстрее! Быстрее! – Закидывал он в телегу корзину с припасами и выталкивал на дорогу ничего не понимающего Ивана.

– Но! Пошла, родимая! – потащил лошадь к дороге тот. – А ты, как же? – обернулся он в сторону где был Рябинин.

Но его уже скрыла темнота, напоминающая смерч. Воняло тиной, тленом, болотным газом.

Вытащив лошадь на дорогу, Иван еще раз оглянулся в сторону смерча, но там уже ничего не было, кроме густого рваного тумана. Еремеев постоял в нерешительности несколько минут, и вернулся на опушку, где совсем недавно они сидели с Егором и обедали. Он позвал несколько раз того по имени, затем обошел поляну, сходил вдоль реки метров по двести в обе стороны, углубился метров на пятьдесят в лес, но никого не нашел.

– *Что за чертовщина?* – Смотрел в глаза лошади Иван. – *Ты видала, когда-нибудь такое, чтобы люди среди белого дня пропадали? И что я теперь скажу, куда я дел гостя своего? Кто поверит в такое светопреставление? Еще в душегубы запишут. Мол Иван Еремеев, человека потерял в пути, в дороге. Надо бы кому следует рассказать.*

– Но! Пошла! – вскочил он в телегу. – В город, в полицейский участок поехали, – приказал он ей, как таксисту и хлестнул кнутом.

С самого утра в понедельник, у полицейского участка Иван ждал городского. Но тот появился ближе к обеду. На его лице были явные следы вчерашнего застолья, разило густым перегаром и всем своим скорбным видом, он давал понять просителям, а их к обеду собралось больше дюжины, что ему не до них. Но Иван, и еще один худосочный мужичек в дранных лаптях были настойчивы и их приняли.

– Человек пропал! – заявил с порога Еремеев, между прочим тоже полицейский.

– Куда про-пал?.. Как про-пал?... – Медленно, важно с большой неохотой стал задавать вопросы городской.

– Я не знаю куда и как он пропал. Если бы знал, я бы его сам нашел и к вам бездельникам не приходил, – погрозил толстой сарделькой своего пальца Еремеев.

– Кто по-след-ним ви-дел про-пав-шего? – выдавливал из себя каждое слово и растягивал его чуть ли не по слогам городской.

– Я его видел последним, – раздражался Еремеев.

– При ка-ких об-сто-я-тель-ствах вы ви-дели по-тер-певше-го в по-след-ний раз? – поднял мутные страдальческие глаза полицейский.

– При за-га-до-чных! – тоже по слогам произнес Еремеев.

– Ког-да про-пал про-пав-ший? – не моргая уставился тот

на Ивана.

– В субботу днем. Среди белого дня! Взял и пропал! Испарился! Фух!.. И все! – развел руками Еремеев.

– Где сие обстоятельство имело место быть? – закрыл глаза городской.

– В лесу на опушке в верстах двадцати от Латурина, – заявил Еремеев.

– Очень хорошо! – просиял городской. – Это не мой участок. Это не ко мне. Вам в другой участок надо бы обратиться, – встал из-за стола и взяв под руку не успевшего ничего сообразить Ивана, повел его к двери. – Вот и славненько! – открыл он дверь, ведущую в коридор.

Там на скамейке сидел «Худосочный», как окрестил его Еремеев.

– Ваше благородие! – подпрыгнул тот со скамейки.

– Опять ты? Как ты мне надоел! – стал высвобождать свою руку из-под локтя Еремеева городской.

– Ваше благородие, смилуйтесь, Христом Богом, прошу, – плюхнулся он на худые острые колени, торчавшие из рваных штанов. – Лошадка, это все что у меня было. Это кормилица моя. Чем мне теперь детушек кормить? Ведь помрут с голоду, – плакал «Худосочный» и подползал на коленях ближе в полицейскому.

– Уйди с глаз моих! Ничего я здесь поделать не могу. Нет ни у тебя, ни у меня доказательств, что лошадь твоя. Его слово – против твоего, это не доказательство! Так что провали-

вай! – брезгливо оттолкнул тот «Худосочного», и крикнул в конец коридора:

– Михалыч, чаю! Нет, лучше квасу! Нет, рассолу! Поди суды, лучше в лавку сбегай! – развернулся он, и вошел в кабинет, закрыв за собой дверь.

«Худосочный» поднялся с кален и качаясь пошагал к выходу. За ним шел и Еремеев.

– Что там у тебя с лошадыю приключилось? – спросил мужика Иван.

– Да, цыгане проклятые увели, – шмыгнул носом тот.

– А ты точно в этом уверен? – затянул потуже ремень на штанах Еремеев.

– Точнее некуда! Я сам видал мою Ласточку в ихнем таборе, покуда вчера они не снялись и не подались в соседнюю деревню, – вытер рукавом нос «Худосочный».

– А улики, у тебя есть? – со знанием дела стал производить допрос Иван.

– Какие таки улики? – не понял мужик.

– А это такие штуки, которые доказывают вину вора, али душегуба, – пояснил Еремеев, вспоминая расследование Рябина.

– Нету... – тяжело вздохнул «Худосочный».

– А лошадь твоя дорогу домой хорошо знает? – подмигнул Иван мужику.

– А то как же, ведь она у меня почитай, уже лет восемь живет, я ее еще жеребёнком выходил, – оживился «Худосоч-

ный». Его радовало, то что хотя бы этот совсем не знакомый ему человек проявляет к нему интерес и участие.

– Поехали в табор! Ты знаешь где он нынче стоит? – решил выручить «Худосочного» Еремеев.

– Да тут не далеке, верст двадцать, – обрадовался тот, и даже улыбнулся щербатым ртом.

– Ого, недалече?! – присвистнул Еремеев.

Мужик приуныл, и улыбка тот час сошла с его обветренного загорелого лица.

– Ладно, поехали! Попробую помочь твоему горю, – уселся в телегу Иван и кивком пригласил «Худосочного» сделать тоже.

– Мне мою Ласточку ХОРОШИЙ человек вернул, а я попробую тебе твою вернуть, – стегнул он лошадь по крупу. – Но! Родимая, пошла!

Глава 13

«Становой пристав»

Антонов следовал совету извозчика, шел прямо, никуда не сворачивая. В голове была каша, не то от усталости, не то от разных дум. Мысли путались. Он то думал о пропавших девушках, то о своих пациентах, а то вообще вспоминал своих друзей: Тихомирова, Рябинина, Кондратьева. Потом плавно мысли переходили в воспоминания о Тоне, о Северском, переключались на представления о матери, о ее жизни и смерти. Дойдя до калинового куста, о котором говорил

ему мужичок, Антонов остановился передохнуть. Достал из-за пазухи кусок хлеба, намазанный толстым слоем топленого масла и картошку в мундирах, завернутые в чистую тряпицу заботливой хозяйкой. Сел у куста предварительно подстелив свою куртку и принялся обедать.

Когда бутерброд был доеден, ему захотелось пить. В нескольких метрах Антонов услышал журчанье ручья и направился к нему. Оказавшись с обратной стороны калинового куста он увидел камень. И тут же знакомый холодок побежал по его телу. Антонов стал внимательно разглядывать местность. Сначала калиновый куст с его желто-оранжевыми бусами, потом ручей и камень.

«На камне должна быть метка», – подошел он ближе к нему. Метка была. В эту же секунду он почувствовал, как резко похолодало, и вокруг него начала образоваться черная жижа тумана. Тогда Антонов машинально вынул из-за пазухи кожаный мешочек. Он уже знал, что сейчас появится страх, и темнота поглотит его. Как только его пальцы коснулись кольца, появился голубой огонь, и Антонов оказался внутри него, словно в голубом кристалле, и темнота не могла до него добраться.

В этот раз он не потерял сознание и видел, как она старалась пробить защитный свет, в котором находился Роман. Тьма обретала разные причудливые формы: она то как огромная птица когтями рвала его, то грызла огромными волчьими зубами, а то и вовсе была огромным молотом и

старалась разбить его в дребезги нанося мощные сокрушительные удары. От этих ударов искры как молнии разлетались на несколько метров, от них валялись и дымились деревья, комья земли подлетали вверх, как после взрывов.

Антонов закрыл глаза, он верил, что с ним ничего не случится. Прижав рукой к груди ладанку, подаренную старым священником он помнил его слова о силе веры. Он представлял, как Тихомиров спасает людей делая уникальные операции, как Рябинин освобождает заложников, как Тоня парит в небесах свободная легкая и счастливая. И от этого в его душе разливалось приятное тепло и покой.

Удары и звуки становились все тише, Антонов открыл глаза и обнаружил что темнота стала рассеиваться. Она клочьями висела на кустах, ветках деревьев, стелилась по земле. Он больше не боялся ее, и она отступила...

Роман спрятал кольцо обратно в мешочек и понял, что уже поздний вечер. Солнце заходило за горизонт играя последними лучами. А в лесу, где он сейчас находился сумерки спустились еще быстрее.

«Мужик мне говорил, что от калинового куста, нужно пройти три версты, а потом повернуть налево», – рассуждал сам с собой Антонов, – «потом ручей, который впадает в озеро. Нужно идти вдоль этого ручья».

Шел Антонов примерно час, пока совсем не стало темно. У него не было фонарика, и он боялся сбиться с пути.

«Три версты я, наверное, уже прошел, но только развилку

дороги не видел. Надо остановится и подождать рассвет», – решил он и стал искать подходящее место для ночлега.

Пособирав чуть ли не на ощупь хвороста и сухих еловых лап Антонов разжег костер. Который сразу никак не хотел разгораться, а все дымил. Намучившись с ним и вдоволь и накашлявшись, Антонов наконец-то привалился спиной к березе и задремал. Костер разгорелся и теперь трещал хрупкими веточками, словно голодное животное, перекусывая их большими рыжими зубами.

– Эй, друг! Можно у твоего костра присесть? – услышал сквозь дрему Антонов чей-то знакомый голос.

Он открыл глаза и стал всматриваться в силуэт человека, стоявшего на расстоянии нескольких метров от костра. Лица невозможно было разглядеть, а вот фигура тоже показалась знакомой.

– Проходи, присаживайся. Вдвоем веселее, – пригласил путника к костру Антонов.

Тот подошел ближе, и как понял Антонов, тоже стал его с интересом разглядывать.

– Голос мне твой знаком... или показалось? – подошел человек еще ближе.

– И мне твой... – поднялся на ноги Антонов.

И тут в лучах костра он разглядел лицо:

– Егор! Рябинин?! – схватил в охапку он своего друга.

– Антонов?! – удивился тот. – Вот так встреча! Хотя, чему удивляться, где чертовщина там и ты. Откуда ты здесь?

Зачем?

– Я и сам бы рад знать, но я пока не знаю. А вот ты здесь каким ветром? – трясли руки друг друга они в крепком рукопожатии.

– Наверное за тем, за чем и ты, как обычно, – присели они к костру напротив друг друга. – Мир в опасности, Чип и Дейл спешат на помощь. Помнишь такой мультик про бурндучков-спасателей?

– Помню, – кивнул Антонов и улыбнулся.

– Как ты тут оказался? Кстати где мы? – включился в расследование Рябинин.

– В лесу. Это все что я могу тебе сказать с уверенностью, – с нотками сарказма, объяснил Антонов сыщику. – Во всяком случае я шел в село Каменка это в Полтавской губернии.

– А я в Ежовку, будь она неладна, – хлопнул себя по коленкам Рябинин. – А какой сейчас год?

– До встречи с тобой был 1904. А теперь кто его знает, – пожал плечами тот.

– И у меня до тебя был 1904. Только у меня осень была, а у тебя похоже на весну, – сорвал молодой листочек с березки Рябинин.

– У меня конец мая, – согласился с ним Антонов.

– Так значит мы сейчас в Полтавской губернии? – продолжал анализировать Рябинин. – Это что Украина?

– Нет, пока Малороссия, – не согласился с ним Антонов. – Украиной она станет позже, после 1922 года, когда образу-

ется СССР.

– А-а-а, – многозначительно протянул Рябинин. – А зачем ты туда шел? В Каменку эту?

– Да знакомый мой там живет Василий Буров, мы с ним на «Варяге» были, – объяснил Роман.

– На том самом? Который врагу не сдастся? – удивился оперативник.

– Угу, на том самом! – подтвердил Антонов.

– И что не спас? – хитро подмигнул Рябинин другу.

– Ну, смотря что ты имеешь в виду? – подбросил сухих веток в костер Роман.

– «Варяг» разумеется, – пошевелил угли в костре Егор.

– Нет, я туда попал перед самым началом боя. А вот Бу-рова и других раненных сумел спасти, – откинулся на ствол березы Антонов. И стал разглядывать, как огонь принялся жевать очередную порцию поданного ему хвороста. – Кстати я там твоего родственника Тимофея Рябинина встретил. Он на «Варяге» юнгой служил. Знаешь такого?

– Прадеда моего Тимофеем звали. Бабушка говорила, что он был моряком. Я даже когда маленький был видел его кортик, там золотыми буквами было выгравировано: *«Капитану второго ранга миноносца «Бравый» Тимофею Рябинину, в дар от его благодарной команды»*, – выводил пальцем в воздухе по памяти оперативник. – Он сначала на Тихом океане служил, пока молодой был. До капитана второго ранга дослужился. Потом его списали на берег, так у военных мо-

ряков пенсия называется, – пояснил Рябинин. А когда Великая Отечественная началась, осенью 1941 он добровольцем на фронт пошел. На Баренцевом море в чине мичмана служил на эсминце «Гремящий». В 1944 он погиб, а было ему тогда... – в уме посчитал Рябинин – 57 лет. А ты точно знаешь, что это мой родственник? – засомневался он.

– Точнее не бывает. Ваш породистый нос ни с чьим не перепутаешь, – нарисовал в воздухе заострившийся угол Антонов.

– Не знал, что он юнгой на «Варяге» служил. Хотя... – На несколько секунд задумался Рябинин, – я видел ленточку от бескозырки в шкатулке с наградами прадеда. Я тогда подумал, что это просто сувенир... А оказывается, что нет. Ну и какой он мой прадед? – с неподдельным любопытством спросил он.

– Героический! – улыбнулся Антонов. – Ты можешь им гордиться.

– Если ты успел заметить, то все мои предки героические. Ты не находишь? – съязвил Рябинин.

– Один Митька Рябина, чего стоит? – засмеялся Антонов.

– А то? Как достанет свой «меч-кладенец», так пойдут клочки по закоулочкам, – тоже засмеялся Рябинин.

Они еще долго вспоминали свои прошлые приключения, смеялись, подшучивали над собой, и друг над другом, пока сон не сморил их.

Рябинин проснулся первым, от того, что холодная капля

росы попала ему на щеку. Он открыл глаза и увидел на макушке сосны белку. Она расчесывала свой пушистый хвост быстро перебирая лапками. И Егор вспомнил проворные руки жены, которые заплетали косы его дочке. Защемило сердце от тоски по ним, его родным девчонкам. «Как они там? Жена, наверное, уже вернулась из командировки и оборвала все телефоны на работе, замучила Еремеева, обзвонила все морги и больницы. Хоть бы в «Битву экстрасенсов» не написала. А то мужики на работе засмеют. Хотя с нее станется». – размышлял Рябинин.

Он потянулся и зевнул, под его телом хрустнула ветка. На звук проснулся Антонов.

– Доброе утро! – протер он глаза и поднялся.

– Пока не знаю. Доброе ли оно? – поднялся на ноги Рябинин и стал разминать затекшее тело.

– Раз живы и здоровы, значит доброе, – подбодрил того Антонов, он тоже встал и начал тянуться в разные стороны. – Что-то находился я за вчерашний день, до сих пор ноги гудят...

– *Чего озорничаете в моем лесу? Диким криком кричите, олухи!*

Антонов от неожиданности вздрогнул и повернул голову в сторону откуда разносился старческий скрипучий голос. – Кто ты? – вырвалось у него.

– *Я-то! Ты, что смерд ничтожный, – завизжал старикашка с всклокоченной бородой, – господина не признаешь? Да*

я тебя, – выкатились его глаза из –под кудлатых бровей, – на одну ладошку положу, другой прихлопну, ногой притопну! За одну ногу схвачу, пополам разорву, – топал и визжал старикашка трясясь от злости.

– Да, кто ты такой? Что тебе от меня надо? – стал раздражаться Антонов.

– Молчи! Не разговаривай с этим плюгавым старикашкой! – зажимал свой рот обеими руками Рябинин.

– *Это кто тут плюгавый старикашка?! – перекинулся тот на Рябинина. – Это ты меня самого требьитника Переругова, плюгавым старикашкой обозвал?! Да я тебя худносового таракашку в порошок сотру. По ветру развею, на все четыре стороны прокляну! Тьфу!*

– Иди старик, куда шел! – указал рукой Антонов в сторону дороги. – Мы тебя не трогаем, и ты нас не трогай! Ступай, а то я чувствую, что из последних сил я себя сдерживаю, рука так и просится за шиворот тебя схватить и душу твою вытрясти.

– *Это на кого ты свой поганый рот раскрываешь? – подбоченился, сжал кулаки старикашка, и стал угощать Антонова отборными словосочетаниями:*

– *Тухляк болотный! Прыщ бородавчатый! Головастик жабий! Змеёньши облезлый!* – трясся он весь, и выщипывал и без того облезшую бороденку.

– Антонов! – сквозь пальцы зажатого рта, кричал Рябинин, – дай ему что-нибудь из еды, а то он не отвяжется! Это

такая погань, – мычал он, – что до смерти нас тут уморит!

– Этому маленькому поганцу, я еще и еды должен дать? – удивился Антонов, – не лопнет ли он от такой щедрости?

От куда не возьмись появился рыжий кот, и тоже стал шипеть и кидаться на всех по очереди. Антонов и Рябинин откидывали его от себя как прилипший репей, а он распушив хвост и идя как-то боком норовил вцепиться в них снова.

Словесная перепалка продолжалась бы еще долго, если бы Антонов все-таки преодолевая все отвращение и ненависть к старикашке не достал из-за пазухи картофелину и не кинул ее в лоб своему оппоненту. Картофелина отскочила ото лба старикашки, тот поскреб по нему своими длинными грязными кривыми ногтями, подобрал картофелину и погрозив друзьям своим маленьким кулачком скрылся в чаще леса.

– Повернись вокруг себя три раза! – наконец-то разжав свой рот сказал Рябинин, – а то эта зараза вернется.

На этот раз Антонов сразу исполнил просьбу Рябинина, и после того как ритуал был исполнен без сил рухнул на землю.

– Кто это такой? – спросил Антонов, громко дыша, словно только что пробежал марафон на длинную дистанцию.

– Михай, требытник Переругов. Я с ним уже встречался, – Рябинин по взгляду Антонова понял, что тому имя злодея ни о чем не говорит, и продолжил более подробно. – Ну, типа тот, кто охраняет владенья Черной Берегини. Он ко всем пристаёт и всех ссорит между собой. А чтобы он отстал, ему надо дать что-нибудь, а то не отвяжется, и три раза вокруг

себя обернуться, а то съест угощение и вернется.

– А-а-а! – Протянул Антонов. Как ты с ними живешь? Я бы, наверное, с ума сошел.

– С кем? – не понял Рябинин.

– Ну, с этими, – обвел глазами пространство вокруг себя, Антонов, – с Лешими, Кикиморами, Недолями.

– А, с этими, – кивнул куда-то себе за плечо, Рябинин, – с этими у меня полный ажур. Последнее время, как-то их поубавилось. Я даже скучаю по ним.

– У-у-у! – Многозначительно промычал Антонов. – А кот тут откуда взялся? – перевел он тему разговора.

– Да со мной пришел, – пояснил Рябинин. – Только где он всю ночь был не знаю.

– Значит кто-то замышляет что-то плохое, – констатировал Антонов.

– Да, кстати, забыл тебе сказать, Даша Кондратьева пропала, – поникшим голосом объявил Рябинин. – Я вел расследование по этому поводу, и не знаю зачем поехал в Латуринск. Мне казалось, что я там должен обязательно побывать. Какая-то непреодолимая сила тянула меня туда. Не могу объяснить, но я почему-то уверен, что так надо.

– Тебе не казалось, это я тебя звал, – спокойно объяснил Антонов. – Ты мне здесь был очень нужен. В этой Полтавской губернии видимо завелся какой-то маньяк. За весну пропали четыре девушки. И никто ничего не видел, трупов не находил. В одном случае есть подозрение на цыган,

но опять же это только предположение.

– Странно... – почесал заострившийся нос Рябинин. – Там в нашем времени тоже пропали три девушки, при загадочных обстоятельствах. И тоже никаких следов, ни каких зацепок... Если я тут, возможно эти пропажи как-то связаны между собой, – стал он размышлять вслух. – Или если я возможно найду причину их исчезновения тут, то потом раскрою эти преступления там? – Рисовал оперативник какие-то одному ему понятные схемы пальцем в воздухе.

– Все идем! – скомандовал он Антонову и коту, который вылизывал и причесывал свою взъерошенную шерсть после встречи с Михеем.

– Рассказывай, все что знаешь по этому поводу, – впился он своими задумчивыми глазами в лицо Антонова. – Кто пропал? Когда? При каких обстоятельствах?

Шли уже несколько часов, нещадно палило солнце, очень хотелось есть, но еды не у кого не было.

– Толи дело теперь, – начал разговор Рябинин, после того как Антонов рассказал ему все что знал, в подробностях о пропавших девушках. – На каждом углу кафе, пирожковая, закусочная, быстро, ресторан, кофейня. Голодным не останешься. А раньше, – ни тебе транспорта, ни тебе Макдональдса. Как здесь люди живут?

– Зато едят здоровую пищу, и дышат чистым воздухом, их не волнуют проблемы транспортного коллапса и экологии.

Они никуда не торопятся, ведут размеренный образ жизни и по-своему счастливы, – сделал свой вывод Антонов.

Позади стал слышен скрип телеги. Друзья остановились и подождали, когда та подъедет ближе.

В телеге было двое мужчин. Один управлял белой кобылой, это был пожилой седовласый крестьянин, второй – в полицейском мундире, неопределенного возраста (на вскидку Рябинин ему давал от 35 до 50 лет), он был пьян и неопрятен.

– Здорово, мужики! До Каменки подвезете? – обратился Рябинин к ним.

– *От чего ж не подвести добрых людей. Коли они добрые, а не какие-нибудь тати*¹¹. – Стал вглядываться в лица попутчиков крестьянин. – *Я их Благородие как раз туда и везу. Там говорят девицы пропадают, так это Благородие, – мужик кивнул в сторону тела с осоловелыми глазами, – едет их искать. Мы уже неделю едем. По гостям все, да по старостам живем. Везде угощают-с, а Благородие на это дело слабое. Отказать не может.*

– Кто такие?! – наконец-то поймал в фокус полицейский, попутчиков.

– Да путники мы, в Каменку идем, – ответил ему Рябинин. – А вы, ваше благородие, кем будите? Документики у вас имеются?

– Да как ты смеешь мне не верить? Кто ты такой? – поднял тот «стеклянные» блеклые глаза на Рябинина. – Я ставной пристав! – стал рыться в нагрудном кармане полицей-

ский чиновник. – Вот! – ткнул он в бумагу с печатью своим кривым, тонким пальцем.

Рябинин прочитал: «Солово Николай Игнатъевич, становой пристав Полтавской губернии».

– Очень приятно! – улыбнулся вежливой и хитрой улыбкой он. – Разрешите вас препроводить до Каменки, а то такое важное лицо и без охраны. Мало-ли что в дороге случиться может? – явно подшучивал над пьяным приставом Рябинин.

Но тот шутики не понял и на полном серьезе ответил:

– Раз-реша-йю! Я лицо, выс-коко-пс-ставлен-ное, – еле выговорил Солово, заплетающимся языком, – и мне ВСЕ! – выделил он, – должны оказывать уваженъе-с и честь, – обвел он высокомерным взглядом окружающих и снова сфокусировал его на Рябинине. – Приса-жи-й-тесь, – икнул он, – указывая Рябинину на место рядом с собой.

Проехав несколько метров, Рябинин как хитрый лис, стал петь приставу дифирамбы:

– Такого высокопоставленного господина вряд ли бы прислали по пустяку в такую глушь. Дело, наверное, особой важности?

– Да, дело пустяк... – махнул Солово рукой. – Ну, пропали девицы на выданье. Обычное дело. Сбежали с женихами, да и делу конец. А я занятой человек, должен ехать за сто верст, чтобы рас-сле-д-вать, – снова икнул он, – это дурацкое дело, – вздохнул он.

– А у вас дела неотложные в городе? – сделал такое серьез-

ное сочувствующее лицо Рябинин, что Антонов еле сдержал себя, чтобы не расхохотаться.

– В воскресенье на ипподроме скачки-с, – шепнул в самое ухо Рябинину, пристав. – Я поставил пять рублей на Комету. Это новая лошадка, резвая...

Не успел договорить он, как был перебит крестьянином:

– *Ваше Благородие, кому вы поверили, Фильке? Он же чистой воды мошенник. И лошадь эта, никакая ни Комета, а Белка. Крашенная она. Гриву подстригли, хвост заплели, на ноги белые повязки одели.*

– Сгинь! Не с тобой я старый дурак разговариваю, а с человеком, – прикрикнул Солово на извозчика.

– *Токмо зря пять рублев потратили,* – покачал головой крестьянин.

– Не твоего ума дело! Ты что, еще деньги мои считать будешь? – ткнул кулаком в бок крестьянину пристав. – Твое дело за дорогой смотреть! А что мне делать, не указывай!

– Видал, как распоясались? – обратился Солово к Рябинину. – Они уже мне высоко-бла-родию, – икнул он, – замечания делать будут. К чему катимся?..

– К революции, – шепотом, ответил ему Антонов.

Рябинин с укоризной взглянул на него, чтобы тот лишнего не наговорил, и продолжил беседу с приставом:

– Ваше высокоблагородие, – специально выделил интонацией обращение к самовлюбленному приставу, Рябинин – Николай Игнатьевич, голубчик, а давайте я вам буду помо-

гать вести это расследование. Это должно быть так интересно? Я готов выполнять все ваши поручения, собирать улики, опрашивать потерпевших и свидетелей, а вы отдохните. На вас прям лица нет. Зачем вам вся эта суета?

– А, вы молодой человек не промах-с, – погрозил он своим тонким пальчиком Рябинину. – Вы что в сыском деле разбираетесь?

– Что, вы! – замахал игриво Рябинин на него руками, – я лицо не официальное, скажем любитель детективов. Знаете ли начитался Конан Дойла, о Шерлоке Холмсе и его дедуктивном методе, и так мне захотелось попробовать. Разрешите принять участие в вашем расследовании, да еще и под вашим руководством. Это такая честь для меня, – явно льстил оперативник приставу.

– Ну, хорошо! – согласился польщенный Солово, – так и быть, участвуйте. Только позвольте спросить вас, как вас-с зовут, какого вы роду, племени? Кем служите? И кто такой этот господин Койнан Холс?

– Мое имя вам вряд ли что-нибудь скажет, мой отец из разорившихся дворян Рябинин Александр, когда-то был приближен ко двору самого..., – Егор указал пальцем в небо, – но к сожалению, времена нынче сами понимаете какие... – специально не заканчивал начатые фразы оперативник, чтобы Солово сам догадывался до нужной и понятной ему информации.

Когда Рябинин дошел до Конан Дойла, Солово крепко

спал, привалившись на спинку сиденья оборудованного в телеге.

– «Сатирикон» отдыхает, а МХАТ, плачет, по тебе, – улыбнулся Антонов. – Станиславский бы рыдал со словами: ВЕРЮ! БРАВО!

– Да заткнись ты, – упрекнул того Рябинин, – самому противно. Только дело превыше всего!

Рябинин хотел сделать серьезное лицо, но взглянув на Антонова, который еле сдерживал себя чтобы не засмеяться, тоже прыснул:

– Антонов, это зависть! – состроил он ему гримасу.

– Нет! Это талант! Его не пропьешь! – кивнул тот в сторону спящего пристава.

Когда стемнело приехали в Каменку. Солово дал распоряжение своему извозчику и направился в дом старосты. Тот с распростёртыми объятьями и поклонами встретил чиновника, старался услужить во всем, параллельно давая распоряжения своим домочадцам и работникам.

Заходя в дом старосты, Солово лениво повернул голову в сторону Рябинина и как бы про между прочим распорядился:

– Голубчик, поди отдохни, а завтра с утра часиков этак в десять-одиннадцать приходи за поручениями.

– Слушаюсь, ваше благородие! – включился снова в игру Рябинин. – Как скажите!

– Ступай! – махнул пристав рукой в сторону калитки.

– Я устал сегодня. Столько дел, столько дел... – взял он под ручку старосту и переключился на того. – Прямо и не знаю за что схватиться... – Стал в свою очередь играть роль занятого начальника Солово.

Антонов с Рябининым пошли к Василию Бурову, который им искренне обрадовался:

– *Роман Иванович! Ну, наконец-то. Я уж не знал, что и подумать. Как же ты долго. Я просто места себе не находил. Ругал себя, зачем тебя отпустил.*

– Да, не убивайся ты так. Видишь жив, здоров, да еще и не один. Прими на постой моего товарища, Егора Рябинина, он будет искать твою дочь и других пропавших девушек, – пожал он протянутую Буровым руку.

В это время из рюкзака Рябинина вылез рыжий кот и стал обнюхивать вокруг себя воздух.

– Ну, и этого, – кивнул в сторону кота он, – тоже не прогоняй.

– *Милости просим! Проходите в дом,* – открыл перед ними дверь Буров.

– *Катерина! Подь сюда!* – крикнул он в конец двора. – *Роман Иваныч вернулся, да не один. Принимай гостей!*

Из сарая вышла жена Бурова, вытирая об передник руки.

– Проходите, гости дорогие! – Улыбнулась она приветливой улыбкой. – Сейчас ужинать будем. Я прям как чувствовала пирогов напекла, да борща наварила. Ой, какой краси-

вый котик, – взяла она на руки смиренно сидящего животного. Прижала его к груди и нежно погладила по голове. Рябинину на секунду показалось, что кот сделал ехидную гримасу и показал ему язык, как бы наглядно демонстрируя, кто из них главнее.

Пока ужинали, выяснилось, что в селе за время отсутствия Антонова пропали еще две девушки.

– *Одна за другой, – рассказывал Буров, оперативнику. – Давеча, недели две назад, в аккурат, как Роман Иваныч отехали-с, так на следующий день Танька Свиридова и пропала, а в конце прошлой недели – Зинка Фищенко. И опять никаких следов, ни тебе цыганского табора поблизости, ни тела живого или мертвого.*

– И что никто ничего не видел? – Спросил Рябинин.

– *Видали, как Танька в обед ходила на луг корову доить. Передала молоко брату, чтобы тот отнес матери, сказала, что возвратится скоро. Но не возвратилась. А Зинка белье на реку ходила полоскать. Белье в корзине в кустах прополосканное лежало, а Зинки и след простыл.*

– *Может быть утонула?* – Предположил Буров.

– Спрятала белье в кусты и пошла тонуть? Нет, тут что-то не так, – покачал головой Рябинин.

– *Может сама утонула?* – Снова предположил Буров.

– Зачем тогда белье полоскать? Мол посмотри мама, какая я хорошая. Белье я тебе на прощанье выполоскала, не поминай лихом. Так что ли? – Снова не согласился с ним

Рябинин.

– *Хотя зачем ей топиться?* – стал размышлять Василий. – *Она девка красивая, из зажиточных. Жених у ней имеется, засватанная она. Жених ейный, Славка Корзун из соседнего села, хороший, работающий парень. На войне нынче. Скоро прийти должен. Свадьбу осенью сыграть собирались. Не зачем ей топиться!* – подытожил Буров.

– Ладно давайте ложиться спать, а завтра с утра прогуляемся по селу. Покажешь мне все ваши достопримечательности, – зевнул уставший Рябинин. – А то я уже плохо соображаю.

Первый раз в жизни Рябинин спал на чердаке в сеновале, где ему постелили хозяева. Антонов напросился с ним. Сквозь открытые двери чердака и худую крышу были видны звезды. Они подмигивали холодным голубым светом, как светлячки в темном лесу. Где-то по соседству с друзьями ночевали сверчки. Им не спалось, у них был вечерний концерт. Сверчки пели, перекрикивая друг друга, потом словно вступали в перепалку, упрекая друг друга что кто-то не попадает в ритм и начинает раньше остальных. Потом они трещали в унисон, хором, потом замолкали на несколько секунд и начинали заново. Пахло луговым разнотравьем: мятой, лимонником, чабрецом, душицей. На душе был покой и комфорт, рядом посапывал Антонов, который уснул раньше, чем его голова коснулась мягкой подушки. Рябинин закрыл глаза и увидел уже знакомый ему хоровод в лесу...

Глава 14

«В поисках истины»

С самой зари начали кричать не переставая петухи. Затем стали им подпевать индюки, протяжно замычали коровы, заблеяли овцы. Послышался на окраине села рожок пастуха, залаяли собаки. У Рябинина под ухом затрещал трактор, защекотало в носу. Он открыл глаза и чихнул. Рядом на подушке лежало рыжее шерстяное тело и нервно размахивало хвостом целясь попасть в лица спящим.

– Задолбал! – выругался Рябинин и повернулся на другой бок.

– Тр-р-р, мыр-рр-рр! – затрещало снова под ухом.

– Вставай, все равно он не даст нам выспаться. – Услышал Рябинин недовольный голос Антонова. Который зевал и тянулся рядом.

Егор открыл глаза и стал любоваться зарёй. Небо окрасилось в пастельные тона от бежевого до темно алого. Первые лучи восходящего солнца гладили крыши домов и макушки деревьев. Просыпались птицы и насекомые: трещали сороки, где-то застучал дятел, кукушка заунывно начала считать кому-то годы, под самой крышей зажужжало осиное гнездо.

– Только под утро перестал видеть этот хоровод в лесу, – бурчал разбуженный Рябинин.

– Какой хоровод? – не понял Антонов.

– Да снится практически каждую ночь один и тот же

сон, – повернулся лицом к Антонову Рябинин. – Будто я в лесу, а там девчата хоровод водят, смеются, песни поют. В венках на голове и сарафанах ярких. Я подхожу к ним, а они разбегаются кто куда и прячутся от меня. Я знаю, что мне необходимо их найти, но не могу. Захожу в глубь леса, а там венки за кустом, и никого. И в этот момент мне становится так жутко, что я просыпаюсь в холодном поту.

– *Тише, ты! Вдруг Роман Иванович еще спит...*

Услышал Антонов шепот доносившийся с низу.

– Не спит уже, – отозвался он.

– *Роман Иванович, а друг ваш, что девиц пропавших приехал искать, спит?* – опять шепотом спросили его с низу.

– Нет, проснулся уже, – ответил Антонов и стал спускаться с сеновала.

– *Егор Александрович, тута к вам пожаловали, говорят сельский староста прислал,* – уже в полный голос сказал Буров.

– Иду! – потянулся и стал спускаться вслед за Антоновым тот.

Пока гости не умылись и не позавтракали на скорую руку, Буров не допустил к ним просителя.

– *Егор Александрович! Беда!* – начал седой мужчина с загорелым лицом испещренный глубокими морщинами. – *Я из деревни Ракитовка приехал. Мужики да бабы меня отправили. Прослышали мы, что к вам по поводу пропавших девиц из города становой пристав приехал. Ну мы к нему, а там*

староста, велел к вам идти, так как их высокоблагородие ещё спят-с. И якобы велели вам этим делом заниматься, а ему токмо докладывать. – Поскреб затылок мужик.

– Проходите, присаживайтесь. Пригласил Рябинин того в дом к столу, с которого уже смела крошки после нехитрого завтрака жена Бурова, Катерина. – Как вас зовут? С каким делом вы ко мне пришли?

– *Зовут меня Игнатом Забродиньм,* – удивился такому почтению мужчина и присел на край лавки.

– Какая у вас беда Игнат... Простите как ваше отчество? – стал разглядывать натруженные руки Забродина Рябинин.

– Фёдорович я... – растеряно проследил он взгляд оперативника и убрал руки под стол.

– *Ну, так какая беда вас привела ко мне Игнат Федорович?* – стал смотреть ему в глаза Рябинин.

– *Так вот и у нас за прошлый месяц две девицы пропали. Племянница моя Верка, двадцати лет от роду и подруга ее Аксинья Потехина, девятнадцати лет,* – тяжело вздохнул Забродин.

– При каких обстоятельствах пропали девушки? – достал свой блокнот из рюкзака Рябинин.

– *Кто такие обстоятельства?* – снова поскреб затылок Забродин.

– Ну, когда пропали девушки? Что делали, до того, как пропасть? Кто видел их последним? Где? – спокойно объяснил ему Рябинин.

– А-а-а! – облегченно выдохнул тот. – Верка в пятницу пропала, 15 числа, стало быть. Баню натопила. Мы мужики: я, брат мой – отец Верки, и два моих племянника, Веркиных братьев, да зять мой Петро первыми пошли париться. А бабы значит после нас должны были пойти. Так вот Верка матери сказала, что пойдет мяты, да душицы нарвет для духу. И ежели она малость задержится, то путь бабы без нее идут мыться, а она потом с Аксинькой Потехиной сходит, – снова положил свои большие руки на стол Забродин.

– Так вот мы помылись, потом бабы значит: жена моя, сноха моя – Веркина мать, дочери мои три, и внучка с внуком, – стал загибать пальцы на своей руке Игнат. – Ужо темно было, а ее все нет. Мать к Аксиньке сбегала, ее и там нет. И та не говорит ничего: «мол ничего не знаю, не ведаю», сама мол жду в баню идти, а Верки нет и нет. Наутро пошли искать. Мать Веркина даже на дальний хутор бегала, но и там ее не было. А на следующий день 17 числа, пропала и Аксинька. Мать ту на ярмарку послала, в соседнее село за иголками для машинки швейной, а сама с мужем и сыном Степкой на луг траву косить пошла. Аксиньке наказала ужин приготовить, да корову подоить, когда с ярмарки вернется. Большие ее никто не видел, ни живой, ни мертвой. Корова орала до вечера, как оглашенная, ужина не было. Опять всю деревню оббежали, никто ничего не знает. Как по дороге на ярмарку шла видели, в голубой кофте и черной

юбке, и все на том.

– А далеко от вашей деревни до ярмарки? – спросил Рябинин.

– *Да нет, недалече, версты три не боле,* – вытер пот рукавом со лба Забродин.

– А ярмарка каждый день бывает? – стал что-то записывать в блокнот оперативник.

– *Три дня на неделе. В пятницу, субботу и в воскресенье,* – ответил тот, и снова спрятал руки под стол.

– Женихи у этих девушек были? – не отрывая глаз от блокнота, спросил Рябинин.

– *Какие там женихи, все на войне,* – махнул рукой Игнат. – *Верка с Артёмкой Никитиным женихалась. Письма ему на фронт писала. Она одна на всю деревню церковно-приходскую школу закончила. Грамотная была. Всем читала, да писала. А Аксинька вроде бы не сватанная была, и чтобы женихалась с кем не упомяну,* – пожал он плечами.

– Ну, может быть нравился ей кто-нибудь из парней? – Оторвал глаза от блокнота Рябинин.

– *Да мой Аркашка ей и нравился. Глаз бывало с него не спускала. Да разве бы ее отец отдал бы за моего Аркашку ее? Нет конечно,* – размышлял вслух Забродин. – *Он ей жениха побогаче хотел. Да и сам за нее приданное неплохое давал. Хвалился как-то на пашне, что бычка даст, поросят пару, да денег две сотни. Опять же бабка у них старая одна в избе на краю деревни живет. Помрет – дом Аксиньке*

достанется. Она единственная ее внучка.

Больше часа, допрашивал Рябинин Забродина. Выяснял всякие мелочи, подробности, не оставил без внимания и слухи. У Антонова заболела голова от этих вопросов-ответов, и он вышел на улицу подышать воздухом.

«Какая все-таки нудная работа у Рябинина», – размышлял он сидя на скамейке у калитки. «Только в кино бывает быстро и интересно, а в жизни скучно и долго. И как вообще можно по каким-то мелочам раскрыть преступление не выходя из дома, как делал Шерлок Холмс».

После выяснения всех обстоятельств, Рябинин вышел проводить Забродина. Чему тот был искренне удивлен и расстроган.

– Я обязательно постараюсь найти пропавших девушек, – заверил Рябинин, садившегося в телегу Игната. – Живых или... – выдержал паузу оперативник, и почти шепотом добавил – мертвых...

Забродин понимающе кивнул, а когда Рябинин протянул ему руку для рукопожатия, и вовсе проникся к молодому следователю уважением и любовью.

– *Дай Бог Вам здоровья Егор Александрович,* – поклонился он ему в пояс.

– Я сделаю все что от меня зависит, Игнат Федорович – пообещал Рябинин.

Когда телега отъехала, Антонов спросил:

– Ну что сыщик выяснил что-нибудь полезное?

– Угу, – кивнул тот, и стал просматривать свои записи в блокноте.

– А слабо тебе сказать чем занимается этот мужик? – решил подшутить над оперативником Антонов. – С помощью дедуктивного метода Шерлока Холмса.

– А тебе? – принял вызов Рябинин.

– Ну, я думаю, что это простой крестьянин, – пожал плечами Антонов.

– А вот и нет, – засунул блокнот во внутренний карман оперативник. – Он кузнец. Ты видел его руки? Они черные от въевшейся копоти, у него сильно выражен плечевой пояс, большие сильные руки, волосы на них опаленные. Кожа на ладонях жесткая, толстая и обожжённая. Он не богат, у него нет своей лошади, та, на которой он приехал лошадь его брата, она его плохо слушалась. Значит в поле он на ней не пашет. И рубаха на нем хоть и чистая, а кое-где в мелких прожжённых дырочках.

– У-у-у, ну ты профи! – одобрительно кивнул головой Антонов, – Шерлок Холмс отдыхает.

– А, то?! – усмехнулся Рябинин.

– Ну, так что ты собираешься делать дальше? – решил выяснить Роман.

– Пойду опрошу всех родных пропавших девушек. За одно пройду с Буровым по селу, осмотрю местность где девушек видели в последний раз. А там посмотрим, как говорить: «война план покажет», – процитировал поговорку опера-

тивник.

– А я пойду навещу своих пациентов, справлюсь о их здоровье, – поделился своими планами Антонов.

– Только к полудню непременно возвращайтесь к обеду, – услышала их разговор Катерина.

– Хорошо, – ответил Антонов.

– Как Бог даст, – не стал загадывать ничего Рябинин. Он знал, что все его планы обязательно будут кем-то откорректированы.

Через десять минут Рябинин с Буровым направились к дому пропавшей Серафимы Пархоменко. Мать узнав причину прихода помощника станового пристава обрадовалась и не знала в какой угол посадить гостя.

– Я уже извелась вся. Все глаза выплакала. – Суетилась она у печи, доставая угощения.

– Не нужно, – остановил ее Рябинин, – мы только что позавтракали. Вы лучше расскажите о дочери, какая она?

– Серафима у меня старшенькая, – всхлипнула женщина, проглотив застрявшее в горле слово – «была...» И в хозяйстве, и с младшими сестренками и братом она мне наипервейшая помощница. И корову подоит, и покушать приготовит и в огороде пособит. А теперь нет ее, и могилки нет. Ведь мне было бы легче если бы я знала, что с ней. Если мертва, так хоть на могилку сходить поплакать. А так мысли всякие дурные в голову лезут, мучают, жить не дают...

– Я слышал она у вас засватанная была? Что вы можете

о ее женихе мне рассказать? – задал следующий вопрос Рябинин.

– Да, Мишка Попов, засватал мою Серафиму. Хороший парень, красивый, работающий. Мать у него старая уже, за ней уход нужен. Серафимка бегала помогала ей по хозяйству. Мишку-то на войну забрали. Как сказали, что в армию призывают, так он и засватал ее. Мать оставить не на кого было...

– А ходят слухи, что она с цыганом ушла. Такое возможно? – Смотрел в глаза матери пропавшей девушки Рябинин.

– Нет! Я в это не верю. Не могла моя Серафима пойти с цыганом. Мишка ей любый был. Ждала она его, с другими парнями не хороводилась, да и некогда ей было. Она целый день с малыми, да на хозяйстве, а я то в поле, то у сельского старосты батрачила. Муж мой кузнецом был, да надорвался прошлым летом. Скоро год как схоронила. Теперь одна я с малыми детьми осталась. Мишка малость мужу в кузнице помогал, пока на войну не позвали. А теперь одни мы сироты остались... – зарыдала женщина.

Рябинин набрал в ковш воды из ведра и подал убитой горем матери. Он подождал когда она успокоится и спросил:

– Я понимаю, что вам тяжело это вспоминать, но это очень важно. Расскажите, что делала ваша дочь в тот свой последний день?

– Утром как всегда позавтракали, – начала женщина рассказывать, пытаясь вспомнить подробности, как велел сле-

дователь. – Я к старосте пошла коров доить. Я за скотом у него ухаживаю, – пояснила она. – Пять коров у него десять свиней и несколько десятков поросят. Козы, куры и гуси. Пока всех накормишь, напоишь, да уберешь за ними, так день и пройдет. Вечером без рук и ног домой возвращаешься. Вот за прошлый год за мои труды дал он мне коровенку и поросенка. Тем и кормимся. Серафима дома осталась, корова на ней и поросенок, да братишка с сестренками. За ними и присмотреть надо и обед приготовить. А еще я ей велела спать младших днем уложить, да сходить к золовке за яйцами, та обещалась дать десяток. В тот день я как раз в обед домой забежала, а Серафима уж собралась до золовки идти. Туесок взяла, платок повязала и вышла со двора. Помахала мне с крыльца и все...

– Больше я ее не видала, – снова заплакала женщина.

– А к золовке-то она дошла? – спросил Рябинин.

– Нет. Не дошла... – вздохнула та.

Когда вышли из дома пропавшей Серафимы Пархоменко, Рябинин стал подробно спрашивать Бурова о его пропавшей дочери. Но тот ничего внятного сам не знал.

– Что ты меня пытаешь? Дочка пропала, когда я еще с войны не вернулся, – сердился Василий. – Катерина, тоже ничего вразумительного сказать не может. Вышла на улицу и не вернулась. Сказала матери, мол «я на часик, другой отойду», выбежала на улицу и не вернулась.

– В какое время это было? – Поинтересовался оператив-

ник.

– Кажись, опосля обеда, Катерина сказывала, – поскреб лоб Буров.

– А в какой деревне еще девушки пропали? – положил свой блокнот в карман Рябинин.

– Так в Озерках пропали. Четыре версты от нас будет, – махнул в сторону леса рукой Буров.

– А пойдем окрестности осмотрим с тобой, – показал кивком на калитку Рябинин. – А потом в соседнюю деревню сходим, про девчонок, пропавших расспросим.

– Пошли, – тяжело вздохнул Буров, и направился со двора на улицу.

Обошли все село, сходили на речку, по тропинке дошли до леса.

– До вечера не управимся. Давай завтра с утра в Озерки пойдем, а то ноги у меня уже не ходят, – присел на поваленный сухой ствол березы Буров.

– Ладно, согласился с ним Рябинин. – Ты иди домой, а я к сельскому старосте схожу, разузнаю обстановку.

Из дома старосты через открытые окна доносились обрывки пьяных разговоров.

– Вот ты меня, началь-ссс-тво своё уважае-пшь? – услышал знакомый голос пристава Рябинин.

– Как же не уважать? Конечно уважаю! Голубчик мой, Николай Игнатьевич, как вы могли усомниться во мне? – заве-

рял того в своем уважении староста.

– Вот, кабы меня не уважжа-ли, так посла-лли бы на ответ-ссст-венное задание? – икал становой пристав.

– Да разве абы кого пошлют? Токмо самых уважаемых, – поддакивал староста.

– Добрый вечер! – поздоровался Рябинин, входя в просторную горницу.

Солово и сельский староста сидели за столом, и как определил Рябинин уже довольно давно. На столе стояла наполовину опустевшая пятилитровая бутылка с самогоном, зажаренные перепела, зеленый лук, молосольные огурцы.

– Проходите к столу, милости просим, – пригласила Рябинина хозяйка дома, подававшая к столу варенный картофель обильно посыпанный укропом.

– Глашка! – крикнула она в открытую дверь, – сало принеси, колбасу, да посуду гостю подай. Поторапливайся!

– Щас! – отозвались с улицы.

– А-а, это ты? – с трудом сфокусировал взгляд на Рябине не пристав. – Что там с нашш-им ра-сссл-е-до-ва-нием? – еле выговорил он.

– Пока ничего. Но завтра я планирую сходить в соседнее село и опросить родителей пропавших девушек и свидетелей, – браво ответил Рябинин, мысленно представляя майора Еремеева вместо пьяного пристава Солово.

– Дей-ссс-твуй! – махнул он рукой на Рябинина. – Придет-ссс-я задержать-ссся! – пожал пристав плечами, фокуси-

руя теперь взгляд на старосте. – Ничего не поделае-шшшь, слу-жжж-ба!.. Наливай! – постучал он по пустой рюмке вилкой. – И давай выпьем за ува-жжжа-мых людей, коими мы с тобой являемм-ся, – икнул он. – А ты иди работай! – показал жестом он оперативнику на выход.

– Есть, идти работать! – отлично сыграл роль подчиненного Рябинин.

– Завтра к вечеру приде-шшшь доло-жжж-ишшшь! И смот-ррри, у меня! – погрозил кривым пальцем становой пристав, чтобы придать себе важности.

Пужинав у Бурова, Рябинин и Антонов вышли во двор. Уже было темно. Большая часть неба была затянута облаками. И только сквозь их дыры были видны подмигивающие звезды.

– Ну, как расследование? Сдвинулось с мертвой точки? – спросил Роман друга.

– Надо опросить всех, чтобы была полная картина, – потянулся оперативник. – Не хочу делать скоропалительных выводов. Сначала нужно все проверить.

– Ну, а версии у тебя есть? – сторал от любопытства Антонов.

– Есть. Но это только версии. Пока слишком мало информации, – снова ушел от прямого ответа оперативник. – Устал я, пойдем спать. Вот завтра в соседнем селе побываю и тогда уже поделюсь с тобой предположениями. А пока слишком много вопросов без ответов.

– Хорошо. Пошли спать, партизан! – буркнул недовольный Антонов, и стал подниматься на крыльцо.

– Доктор! Доктор! – кто-то позвал его с улицы. – Хорошо, что вы еще не легли, там сноха моя никак не может разродиться. Сутки уже мучается.

– А что-ж вы только сейчас пришли? – удивился и рассердился одновременно Антонов.

– Так я из Озерков, пока дошла. Ноги больные, старая я уже, чтобы как козочка бегать. А послать кого помоложе боязно. Девки-то вон молоденькие пропадают. Парни все на войне. В деревне одни старики, да дети. Села на скамейку пожилая женщина.

– Василий, а можно у кого-нибудь лошадь раздобыть? Спросил Антонов.

– Сейчас сбегая к Мишке Соленому, раздобуду, – спустился с крыльца Буров.

Пока Антонов собирал инструменты, Василий вернулся с запряженной в дрожки¹² лошадью.

– Я с тобой поеду, – накинув на плечи куртку, пошел вслед за Антоновым Рябинин. – Все равно с утра в эти «Озерки» собирался.

Дорога заняла около часа. Накрапывал мелкий дождь, где-то вдалеке полыхали молнии и доносились раскаты грома.

– Хоть бы успеть до грозы, – подгонял лошадь Буров. – Но, родимая! Пошевеливайся!

Как только въехали в деревню, полил дождь, как из ведра

и ярко сверкнула молния. Рябинин резко спрыгнул с повозки и крикнул остальным: – Быстрее в укрытие!

Антонов помог женщине слезть с дрожек, и с силой потащил ее под крышу стоящего рядом сарая. Вслед за ними ведя лошадь под уздцы поспешал Буров. Рябинин схватив саквояж Романа, бежал вслед за ними.

Молния словно целилась попасть именно в него, и послала разряды один за другим. Они то и дело, как стрелы врезались в землю в каком-то метре от оперативника. Он прыгал между ними, как заяц запутывающий свои следы и не секунды не стоял на месте. Как только он оказался под крышей, молния ударила в сарай, и соломенная крыша загорелась. Лошадь заржала, встала на дыбы, вырвалась из рук Бу­рова и понеслась галопом в темноту.

– Стой! Куда ты?! Проклятушая скотина! А ну, вертайся назад! – пытался Буров вразумить и вернуть испугавшуюся лошадь. Но той было все равно, она летела по деревне, подкидывая на ухабах и кочках дрожки.

– Сам-то куда?! – Остановил его схватив за руку Антонов. Убьет-же тебя молния!

– А если лошадь потеряю, меня Мишка убьет! Это его единственная кормилица, – сокрушался Буров.

Молния еще несколько раз била в крышу сарая. Сгущалась темнота, страх и вонь наполняла легкие путников. Жен­щина упала на колени и стала неистово молиться.

– Господи! Спаси и сохрани нас грешных! – крестилась

она. – Прости наши грехи вольные и невольные! Защити нас, рабов твоих...

Антонов достал из внутреннего кармана кожаный мешочек и вынул из него кольцо...

Голубой свет развеял темноту, гроза прекратилась, а крыша сарая потухла.

– Во истину, чудеса твои Господи! Слава тебе! Слава отцу, и Сыну, и Святому духу! Аминь! – озиравась по сторонам женщина и целовала нательный крестик.

– Да! Слава, Богу! – тоже перекрестился Антонов.

Только Рябинин стоял и растерянно смотрел на всех. Он не знал, как себя вести в такой ситуации. Но трясущаяся рука, сама перекрестила его.

– Аминь! – выдохнул он.

– Я пойду Бурову помогу лошадь найти, – вышел он из укрытия.

– Хорошо. А мы к пациентке, – взял свой саквояж Антонов. – Показывайте, куда идти, – обратился он к женщине.

– Да тут уже недалече, – поправила она платок на голове и указала рукой в какую сторону им нужно идти.

Войдя в старенький дом с камышовой крышей, Антонов в блеклом свете лампадки и сальной свечи за печкой разглядел цветастые шторы. Оттуда доносились протяжные женские стоны.

– Лариса, дочка, я доктора тебе привела, – зашла за штор-

ку женщина.

– Да, помрет она, – вздохнула сидевшая рядом с той бабка-повитуха. Слабая она, крови много потеряла. Плод большой не идет.

– Да, замолчи ты Филимоновна! Без тебя тошно! – прикрикнула свекровь на бабку.

– Отойдите все! И сколько есть свечей, все зажигайте. Окно откройте, духота ужасная! – скомандовал Антонов.

Женщины вышли и стали суеиться по дому.

– Воды вскипятите, тряпки чистые давайте, – крикнул через плечо Роман склонившись над роженицей.

Девушка была совсем молоденькая. Рыжие волосы разметались по подушке, на лбу выступили капельки пота. Антонов достал фонендоскоп и стал слушать сердцебиение плода. Оно было нитевидным.

– Ребенок еще жив, но лежит неправильно. Нужно делать кесарево сечение, – поставил диагноз Антонов, после осмотра.

– Что делать? – не поняла свекровь.

– Разрезать живот, достать плод, зашить живот, – пояснил он.

– Так ведь она умрет. Что я скажу сыну, когда тот с войны вернется. Что я позвала доктора, а он зарезал твою жену? – заплакала свекровь.

– Все будет хорошо. Риск конечно есть, но небольшой, – стал внушать перепуганной женщине Антонов. – Вот если

ничего не делать, тогда и мать может умереть, и ребенок тоже. А так есть шанс что они оба выживут. В Крайнем случае ребенок будет жив, если у него нет никаких патологий.

– Маманя, пусть уже режет... Сил моих больше нет терпеть...

Услышал Роман голос роженицы.

– Если я умру, дочку Верочкой назовите, в честь моей мамы, а коли мальчик будет пусть будет Алешенькой...

– Да, милая, назову как велишь, – затряслись губы у свекрови, а из глаз полились слезы.

– Успокойтесь, все будет хорошо! – успокаивал ее Антонов. – Что вы раньше времени слезы льете?

– Доктор, это очень больно?.. Спросила роженица.

– Я сделаю тебе укол, и ты ничего не почувствуешь. Ты просто уснешь и все. А когда проснешься уже все будет позади. – Улыбнулся Роман, облачаясь в белый халат.

Спустя час по дому разнесся детский плач.

– Ну, вот и ваша девочка-Верочка, обрезав пуповину протянул Антонов ребенка бабушке.

Повитуха ловко протерла ребенка и завернула в приготовленные пеленки.

– И с Ларисой все будет в порядке. Операция прошла успешно. Она слабая пока. Ей надо пару недель полежать сил набраться. А потом она будет как новенькая. Только пусть несколько лет побережется не рождает, а то швы могут разойтись. – Дал рекомендации свекрови доктор.

– Ой, даже и не знаю, как вас благодарить, – снова залилась слезами женщина. Она поклонилась Антонову в пояс, и стала целовать тому руки.

– Что вы? Не надо, – с силой отцепил он от своих рук женщину. И по сыновьи обнял ее за плечи. – Я же говорил, что все будет хорошо.

Женщина достала из-за иконы сверток и протянула Антонову.

– Возьмите не побрезгуйте, за труды, – вложила она сверток в руку Романа.

Он развернул его, там были деньги.

– Нет, нет! – Денег я не возьму. Они вам сейчас очень пригодятся. Снохе вашей сейчас хорошо питаться нужно. Да и ребенку много чего понадобится. А вот от чая я не откажусь, – подмигнул он женщине и вернул ей сверток.

– Чаю?.. Удивилась женщина. – Да, да конечно. Побежала она к самовару и стала выставлять на стол нехитрую еду.

Когда выпили по чашке чая с хлебом и медом, из-за занавески послышался голос Ларисы:

– Мамадя... Я живая?

– Живая, живая, – заверила ее свекровь.

– А ребеночек? Он... – Не успела закончить Лариса

– И Верочка живая, здоровенькая, спит она. И ты поспи. Доктор велел тебе две недели спать и с кровати не подниматься, – вошла к снохе за занавеску женщина. – Спи, голуба моя, тебе силы нужны. А за Верочку не переживай, я за ней

присмотрю.

Спустя некоторое время в дверь тихонько постучали. Хозяйка впустила в дом промокших и грязных Бурова с Рябининым.

– Проходите к столу, чаю испейте обсушитесь, – пригласила она гостей.

– Ну, что нашли лошадь? – шепотом спросил Антонов.

– Нашли. Только эта зараза колесо оторвала где-то. Завтра пойдем искать сейчас ничего не видно. Темнота на улице, хоть глаз выколи, – присел на край скамейки Буров.

– Я вам в сенках¹³ на топчане постелила, – после чаепития объявила хозяйка. – Отдохните. А то полночи на ногах, да в дороге.

Легли втроем поперек топчана, пришлось поджимать ноги, чтобы они не свисали. Буров сразу захрапел, а Антонов с Рябининым еще какое-то время обговаривали план действий на утро. Потом засопел Антонов, а Рябину было неудобно лежать с поджатыми ногами, и он вертелся стараясь принять удобную позу, но никак не мог это сделать. И чтобы не мешать остальным решил выйти на улицу.

Дождь прекратился и на небе стали появляться звезды. После густой темноты они казались Рябину очень яркими, словно кто-то вычистил их до зеркального блеска. Вокруг была такая тишина, что казалась что она звенит. Не было ни шелеста листвы, ни дуновения ветерка, даже сверчки и другие насекомые словно замерли и не шевелились. Ряби-

нину, как городскому жителю, привыкшему к разному шуму стало страшно. Мурашки пробежали по коже, и он поежился.

– Мяу! – раздалось рядом, и Егор от неожиданности подпрыгнул.

– Опять ты...! – застряло ругательное слово в горле Рябинина, и он закашлял. – Напугал... – привел он наконец свое дыхание в порядок. – Откуда ты взялся? Мы же тебя в Каменке оставили?

Кот словно его не слышал. Или делал вид что не понимает. Но морда его была довольная, как будто он только что наелся сметаны.

Рябинин сел на крыльцо и привалился к старым прогнившим перилам. Рядом примостился кот начистил свою шерсть и замурчал. Под его монотонное тарактение Рябинин наконец-то уснул.

Он опять был в лесу и видел хоровод девушек. Но на этот раз он не стал к ним приближаться, а предпочел наблюдать за хороводом боясь их спугнуть. Все девушки были прозрачными, кроме одной. Она отделилась от хоровода и словно подплыла к Рябинину, протянула к нему руку, на ее ладони лежала золотая монета номиналом десять рублей. На руке девушки был браслет в виде выюнка с голубыми цветочками. Егор хотел схватить девушку за руку и допросить ее пока та не исчезла. Рука к его удивлению оказалась сухой, шероховатой и твердой. Рябинин с силой потянул ее на себя, и она

оторвалась...

Он рухнул на крыльцо и больно ударился головой о ступеньку. В его руке была зажата старая деревянная палка от перила на крыльце. Рябинин поднялся, почесал ушибленное место и выкинул палку. Рядом сидел кот и насмешливо почесывал ухо задней лапой.

– Очень смешно! – передразнил он кота состроив ему гримасу. – Где они? Где их искать? – обращался он к животному. – Может ты знаешь, где живет этот маньяк и зачем ему девушки? Сел на верхнюю ступеньку крыльца оперативник.

Но кот даже усом не повел на его нападки, он прикрыл глаза и дремал, подставляя бока теплomu солнцу, встающему из-за горизонта.

– Как дам тебе сейчас пинка, – пригрозил Рябинин коту, – будешь лететь далеко-далеко...

Кот приоткрыл один свой хитрый зеленый глаз и ступенька под Рябининым провалилась. Он смешно завалился набок и снова ударился головой не успев подставить руки.

На шум вышел Антонов:

– Все развлекаешься? Нет от тебя никакого покоя! – зевнул и потянулся он, обращаясь к Рябину. – Одна сплошная разруха! И ты тут? – удивился он увидев кота.

– Это не я, а он, – кивнул в сторону мирно лежащего кота Рябинин.

– Угу, – не поверил ему тот.

– Ядреная оглобля! – на крыльце показался Буров с за-

спанными глазами, он чуть не упал на провалившейся ступеньке.

– Василий, сможешь починить? – спросил его Рябинин, показывая на развалившееся крыльцо.

– Починим, коли надо, – кивнул тот.

С самого утра все разбрелись по своим делам: Буров искать потерявшееся колесо и подходящие материалы для починки крыльца. Антонов навещать своих бывших пациентов.

– На соседней улице живет мать пропавшей девушки Оксаны Макаровой, я сейчас иду туда, там по соседству я пареньку операцию делал, селезенку удалял, надо его навещать. А ты с матерью и сестренкой пропавшей девушки поговоришь.

– Хорошо. За одно выясню, где вторая девушка жила, – одобрительно кивнул Рябинин и пошел вслед за Антоновым.

– Алена Пашутина ее звали, – напомнил тот оперативнику.

– Я помню, ты мне говорил, – ответил Рябинин.

Когда они расстались на соседней улице, Егор направился в дом на который указал ему Антонов. Матери пропавшей девушки дома не оказалось, она была в поле. Зато дети наперебой рассказывали о пропавшей сестре оперативнику. И только одна старшая девочка сидела особняком и потупившись молчала. Рябинин догадывался о том, что девочка что-то знает, но все его попытки втянуть ее в разговор ни к чему

не привели. Уходил он расстроенный и злой. Но положение спас вовремя появившийся Антонов.

– Здравствуй Лидочка! – обратился он к девочке.

– Здравствуйте доктор! – заулыбалась она и бросилась ему навстречу.

– Как твои дела? Горлышко больше не болит? – обнял он хрупкие плечи ребенка и развернул ее лицо к свету. – Открой рот, скажи «а-а-а»! Я посмотрю все ли у тебя в порядке.

– У меня все хорошо! А-а-а! – открыла она рот.

– Теперь вижу, что все в порядке. Но все равно нужно беречься и босиком по лужам не ходить, – тихонько дотронулся Антонов пальцем за кончик ее носа. – Поняла?

– Ага! – кивнула девчушка.

– А мама где? – огляделся по сторонам он.

– Мама в поле ушла. А я тут за малышами приглядываю, – окинула она взглядом своих братишек. – Я теперь старшая! – одновременно с гордостью и горечью произнесла Лида.

– Знаешь я хотел у тебя спросить, – взял девочку за плечи и повел ее к скамейке у калитки Антонов. – Ты, когда болела, сестру свою Оксану звала. И твердила все, чтобы она не ходила куда-то, и не отдавала кому-то колечко. Расскажи куда не надо было ей ходить? – заглянул в ярко-голубые детские глаза Роман.

Девочка насторожилась, съежилась и резко засобиралась в дом.

– Не знаю я ни про какое колечко, и вообще я ничего не

знаю, – заплакала она и начала загонять своих братишек в дом. – В хату идите! Не велено без матери по улице бродить! – Закрыла она двери за мальчишками.

Когда вышли на улицу Рябинин сказал:

– Она знает, но не говорит потому что до смерти напугана чем-то. Или кем-то, – добавил он спустя секунду.

Глава 15

«Мутный» продюсер

В пятницу вечером у Тихомирова зазвонил телефон.

– Андрей Владимирович, добрый вечер, вас беспокоит Востриков. Администратор выставки картин, помните? Вы мне свою визитку дали и просили меня вам позвонить если продюсер Салазкин захочет с вами связаться.

– Да, Сергей Игоревич, конечно помню, я с нетерпением ждал вашего звонка. Ну, как Салазкин, созрел? – вышел на кухню Тихомиров, чтобы не мешать Насте смотреть телевизор.

– И да, и нет, «мутный» он какой-то. Давайте с вами встретимся, а то всего по телефону не расскажешь, – предложил Востриков.

– Хорошо, могу через пол часа в кафе на углу в сквере Пушкина, – заверил его Тихомиров.

– Нет, лучше через час, а то я на другом конце города.

– Хорошо, буду через час.

Тихомирову не терпелось узнать новости и потому он вы-

шел немного раньше назначенного времени. Кафе было полупустое, он сел за столик у окна, заказал кофе и стал вглядываться в вечерние сумерки.

– Добрый вечер! – раздалось за его спиной.

Тихомиров оглянулся и привстал.

– Давно ждете? – протянул ему руку Востриков.

– Нет, присаживайтесь Сергей Игоревич, – пожал ее Тихомиров. – Есть хотите? – Он махнул рукой подзывая официанта.

– Да, пожалуй, съем что-нибудь, я сегодня еще не обедал.

Сделав подошедшему официанту заказ, он сложил руки на стол и сплетя пальцы огляделся по сторонам.

Тихомиров улыбнулся, сейчас Востриков напоминал ему разведчика в тылу врага. А тот между тем стал докладывать полученную информацию.

– Художник этот, ходят слухи, – снизил он голос, – молод и неизвестен. Говорят, что он болен. Откуда он взялся никто не знает. По слухам, Салазкин нашел его в каком-то захолустном городке. А больше к сожалению, мне ничего узнать о нем не удалось.

– Ваш заказ, – подошел с подносом официант. – Еще что-нибудь желаете? – стал он выставлять на стол котлету по-киевски и салат.

– Еще кофе пожалуйста и сто грамм коньяка, – попросил официанта Тихомиров. – Ну, а Салазкин, что-нибудь говорил обо мне? Как он отнесся к моей просьбе?

– Да, спрашивал пару раз, кто вы такой? Чем занимаетесь? Как велик ваш заработок? – проглотил Востриков пищу, которая мешала ему разговаривать.

– И что? Надеюсь вы не выдали меня? – отставил пустую чашку Тихомиров.

– Ваш кофе, – выставил официант коньяк и два пузатых фужера. – Приятного аппетита.

– Спасибо, – поблагодарил того Тихомиров.

– Что вы?! – замахал Востриков руками. – Я сказал, как мы договаривались. Что вы меценат, что строите загородную виллу, что сказочно богаты и можете замолвить за него словечко в высших светских кругах.

– Ну, и как? Он поверил? – напрягся Тихомиров.

– Думаю, да, – кивнул тот. – Он у меня несколько раз интересовался, как же быть, что же делать? Вдруг он не сможет выполнить ваш заказ, не обидитесь ли вы?

– Хорошо. Передай ему, если он просто покажет мне этого художника, я не буду настаивать на своем заказе, а за него замолвлю словечко, как вы выражаетесь Сергей Игоревич, в светских кругах.

– Андрей Владимирович, обращайтесь ко мне просто по имени, какой я вам Сергей Игоревич? Для вас я просто Сергей.

– Хорошо, Сережа, ты меня тоже можешь просто по имени называть. Давай выпьем за благополучный исход дела? – предложил Тихомиров.

– Давайте, Андрей Владимирович, – чокнулись они бокалами. – Не обижайтесь, но я по-другому вас называть не могу.

Через неделю Востриков позвонил ему снова.

– Андрей Владимирович, «клиент созрел», – засмеялась трубка.

– Очень хорошо! Когда? – Тоже повеселел Тихомиров.

– В следующую среду вечером вы свободны?

– Постараюсь освободиться, но ты мне пожалуйста на календаре позвони, хорошо? – согласился Тихомиров, и стал вспоминать свой график. Операций в среду вроде бы не предвиделось.

– Договорились, – отключилась трубка.

Среда для Тихомирова выдалась трудной и напряженной, весь день он выбивался из графика и под вечер чувствовал себя уставшим и разбитым. Хотелось прийти домой, рухнуть на кровать и спать до утра, даже есть ему не хотелось, хотя с самого утра в него была влита только чашка кофе и съеден один тост с паштетом.

С утра поступила девочка лет двенадцати-тринадцати. Внезапная остановка сердца. Реаниматоры сердце завели, но девочка в сознание не приходила. Проводили полное обследование, брали анализы, но диагностировать Тихомирову причину остановки сердца пока не удавалось. Всё осложнялось тем, что девочку нашли на улице прохожие, и вызвали

скорую помощь. Она была неопрятно одета, без документов и без сопровождения взрослых. В сопроводительных документах скорой помощи в графе «Ф.И.О. пациента» было написано размашистым почерком «*Бродяжка*». Потом, поступил пациент с инфарктом, после обеда привезли пожилую женщину с инсультом, и это были далеко не все пациенты, так как в отделении было четырнадцать заполненных больными палат, и самая маленькая при этом была двухместная, послеоперационная.

Ближе к вечеру позвонил Востриков, напомнил ему о встрече с Салазкинским и загадочным художником. Тихомиров хоть и разрывался, но встречу отменять не стал. Вдруг другого шанса повидаться с Витькой у него не будет. Андрею пришлось раньше вызвать дежурного врача, и пообещать тому, что он сам отдежурит ночь вместо него. Тем более, что случай с девочкой был сложным и не понятным.

– Как пижон, – выходя из кабинета окинул он себя взглядом в зеркале.

В назначенное время Тихомиров ждал Вострикова в условленном месте. Для конспирации, ему пришлось одолжить автомобиль и шофера у своего бывшего пациента бизнесмена. Одеть деловой костюм, который он терпеть не мог и завязать галстук, подаренный женой.

Выехали за город. По указанному адресу располагался дачный поселок. Долго плутали по узким улочкам, между

высокими заборами, пока не оказались у большого двухэтажного деревянного дома.

На сигнал автомобиля вышел мужчина средних лет одетый в комбинезон и кепку, но на садовника он похож не был. Походка, манеры поведения и оценивающие взгляды выдавали в нем профессионального телохранителя. Удостоверившись, что гости прибыли одни, он подал незаметный знак хозяину, что тот может выйти.

– Здравствуйте, дорогой наш Андрей Владимирович! – вышел Салазкин на крыльцо и растопырил руки, как будто хотел схватить в охапку Тихомирова.

– Добрый вечер, Максим Петрович! – просто протянул он руку продюсеру.

– Прошу вас в дом! – пропустил Салазкин Андрея вперед.

В гостиной был накрыт стол из холодных закусок и нарезанных фруктов.

– Присаживайтесь, – указал хозяин на мягкое кресло стоящее ближе к камину. – Что предпочитаете? Коньяк? Виски? Бренди? Ром?

Тихомирову совсем не хотелось пить, но он должен был поддерживать свой имидж.

– Пожалуй коньяк, – вальяжно уселся он в кресло.

Салазкин разлил по бокалам золотисто-коричневую жидкость и подал один Тихомирову.

– Вы, знаете, мы люди искусства не в меру любопытны, – начал заискивать он перед гостем. – Уж простите нас, но мы

так устроены, – отпил он из своего бокала и скосил глаза на Тихомирова. – Не буду скрывать, но я наводил справки о вас и представляете не нашел ничего кроме того, что вы первоклассный хирург-кардиолог. Извините если я вас обидел, но я все думаю, чем заинтересовал вас художник? Ведь таким занятым людям как вы, мягко говоря не до искусства.

Пока Салазкин произносил свой многозначительный диалог, Тихомиров застигнутый врасплох экстренно соображал, как выйти из этой глупой ситуации.

«Придурок», – ругал он себя. «В разведчика решил поиграть. Детский сад – «Казачи-разбойники»».

– Максим Петрович! Не буду от вас скрывать, что я, как вы заметили, человек далекий от искусства, – сделал маленький глоток коньяка Тихомиров. – И меня мало интересует вся эта живопись, – сделал он небрежный жест в сторону картин, висящих на стене в гостиной. – Но я к сожалению, извините, не имею полномочий разглашать чужие секреты. Могу сказать одно, я здесь по поручению моего друга и компаньона. Который, как вы понимаете, хочет остаться инкогнито. Поверьте, у него большие связи и еще большее желание заполучить картины, а возможно он имеет взгляды и на самого художника. Он может у вас его, как вам это сказать..., – специально замялся Андрей, подбирая слова, – перекупить, выкупить, оплатить услуги. Выберите пожалуйста сами, что вам ближе.

– Позвольте, что значит перекупить? – поднял в удивле-

нии свои тонкие брови и покатые полные плечики продюсер. – Художник, это человек, он не продается, это не вещь! – пытался разыграть возмущение Салазкин.

– Ой, оставьте! – усмехнулся Тихомиров. – Вы же деловой человек. А это просто сделка. Художнику, да и вам продюсеру нужны средства. Искусству всегда нужны средства, чтобы его заметили, оценили, стимулировали. . .

– А зачем, извините вашему другу художник? Он связан с искусством? – перебил его Салазкин.

– В какой-то мере, да. Он коллекционер, – придумывал по ходу беседы Тихомиров.

– Он коллекционирует картины? – снова отхлебнул глоток коньяка продюсер.

– Не только, – сохранял интригу Андрей. – Он коллекционирует все необычное. И вообще он неординарный человек. Так что я могу увидеть художника? – наседали на Салазкина.

– Нет, сегодня это невозможно. Он болен и ни с кем не хочет общаться, решил прекратить разговор продюсер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.